

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

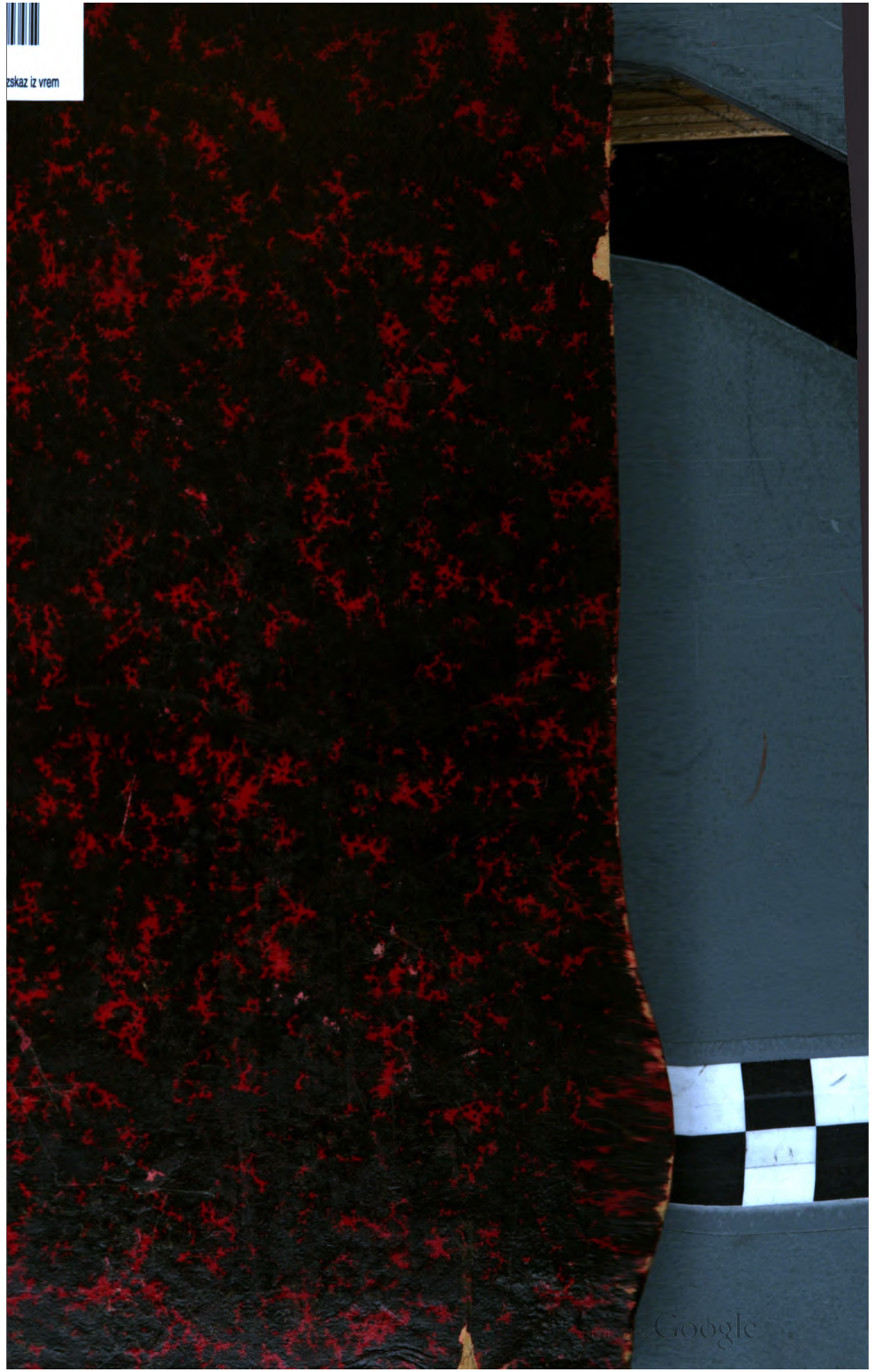
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

eskaz iz vrem

Digitized by Google

5p.

ct. 957.

**Columbia University
in the City of New York**

THE LIBRARIES

5p

С Ы Н Ъ.

С Ы Н Ъ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ XVII ВѢКА.

Н. КОСТОМАРОВА.

ИЗДАНИЕ Е. Н. АХМАТОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1885.

891.7K84

W

LIBRARY OF CONGRESS

EXCHANGE

Exchange

LIBRARY OF CONGRESS

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ, 21 мая 1864 г.

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА, ВЪ ЖЫТЪНСКАЯ, 8.

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

С Ы Н Ъ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ XVII ВѢКА.

I.

Въ 1671 году, въ августѣ мѣсяцѣ, по дорогѣ, составлявшей боковую вѣтвь большой дороги въ Саранскъ, проѣзжали двое путешественниковъ: одинъ былъ лѣтъ двадцати семи; другому, по его черной съ просѣдью бородѣ и морщинистому лицу, казалось подь пятьдесятъ. Молодой былъ одѣтъ въ суконную чугу вишневаго цвѣта, съ короткими рукавами, достигающую до колѣнъ, и съ нашивками голубой матеріи вдоль передняго разрѣза, на которыхъ прикрѣплены были петли съ пуговицами; поясъ изъ полосатой матеріи бѣлаго, чернаго и алаго цвѣтовъ обхватывалъ его станъ; за нимъ былъ заткнутъ кинжалъ въ ножнахъ, и пистолеть; на лѣвомъ боку пристегалась къ поясу на серебряной цѣпочкѣ сабля. Подоль чуги окаймлень былъ широкою желтою полосою; изъ-подъ него выказывались шта-

ны малиноваго стамеда, убранные въ большіе сапоги, которые были нѣкогда зелѣные, но отъ пыли по-
рыжѣли. На головѣ у него была четвереугольная шапочка съ раздутыми углами, краснаго сукна съ околышкомъ изъ собольяго мѣха: фигура этой ша-
почки обличала малороссійское происхожденіе: такія шапки стали входить въ употребленіе только послѣ присоединенія Малороссіи, и то преимущественно между служилыми, перенимавшими этотъ покрой въ странѣ, гдѣ бывали. За широкимъ сѣдломъ, состо-
явшимъ изъ раскрашенной пестрыми узорами луки, желтаго чепрака и зелѣной подушки, былъ прикрѣпленъ такой высокій чемоданъ, что почти достигалъ до плечь всадника, и всадникъ могъ облакачиваться на него какъ на спинку кресла; на внѣшней сторо-
нѣ были привязаны къ нему овчина шуба и бурка изъ верблюжьей шерсти; а между ними и всадникомъ прикрѣплено къ сѣдлу ружьё, положенное поперегъ. На правой сторонѣ зацѣплялся за луку сѣдла мѣшокъ съ сапогами и пороховницей, въ нёмъ былъ другой мѣшокъ съ сухарями и вяленой рыбой; на лѣвой висѣла большая мѣдная сулея, привязанная цѣпочкой къ сѣдлу. Такъ какъ тогда было время утреннее, то на молодцѣ сверхъ чуги былъ накинута шапелень темнозеленаго сукна съ широкими желтыми нашивками и длинными рукавами, которыхъ концы спускались ниже стремень. Когда солнце при-
грѣвало, онъ скидывалъ съ себя эту верхнюю одеж-
ду и привязывалъ къ чемодану. Сбруя его лошади

была украшена множествомъ маленькихъ серебряныхъ бляхъ; подлѣ ушей были на каждой сторонѣ по два бубенчика, а подъ мордой висѣли два длинныхъ сборныхъ, расширяющихся къ концу ремня, окованные серебряными бляхами по каждой сборкѣ или чешуѣ. Звукъ бубенчиковъ на далекое пространство кругомъ разносился въ утреннемъ воздухѣ.

Другой, ѣхавшій позади молодого, былъ одѣтъ въ кафтанъ синяго сукна съ зелѣными нашивками, застѣгнутый большими мѣдными пуговицами; за краснымъ шерстянымъ поясомъ былъ у него заткнутъ огромный складной ножъ; на головѣ была остроконечная войлочная шапка; за плечами у него былъ привязанъ саадакъ со стрѣлами и лукъ. Позади его торчалъ чемоданъ, а на нёмъ два большихъ узла; на правой сторонѣ у стременя висѣлъ мѣшокъ, на лѣвой баклагъ съ водою; у стремень съ обѣихъ сторонъ было заткнуто по копью. Лошадь его была не такъ породиста, какъ у ѣхавшаго впереди, сбруя съ простыми мѣдными бляхами.

Первый изъ нашихъ путниковъ былъ Осипъ Нехорошевъ, дворянскій сынъ, возвращавшійся изъ похода въ Малороссію, на родину; второй—его слуга; какое имя дано ему было при крещеніи, мало кто зналъ это, и всѣ звали его Первуномъ или сокращенно Первушей. Тогда, какъ извѣстно, оставался еще обычай давать, кромѣ крестнаго имени, другое, составленное на своёмъ языкѣ, и по этимъ именамъ людей чаще звали, чѣмъ по крестнымъ.

*

Осипъ Капитоновъ былъ сынъ Капитона Михайлова Нехорошева, жившаго въ Саранскомъ уѣздѣ въ селѣ Нехорошеви. Его отецъ, дѣдъ Осипа, Михайло, былъ сынъ боярскій, испомѣщенный въ Корѣльской землѣ. Послѣ столбовскаго договора, когда московское государство должно было купить спокойствіе цѣною Водской пятины и Корѣлы, древнихъ волостей Великаго Новгорода, многіе изъ помѣщиковъ не захотѣли служить свейскому государю, покинули свои имѣнія, прибыли въ Москву, и били челомъ государю помѣстить ихъ въ московскомъ государствѣ. Михайло Нехорошевъ былъ въ числѣ ихъ.

Не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ сказка называется. Переселенцы оставались безъ помѣстьевъ цѣлыхъ семь лѣтъ, даромъ что вездѣ были неисповѣдимыя пространства пустыхъ земель, и отвести земли можно было не только нѣсколькимъ корѣльскимъ помѣщикамъ, но такому же числу людей, сколько было тогда въ московскомъ царствѣ; и тогда бы еще всё отзывалось пустыремъ. Михайло Нехорошевъ былъ грамотнѣе противъ своихъ товарищей, и потому писалъ за всѣхъ челобитныя за челобитными, стараясь разжалобить правительство увѣреніями, что они и босы, и голодны, и холодны, и съ женишками, и съ дѣтишками волочатся межъ вдоромъ и умираютъ голодною смертію. Но Помѣстный Приказъ привыкъ къ такого рода трогательнымъ выраженіямъ и не принималъ всякое лыко

въ строку, а по обычной безпечности откладывалъ эти челобитныя на предніе годы; дворяне же хоть и описывали свой голодъ, а при каждой новой челобитной все-таки должны были являться съ пирогами да оладьями къ приказному люду, чтобы по крайней мѣрѣ не смотрѣли на нихъ волками. Наконецъ, послѣ многолѣтнихъ проторей и убытковъ, послѣдовалъ указъ отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи—испомѣстить перешедшихъ изъ-за свейскаго рубежа въ украинныхъ городахъ на саранской чертѣ. Тогда сплошь отъ Волги до Дона и до Воронежа проводились валы и по нимъ строились города, острожки и засѣки; хотѣли заселить пустыя земли: возникали города Тамбовъ, Шацкъ и др.; въ ихъ числѣ Саранскъ. Около этихъ городковъ являлись сельца, деревни, майданы между мордовскихъ и чувашскихъ селеній, и послѣднія исчезали съ появленіемъ русскихъ: жители ихъ убирались въ лѣса, и хотя должны были все-таки признавать власть бѣлаго государя, но старались жить какъ можно подальше отъ пришельцевъ, съ своими кереметями, которымъ становилось не безопасно по близости христіанскихъ церквей. Русскіе жители этого края, кромѣ помѣщиковъ и служилыхъ въ городахъ и слободахъ, построенныхъ близъ городовъ, были по селамъ отчасти гулящіе люди, то есть не записанные въ тягло отъ отцовъ дѣти, отъ дядей племянники, а отчасти бѣглые: имъ здѣсь было безопасно на срочныя десять лѣтъ, послѣ во-

торыхъ они могли оставаться свободными и не бояться сыска отъ вотчинниковъ, старостъ и прикащиковъ. Помѣщики, которымъ раздавались земли, называли къ себѣ такой народъ, а другіе приводили съ собою холоповъ и крестьянъ изъ верховыхъ городовъ, т. е. изъ сѣверныхъ провинцій. Эти возникшія селенія стояли одно отъ другаго вёрстъ на тридцать и на пятьдесятъ; всѣ были приписаны къ тому или другому городу и вмѣстѣ съ городомъ составляли уѣзды; воевода того города, куда приписывалось селеніе, держалъ судъ и расправу надъ его жителями, высылалъ помѣщиковъ на службу, посылалъ служилыхъ собирать съ людей царскія дани, выгонять народъ на городовыя работы и скликать ихъ въ городъ въ осаду, когда слышалъ *вѣсти* о приближеніи непріятеля.

Нехорошева произвели въ дворяне. Въ чемъ заключалось различіе между дворяниномъ и сыномъ боярскимъ, этого, кажется, еще не порѣшила археологія наша; но во всякомъ случаѣ дворяне получали больше жалованья, назначались на лучшія мѣста къ службѣ, и вообще ихъ считали за «лучшихъ людей», по выраженію того времени. Нехорошевъ получилъ «пятьсотъ четей въ полѣ и въ дву потоумужъ» и кромѣ того копень двѣсти пятьдесятъ сѣна, да лѣса совмѣстно съ другими поверстно. По воеводской разверсткѣ, рядомъ съ Нехорошевымъ дали жеребьи его сверстникамъ, пришедшимъ съ нимъ изъ Корѣлы: Жарскому, Худому, Черепано-

ву, Лукоперову, Пауку. Земляки выбрали себѣ усадьбы на рѣкѣ Иссѣ одинъ близъ другаго, дали обѣщаніе создать церковь и начали тотъ часъ строить себѣ дома. Немедленно стали набираться къ нимъ разные охотники селиться. Одинъ за другимъ являлись бездомные бобыли и захребетники, въ лаптяхъ, дырявыхъ шапкахъ, въ зипунахъ съ заплатами, съ заплочнымъ мѣшкомъ, гдѣ было по двѣ рубахи, праздничный зипунъ, да сухари. Одинъ и тотъ же тулупъ служилъ и лѣтней и зимней верхней одеждой; разница была та, что зимой его носили шерстью къ тѣлу, а лѣтомъ вверхъ. Въ воеводской памяти было сказано, чтобъ принимать только по проѣзжимъ памятамъ и по отпускнымъ, а не бѣглыхъ; но распоряженіе это во всей силѣ оставалось на бумагѣ, на дѣлѣ же правительственный порядокъ исполнялся только тѣмъ, что помѣщикъ спрашивалъ приводимаго, откуда онъ. Въ такомъ случаѣ отвѣтъ былъ почти всегда ложный. Еслибъ захребетникъ и не зналъ за собой грѣха, и тогда бы не сказалъ правды: такъ ужъ было принято. Коль скоро человѣка допрашивали съ видомъ власти и закона о его житьѣ-бытьѣ, надобно было лгать. Одни отдавались въ крестьяне, другіе въ холопы, третьи въ бобыли. Холопъ жилъ въ дворѣ; только немногихъ выселяли въ такъ называемые людскіе дворы; во всякомъ случаѣ они дѣлали то, что имъ прикажутъ, и не были обязаны ничѣмъ заранѣе опредѣленнымъ: крестьянинъ получалъ жеребій земли и отправлялъ за него

повинность; а бобыль изстари не бралъ жеребья, потому что не въ силахъ былъ съ нимъ справиться, и жилъ у помѣщика на особыхъ условіяхъ, которыя уже тогда замѣнялись произволомъ владѣльца.

Селеніе, основанное Нехорошевымъ съ товарищами, разросалось; лѣтъ черезъ пять владѣльцы исполнили свой обѣтъ и построили церковь. И великая радость была всѣмъ прихожанамъ, когда её освятилъ саранскій протопопъ. Нехорошевъ былъ между всѣми важнѣйшее лицо, и оттого село назвалось само собою Нехорошевкаю, или Нехорошевымъ, хотя другіе помѣщики упрямылись: почему жъ не Худовка? говорили Худые; почему не Черепановка? ворчали Черепановы. Церковь освящена была во имя Покрова Богородицы, въ память того, что въ этотъ день прибыли въ первый разъ на мѣсто помѣщики. Нехорошевъ, чтобъ избѣгнуть зависти, самъ предложилъ назвать село Покровскимъ; но имя Нехорошева усвоилось ему болѣе, и даже писцы записали въ писцовыхъ книгахъ: «село Покровское, Нехорошевка тожъ».

Проживши на новосельѣ лѣтъ пятнадцать, Михайло Нехорошевъ преставился и былъ погребѣнъ въ созданной имъ съ товарищами церкви. Онъ оставилъ троихъ сыновей: Петра, Капитона и Ивана. Имѣніе не раздѣлилось: братья жили вмѣстѣ, и Петръ заступилъ мѣсто главы семьи. Послѣдніе годы царствованія Михаила Феодоровича и первые Алексѣя Ми-

хайловича протекли мирно, и помѣщики, не тревожимые службою, спокойно занимались хозяйствомъ въ своихъ помѣстьяхъ; только изрѣдка посылали ихъ къ астраханскимъ степямъ, прослышавъ о замыслахъ ногайскихъ мурзъ; случалось тоже раза три ходить усмирять Мордву, которая вздумала-было не платить мѣду и воску. Старья оружія, привезённые Михайломъ изъ корѣльской земли, лежали въ кладовой и покрылись бы ржавчиною, еслибъ Петръ не чистилъ ихъ и не выносилъ ради забавъ, которыя учреждалъ съ сосѣдами, чтобы не разучиться воинскому дѣлу. Въ лѣтніе праздники, созвавши сосѣдей и собравши слугъ, онъ затѣвалъ стрѣльбу изъ ружьевъ и луковъ въ цѣль, назначалъ за то награды, поилъ и дарилъ слугъ, которые показывали ловкость; тогда и въ запуски бѣгали, и боролись, и рубились на сабляхъ. Петръ очень любилъ охоту, держалъ большую псарню и часто осенью и зимой выѣзжалъ съ сосѣдами и съ толпою крестьянъ и людей сражаться съ волками и медвѣдями, которыхъ тогда было много въ томъ краѣ. Были у него и соколы; онъ выѣзжалъ съ ними на ставки за село; иногда же, когда ему приходила охота, то занимался рыбною ловлею. Онъ былъ чрезвычайно гостепріименъ, и каждое воскресенье всѣ сосѣди-помѣщики считали обыкновеніемъ ѣздить къ нему обѣдать. Такіе обѣды шли часа по четыре; а послѣ обѣда гости, нагруженные виномъ и медами, отправлялись съ нимъ за дворъ на воинственныя забавы. Въ большіе праздники устра-

иваль онъ «гостьбу толстотрапезну», какъ говорилось тогда; такой пиръ длился до ночи. Покончивъ яствы, гости должны были пить разныя задравныя чаши, а «умѣльцы» потѣшали честную бесѣду громкими пѣснями. Хозяинъ со всѣми жилъ въ ладахъ и умѣлъ погашать всякое возникающее несогласіе; одного слова его довольно было, чтобы помирить поссорившихся. «Кто своему брату недругъ, тотъ не ходи ко мнѣ», говорилъ онъ, и тотчасъ сводилъ враговъ вмѣстѣ и давалъ имъ пить изъ серебряной чаши, на которой было вычеканено мудрое изрѣченіе о кратковременности житія сего и о пользѣ любви и согласія. Читать онъ самъ не умѣлъ и не занимался ничѣмъ церковнымъ, однако зналъ на память нѣсколько выраженій изъ св. писанія, относящихся къ союзу между ближними и ко враждѣ съ иновѣрными языками. Живой, дѣятельный, веселый характеръ не склонялъ его къ хозяйственнымъ занятіямъ. Меньшой братъ Иванъ, права тихаго и флегматическаго, предался всею душою земледѣлію, и съ весны до осени проводилъ дни въ полѣ съ рабочими. Средній, Капитонъ, имѣлъ склонность болѣе всего къ торговымъ занятіямъ; чрезвычайно способный, онъ не прочь былъ и отъ забавъ старшаго брата, хорошо читалъ и писалъ; одаренный чудной памятью, умѣлъ поговорить изъ св. писанія; покупалъ разные сборники, гдѣ записывались повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ, слова святыхъ и разныя иноземныя диковинки. Но болѣе всего Капитонъ любилъ

выгодно продать и купить; смѣтливый, расторопный, онъ ѣздилъ по ярмаркамъ и продавалъ произведенія своего хозяйства, шерсть, лёнъ, хлѣбъ, мѣдь, и привозилъ домой сукна, матеріи, вина и сласти; на нёмъ лежало всё письменное управленіе хозяйства.

Оба первые брата женились, Иванъ все откладывалъ и говорилъ, что успѣеть. У Петра не было дѣтей даже и послѣ десяти лѣтъ брачнаго союза, къ крайней его досадѣ, потому что его добрая натура любила дѣтей; за то, когда у Капитона родился сынъ Осипъ, Петръ привязался къ нему какъ къ своему собственному дѣтищу. Онъ самъ училъ его ходить, дѣлалъ для него деревянныхъ лошадокъ, и когда племяннику было шесть лѣтъ, смастерилъ ему лукъ и такъ выучилъ стрѣлять, что маленькій Осипъ попадалъ въ воробья на лету.

— Учись, Оська, стрѣлять изъ лука, говорилъ онъ: стрѣльба изъ лука всему воинскому дѣлу голова; будешь хорошо стрѣлой попадать, и пульей попадёшь.

Такъ безмятежно жилось въ селѣ Нехоршевкѣ. Но вотъ на западѣ русской границы поднялась страшная гроза, втянувшая и мирную Московію въ продолжительную брань. Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ принёсъ подданство восточному государю, и великій земскій соборъ всей русской земли 1 октября 1653 года приговорилъ объявить польскому государю Яну Казиміру за его неправды и за неправильныя написанія царскаго титула войну, и во всѣ стороны изъ Разряда полетѣли гонцы

съ приказомъ воеводамъ собирать помѣщиковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, новокрещеновъ, мурзъ татарскихъ и всякихъ служилыхъ людей, и высылать ихъ въ Сѣвскъ и Смоленскъ. По сельскимъ торжкамъ бирючи кликали кличъ и сзывали ихъ на пересмотръ въ города.

Тревожно и тяжело загремѣлъ этотъ кличъ въ ухахъ отвыкшихъ отъ войны помѣщиковъ. Иные спѣшили не въ городъ, куда ихъ звали, а куда-нибудь далеко, чтобъ спрятаться и ускользнуть отъ службы. Не такъ принялъ царскій приказъ Петръ Нехорошевъ. Онъ давно уже скучалъ бездѣйствіемъ; однообразная охота не удовлетворяла его; ему хотѣлось дать настоящую пробу своему умѣнью стрѣлять въ цѣль и рубиться; его жажда дѣятельности давно искала простора. Петръ съ веселымъ лицомъ отправился въ Саранскъ. Капитонъ сначала было призадумался, но вскорѣ утѣшился, узнавъ, что его оставляютъ на мѣстѣ. Ивана также не тронули: оба брата служили съ одного жеребья съ Петромъ, и на этотъ разъ не трогали тѣхъ, которые не имѣли собственныхъ, отдѣльныхъ жеребьевъ. Капитонъ чрезвычайно былъ втайнѣ доволенъ тѣмъ, что не будетъ съ нимъ брата; хотя Петръ почти не вмѣшивался въ хозяйство, но иногда принималъ тонъ старѣйшины и показывалъ, что ему не хочется, чтобъ это забывали братья. Теперь Капитонъ былъ полный глава. Петръ созвалъ всѣхъ сосѣдей и всѣхъ крестьянъ своего села отъ мала до велика, и задалъ имъ такую прощальную

попойку, что одного меду выпита была цѣлая бочка; каждому онъ самъ подносилъ чашу и съ каждымъ цѣловался; не только весь дворъ, но и всё околодворье было уставлено столами и досками, на которые ставили яства и напитки. За то на другой день, когда онъ выѣзжалъ въ путь, народъ не пошелъ на работы; всё столпились провожать его. Только разлука съ Осипомъ нѣсколько навела на него тоску. Онъ очень любилъ его, и не безъ слезъ въ послѣдній разъ прижалъ его молодыя щеки къ своей обросшей жесткими волосами щекѣ. Онъ выбралъ съ собой трѣхъ слугъ, отличныхъ стрѣлковъ; за нимъ въ лубочной кибиткѣ четвертый повѣзъ его имущество. Самъ Петръ поѣхалъ верхомъ на породистомъ аргамакѣ, котораго ему купилъ братъ Капитонъ въ Астрахани, славной тогда лошадьми во всѣмъ русскомъ мѣрѣ.

Не даромъ прошли его военныя забавы. Вскорѣ онъ отличился на Дрожи-полѣ; послѣ того подъ Уманью привелъ къ воеводѣ плѣннаго польскаго пана, котораго разбилъ съ товарищами на подѣздѣ, когда Хмельницкій шелъ къ Львову; подъ Гродекомъ его ранили по головѣ саблею: онъ пролежалъ мѣсяца четыре; уже отчаявались въ его выздоровленіи, но сильная натура взяла верхъ, и Петръ всталъ съ огромнымъ сабельнымъ рубцомъ черезъ всё лицо и не думалъ объ отставкѣ. Когда наконецъ Поляки, пораженные со всѣхъ сторонъ, обманули царя Алексѣя обѣщаніемъ возвести его на престолъ и устро-

или виленскій миръ, Петръ былъ переведёнъ въ Лифляндію. Тамъ онъ отличался противъ Шведовъ, отмщая имъ за землю своихъ предковъ, но при штурмѣ Риги ядро ударило его въ лѣвую ногу: ему отрѣзали её по колѣно. Тогда только Петру пришлось разстаться на вѣки съ боевою жизнью, и онъ, придѣлавъ себѣ ключку, воротился въ далёкое свое помѣстье уже не на бодромъ аргамакѣ, потерявшемъ жизнь за отечество гдѣ-то въ Украинѣ, а въ кибиткѣ, сопровождаемый вѣрными слугами. Изъ Помѣстнаго Приказа велѣно было обратить изъ его помѣстья земли двѣсти четей въ вотчину.

Но не такъ-то радостно стало ему, когда онъ вступилъ на порогъ отцовскаго дома. Жены его уже не было въ живыхъ. Братъ Иванъ погибъ напрасною смертію, какъ говорилось, зашелъ споръ о межѣ съ сосѣдомъ Жарскимъ; воевода приказалъ развести ихъ; пріѣхалъ изъ Саранска сынъ боярскій съ служилыми, собралъ всѣхъ односельцевъ, пригласивъ сосѣдей, которыхъ ближе не было, какъ версть за сорокъ, призвали попа; понесли по межѣ икону; попъ долженъ былъ сказать правду по священству, а мірскіе люди по евангельской непорочной заповѣди ей-ей: какъ были межи земель Нехорошевскихъ и Жарскихъ. Вдругъ шествіе наткнулось на посѣянную рожь. Здѣсь была межа, говорили старики: Жарскіе запахали ее.» Крестьяне Жарскаго стали кричать, чтобъ по хлѣбамъ не шли; а Нехорошевцы говорили, что имъ дѣла нѣтъ, что тутъ хлѣбъ; посѣявъ онъ не по за-

кону; они пойдутъ... Слово за слово, дали рукамъ волю, принялись потомъ за дубьё. Иванъ бросился въ средину, и кто-то неосторожно хватилъ его въ високъ—тутъ Иванъ Нехорошевъ и душу Богу отдалъ. Воевода послалъ сдѣлать сыскъ, но никакъ не могли найти виновнаго, и дѣло кончилось тѣмъ, что крестьяне Жарскаго заплатили «вѣру за голову». Когда Петръ пріѣхалъ домой, то засталъ въ домѣ одну жену Капитонову полною хозяйкою. Вскорѣ пріѣхалъ изъ ярмарки Капитонъ. Петръ по прежнему не вмѣшивался въ его хозяйство, и весь посвятилъ себя племяннику, котораго еще болѣе полюбилъ, увидѣвши уже не ребѣнкомъ, но здоровымъ юношей. Изрубленный воинъ любилъ сидѣть на крыльцѣ и смотрѣть, какъ Осипъ стрѣлялъ въ цѣль да примѣрно рубился съ слугами; часто устраивалъ онъ охоту, и приказывалъ везти себя туда; когда дѣлали облаву, запряженные въ телѣжку или въ сани лошади скакали во весь опоръ вслѣдъ за верховыми, и Петръ, посвистывая и прикригивая, ободрялъ ловцовъ. Зимой, посадивъ подлѣ себя Осипа и созвавши гостей всякаго званія безъ разбора, Петръ рассказывалъ о своей боевой жизни и съ удовольствіемъ поглядывалъ на племянника, когда замѣчалъ на лицѣ его охоту испытать самому то же. Капитонъ рѣдко бывалъ дома, всё ѣздилъ по торговымъ дѣламъ. Имѣніе ихъ увеличилось, потому что Капитонъ получилъ особый жеребей; свою всю вотчину Петръ заранѣе отдалъ Осипу. Но вдругъ разнеслись лихія

вѣсти: Шереметевъ разбитъ подъ Чудовымъ и отданъ Татарамъ Полягами, которымъ сдался военнопленнымъ. Украина отпала отъ царскаго скипетра. Изъ Разряда послѣдовалъ указъ собирать дворянъ и дѣтей боярскихъ. Пришелъ указъ и въ Саранскъ; Нехорошевыхъ потребовали. Приходилось идти Капитону; но пошелъ за отца Осипъ, настроенный рассказами и примѣромъ дяди. Горько убивалась родимая матушка, и сама не знала, какія нескладныя рѣчи говорила въ припадкѣ родительскаго горя. Капитонъ настаивалъ, что сыну надобно идти служить за отца, а Петру хоть и очень не хотѣлось разстаться съ племянникомъ, но онъ не показавъ этого; напротивъ, полюбивъ Осипа еще больше за его готовность, онъ твердилъ, что такому молодцу слѣдуетъ проливать кровь за вѣру святую и за его царское величество. Онъ далъ ему опытнаго слугу, одного изъ тѣхъ, которые были съ нимъ самимъ въ походѣ. Этотъ слуга долженъ былъ не только служить Осипу, но быть его пѣстуномъ. Повозки не повезли за ними: «Такой молодецъ, говорилъ Петръ, долженъ всё съ собой за сѣдломъ возить, а то съ повозкой одна возня, я самъ этого дозналъ.» Такимъ образомъ выѣхалъ Осипъ съ Первунюмъ, и такимъ же точно, хоть на другихъ лошадяхъ и въ другихъ лѣтахъ, возвращался теперь на родину.

Въ тѣ времена сообщенія были трудны, и потому естественно, что Осипъ не зналъ ничего о своихъ домашнихъ и не получалъ отъ нихъ никакого извѣ-

стія во всё время своей службы. Поэтому можно себѣ вообразить тревожное состояніе и ожиданіе, когда онъ приближался къ мѣсту родины. Живы ли батюшка съ матушкой? живъ ли дядюшка, котораго онъ любилъ больше отца, рѣдко его видѣвшаго и почти никогда не ласкавшаго?... Воспоминанія дѣтства воскресли одно за другимъ въ его памяти. Вотъ еще немного, и онъ увидитъ знакомый домъ, садъ, хоромы, увидитъ матушку... Образъ доброй матери, сопровождавшій его благодатнымъ ангеломъ-хранителемъ во всё время его странствованія, теперь предсталъ предъ нимъ, полный надежды и отрады...

II.

Уже оставалось до Нехорошевки версть десять: Осипъ съ нетерпѣніемъ шель поглядывая и впередъ, и вправо и влѣво: не засинѣетъ ли гдѣ гора, подъ которой расположено было село; не заблеститъ ли на солнцѣ крестъ храма, гдѣ его крестили и въ первый разъ причащали. Дорога шла по опушкѣ лѣса, который болѣе и болѣе рѣдѣлъ, и наконецъ потянулась по равнинѣ. Вдругъ Первунъ закричалъ:

— Это, осударь наша степь: вонъ колодець нашъ, а вонъ лошади, чай наши!

Онъ свистнулъ и махнулъ рукой. Прибѣжалъ табунщикъ въ синей рубахѣ съ длинными засученными рукавами, безъ пояса, въ лаптяхъ, въ войлочной шапкѣ, съ длиною крючкотою палкою въ рукѣ.

**

— Чей табунъ? спрашивалъ слуга Осипа.

— Капитона Михайловича, отвѣчалъ табунщикъ.

— Всѣ ли живы-здоровы? тревожно спросилъ Осипъ.

— Не знаемъ, отвѣчалъ табунщикъ: давно у двора бывали, недѣли двѣ будетъ; а въ тѣ поры, даль Богъ, всѣ были живы-здоровы—и Капитонъ Михайловичъ и Наталья Андреевна.

— А Петръ Михайловичъ? спросилъ Осипъ.

— Петръ Михайловичъ? сказалъ съ удивленіемъ табунщикъ. Почитай, осударь, ты не здѣшній. Какой Петръ Михайловичъ! Нешто братецъ Капитона Михайловича? Такъ ужъ будетъ годовъ шесть, какъ его схоронили.

Осипъ поблѣднѣлъ, потомъ потрясъ головою, снялъ шапку и перекрестясь сказалъ: царство небесное! воля Божія! Тоже повторилъ и Первунъ.

— А вы, видать, издалека? спросилъ табунщикъ. Къ нашему осударю ѣдете?

— Это молодой сударь, сказалъ Первунъ. Кланяйся дурень! Знаешь ли ты его?

— Нѣтъ государь-свѣтъ, не приходилось видѣть. Мы издалека пришли, а твоя милость въ службѣ тогда былъ.

— Ну будешь знать, сказалъ Осипъ. — Куда ѣхать? далеко, до Нехорошева?

— А вотъ какъ поѣдешь, проминешь колодець, такъ влѣво поверни,—дорога пойдетъ,—тамъ подъ гору спустишься, а тамъ и Нехорошево.

Путники поѣхали. Осипъ оглянулся: Первунъ плакалъ.

— Что, жаль дядюшки? спросилъ его господинъ.

— Ахъ, бояринъ, какъ же не жаль! Не привелъ Господь Богъ увидать его, моего кормильца. А куда бы какая радость была теперь!

Осипъ не плакалъ, но еще больше его загрустил и молча ѣхалъ, повѣся голову. Наконецъ лошади побѣжали подъ горку, и Первунъ закричалъ: Государь, Нехорошево!

Село Нехорошево было расположено на берегу ИССЫ подъ горою, покрытою кустарникомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ запаханною. За рѣкою по горѣ стояли тамъ и сямъ помѣщичьи усадьбы въ видѣ укрѣпленій. Усадьба Нехорошевыхъ была пространнѣе другихъ и глядѣла съ возвышенія надъ самою рѣкою. Прямо противъ нея за Иссою на площади виднѣлась деревянная церковь съ позолоченнымъ и потускнѣвшимъ крестомъ на полумѣсяцѣ. Стѣны церкви были не побѣлены; крыша изъ драни. Не должно думать, чтобы села въ то время были похожи на теперешнія. Въ тотъ вѣкъ въ землѣ украинскихъ городовъ селенія носили видъ крѣпостей. Околица села окаймлялась оградомъ, иногда и рвомъ. Каждая усадьба укрѣплялась то твѣрже, то слабѣе, смотря по состоянію и по расчету владѣльца; частые набѣги Татаръ, еще не установившіяся отношенія съ Мордвою и наконецъ нерѣдкіе разбои заставляли жить въ страхѣ нападенія. Тогда не только доз-

волялось, но приказывалось всѣмъ держать оружіе. Всѣ помѣщичьи усадьбы огорожены были высокими плетнями или заборами, а въ нихъ сдѣланы, какъ въ крѣпостяхъ, узкія отверстія, чтобы стрѣлять или камни метать на непріятеля. Крестьянскіе дворы огорожены были крѣпко, а нѣкоторые обведены кругомъ рвами; не всѣ избы выходили наружу: болѣею частію онѣ скрывались въ срединѣ ограды, и потому снаружи трудно было видѣть крестьянскія жилища, кромѣ деревянныхъ крышъ, обыкновенно безъ трубъ. Только низенькія бобыльскія избышки съ маленькими закопченными отверстіями, заслоненными тряпицами, торчали тамъ и сямъ съ развалившеюся оградой, и около нихъ въ оградѣ не было ничего кромѣ сарайчика или навѣса съ соломенною крышею, израненною вѣтрами. Усадьбы построенныя вдоль рѣки представляли непрерывную линію; другія стояли по двѣ и по три вмѣстѣ; въ иныхъ мѣстахъ были за плетнями однѣ гумна или огороды, безъ избъ, и такимъ образомъ всё село представляло нѣсколько разсѣянныхъ группъ, раздѣленныхъ между собою пустырями. Поэтому пространство, занимаемое селомъ, было огромно, а самые дворы тѣсны и какъ-будто жались другъ къ другу. Проѣхавши по извилинамъ между дворами, огородами и гумнами, путники очутились на площади, гдѣ паслись овца и телята, и подъѣхали къ церкви. Осипъ снялъ шапку, перекрестился и увидалъ сквозь рѣшетчатую огородку, въ церковной

оградѣ около самаго трехчастнаго алтаря, возлѣ дубоваго креста, свѣжую, незарытую могилу и при ней два брошенныхъ заступа. Такъ какъ табунщикъ сказалъ, что недѣли двѣ тому назадъ родители Осипа были живы и здоровы, то онъ не подумалъ ничего страшнаго, полагалъ, что эта могила назначается для кого-нибудь изъ сосѣднихъ владѣльцевъ, и пожелалъ новопреставленному незнакомцу небеснаго царствія; Осипъ хотѣлъ было сойти и поздороваться съ дядюшкою, догадываясь, что онъ лежитъ подъ дубовымъ крестомъ; но подумавши, отложилъ на будущее время это грустное свиданіе: въ его мысли блеснулъ образъ любимой матушки и радость ея, когда она прижмѣтъ къ сердцу свое милое чадо. Онъ перѣхалъ черезъ мостъ безъ перилъ, сложенный изъ хвороста и покрытый соломой, и поворотилъ къ отцовской усадьбѣ.

Усадьба Нехорошевыхъ была огорожена бревенчатымъ заборомъ въ неправильныхъ линіяхъ, то выдаваясь выступами наружу, то углубляясь внутрь и образуя углы, треугольники и четырехугольники; кругомъ нея былъ ровъ. Этого укрѣпленія было достаточно, чтобъ выдержать напоръ небольшого татарскаго загона или разбойничьей шайки. Одни ворота прямо вели къ хозяйскимъ жильямъ, другіе были назади. Переднія ворота построены были подъ башенкой, на которой находился большой образъ Богородицы, а передъ нимъ висѣла лампада, зажигаемая передъ праздниками. Внутренность двора бы-

ла усѣяна разными постройками, извѣстными въ нашемъ старомъ быту подъ именемъ избъ, горницъ, повалушъ, сѣнниковъ, амбаровъ. Тогда не дѣлали большихъ домовъ, а по надобности, если семья прибавлялась, строили особые дома: такимъ образомъ еще Михайло Нехорошевъ построилъ четыре избы, одну для себя, три для сыновей. Когда у Капитона родился Осипъ, онъ ему построилъ заранѣ повалушу. Избы эти были соединены связью сѣней, но стояли не на одной линіи. По вѣздѣ на дворъ, на лѣвой сторонѣ была большая одноэтажная столовая изба, выстроенная Петромъ Михайловичемъ для пировъ; къ ней примыкала, составляя съ ней уголъ, другая прямо противъ воротъ—изба собственно Капитона Михайловича. Она была трех-этажная. Второй этажъ, съ открытой галлереей на столбахъ, имѣлъ три продолговатыхъ окна съ круглыми верхними окраинами; въ нижнемъ этажѣ или подклѣтѣ было два четверугольныхъ окна, между которыми находилась широкая дверь: онъ служилъ для прислуги; съ галлеи второго этажа вела внизъ лѣстница, крытая сверху и съ боковъ, и оканчивалась у земли двухступеннымъ рундукомъ и пирамидальнымъ верхомъ, на выточенныхъ кувшинообразныхъ столбахъ. Сверху второго этажа, на большой деревянной крышѣ надстроень былъ чердакъ пространствомъ меньше второго этажа, съ окнами во всѣ стороны, покрытый окрашеннымъ красною краскою тесомъ, съвозъ который проросла трава. Вправо отъ этого дома былъ другой,

соединенный съ нимъ сѣньми. Онъ былъ двух-этажный, безъ чердака; второй этажъ былъ надстроенъ на подклѣтѣ не въ одну съ нимъ линію; но подклѣтѣ былъ покрытъ особою кровлею, а второй этажъ углублялся отъ него назадъ: въ каждомъ ярусѣ было по три окна. Отъ него слѣдоваль, соединяясь сѣнями со стеклами, третій, двух-этажный домъ съ небольшою вышкою на верху, а отъ него въ заворотѣ была повалуша, построенная нѣкогда собственно для Осипа; она болѣе походила на башню, чѣмъ на домъ, была трех-этажная въ два окна и соединялась съ предыдущимъ строеніемъ не сѣньми, но широкимъ низкимъ досчатымъ коридоромъ внизу. Отъ нея вправо стояла избушка съ двумя оконцами вверху, пустая, назначенная для гостей, которые пріѣзжали къ Петру. Между вторымъ и третьимъ домами сѣни были только на верху и связывали верхніе этажи, а внизу между подклѣтами были проѣздныя ворота на другой дворъ. Тамъ направо было огромное строеніе, гдѣ рядомъ помѣщались разныя хозяйственныя кладовыя клѣти, анбары, сарай и наконецъ конюшня, въ заворотѣ противъ домовъ, съ проѣздными воротами на третій дворъ. Строеніе это было въ одну линію, но не въ одну высоту: въ трёхъ мѣстахъ на кровлѣ были надстроены сѣнникъ, сушильня и сѣнница. Налѣво во дворѣ стояли поварня, хлѣбня, медоварня, пивоварня, кладовая для храненія винныхъ кубовъ и винокуренной посуды, и четыре людскія избы. Всѣ эти одноэтажныя деревянныя

строения связывались между собою сѣньми. Прошедши черезъ проѣздныя ворота къ конюшнѣ, можно было выйти на скотный дворъ, птичій дворъ и псарню, отдѣленные одно отъ другаго плетнями. По лѣвую сторону отъ всѣхъ этихъ строеній за внутреннимъ плетнѣмъ былъ садъ, засаженный плодовитыми деревьями, и близъ него гумно; за садомъ стояла винокурня.

При вѣздѣ въ переднія ворота, глаза поразились пестротою фигуръ и красокъ, которыми были изукрашены въ хозяйскихъ жильяхъ столбы галлереи, крыльца, окраины крышъ, сдѣланные съ прорѣзными гребнями, но въ особенности окраины оконъ: тутъ виднѣлись наклеенные изъ дерева и размалеванные разными цвѣтами звѣри, птицы, деревья и такія фигуры, которымъ нельзя дать названія. Столовая изба была обшита тесомъ и раскрашена всѣми возможными узорами. По срединѣ двора стоялъ колодець съ журавлѣмъ.

Осипъ и Первунъ подъѣхали къ крыльцу съ пирамидальной кровлей. У крыльца стояло нѣсколько дворовыхъ людей, по лѣстницѣ сновали женщины съ печальными лицами. Увидя пріѣзжихъ и узнавши въ нихъ своихъ, они всплеснули руками и вскрикнули. Осипъ соскочилъ съ коня, перекрестился и обращаясь къ людямъ сказалъ:

— Узнаёте меня? Богъ привёлъ насъ къ вамъ живыхъ и здоровыхъ. Гдѣ батюшка и матушка?

Но люди не отвѣчали и съ тревожными взглядами обращая головы другъ къ другу, какъ-будто хо-

тѣли сказать между собою: вотъ не въ добрый часъ принесло его! Въ недоумѣніи Осипъ сдѣлалъ нѣсколько ступеней на лѣстницу и увидалъ крышку гроба. Онъ вошелъ въ сѣни; тамъ стоялъ гробъ. Осипъ подошелъ къ нему и увидѣлъ въ нёмъ свою мать.

III.

На большомъ столѣ, въ дубовомъ, выдолбленномъ изъ одного большаго дерева и потому цилиндрической фигуры гробъ, украшенномъ снаружи изображеніями крестовъ, лежала мѣртвая женщина въ бѣломъ саванѣ, сверху покрытая кускомъ матеріи, предназначенной на церковное облаченіе. Священникъ и два дьячка отправляли обрядъ погребенія. Осипъ подбѣжалъ къ трупу матери и приподнялъ край савана, обвивавшій ей голову; на головѣ былъ надѣтъ бархатный черный волосникъ, изъ подъ него виднѣлась на вискѣ синева съ запекшеюся кровью.

— Её убили! Матушку убили! закричалъ Осипъ.

Поблѣднѣвшая толпа стояла, не только не смѣя сказать что-нибудь, но едва переводя дыханіе. Священникъ и дьячки, какъ бы желая перекричать Осипово восклицаніе, загѣли сильнѣе.

— Матушка убита! повторилъ Осипъ, и поглядѣвши кругомъ дикимъ взглядомъ, спрашивалъ: Говорите, кто убилъ её? Она убита. Говорите! крикнулъ онъ такъ, что всѣ понялись назадъ, но мол-

чали. Дьячки заикнулись на половинѣ ирмоса, но священникъ, поглядѣвши на нихъ съ укоромъ, заплѣлъ «на него же не смѣють взирати» такъ громко, какъ-будто бы хотѣлъ заглушить голосъ Осипа. Осипъ, выйдя изъ себя, выхватилъ саблю.

— Вотъ вамъ Христосъ Богъ—велико слово! сказалъ онъ: я начну васъ всѣхъ крошить, если вы мнѣ не скажете, кто убилъ мою мать?

Всѣ бросились въ испугѣ изъ сѣней. Въ это время вышелъ стоявшій за дверьми въ комнатѣ, граничившей съ сѣнями, Капитонъ Михайловичъ, старичокъ съ круглой сѣдовой бородкой, съ блестящими вертящимися глазами, въ синемъ кафтанѣ.

— Чтò? чтò? закричалъ онъ, и приглядываясь ближе, вдругъ съ видомъ радости отскочилъ и сплеснулъ руками.

— Оська! это ты! сказалъ онъ.—Боже ты мой! Сынокъ мой любезный!... Вотъ нечаялъ, не гадалъ!

И онъ бросился его обнимать.

Осипъ, опустивши саблю, не зная, чтò ему говорить, и глядѣлъ на отца какъ-то бессмысленно. Капитонъ обратился къ священнику, который тогда совершенно уже прервалъ богослуженіе, сложилъ руки на поясъ, и поклонившись сказалъ:

— Простите, отцы и братія, Христа ради, моему безумію: сына девять лѣтъ не зрѣлъ, чувствами возмутился. Сыночикъ, поди отсюда! Послѣ поговоримъ, потужимъ вмѣстѣ, а теперъ иди, омойся съ дороги,

покушать вели себѣ подать. Иди сынокъ. Ключникъ тебѣ медку, вина доставить. Иди, дружокъ!

— Батя! Кто убилъ её? сказалъ Осипъ, указывая на мать.

— Поди, сынокъ! успокойся, успокойся, дитяtko моё! И вмѣстѣ съ этимъ взялъ у него саблю. Тогда Осипъ оттолкнулъ отъ себя отца и закричалъ:

— Ты что ли убилъ ее?

— Грѣховодникъ! воскликнулъ священникъ: на родителя руку держаетъ поднять!

— Прости ему, отче, ради его невѣдѣнія и возмущенія душевнаго, сказалъ Капитонъ.—Эй вы! отведите его въ повалушу! прибавилъ онъ слугамъ, которые боязливо выглядывали изъ дверей.

— Какъ въ повалушу? говорилъ Осипъ.—Здѣсь мать мою хоронять, а ты меня посылаешь въ повалушу! скажи, что это такое? кто убилъ мою мать?

— Свяжите его и отведите въ повалушу! грозно крикнулъ отецъ.

Осипъ судорожно сжалъ кулаки... грудь его вздымалась, на лицѣ написано было страшное отчаяніе. Отецъ взялъ верёвку; нѣсколько слугъ подбѣжали и связали Осипу руки.

— А! вотъ что? проговорилъ Осипъ, поглядѣлъ грозно на отца, и повинувшись пошелъ въ повалушу.

— Развяжите меня! я не убѣгу, я не пойду никуда, буду исполнять то, что велятъ, сказалъ онъ.

Однако его привели въ повалушу, и только тогда развязали руки; повалушу заперли за нимъ.

*

Прерванный чинъ погребенія былъ оконченъ; гробъ подняли и понесли. Духовенство протяжно пѣло: «Святый Боже». За гробомъ шли дворовыя женщины и вопили, причитывая, но остерегаясь, чтобъ ихъ фантазія въ сложеніи причетовъ не выдумала невольно чего-нибудь такого, что походило бы на правду. Капитонъ шелъ позади съ поникшею головою, съ кислою миною, стараясь показаться міру сколько возможно печальнѣе.

Осипъ былъ между тѣмъ запертъ въ комнатѣ съ тремя маленькими слюдными оконцами. Стѣны ея были мытыя; на нихъ не было никакихъ украшеній, кромѣ трёхъ образовъ; средній былъ въ окладѣ; передъ ними стояли втулки для свѣчей. На лѣво отъ дверей была большая муравленая печь зелѣнаго цвѣта, съ лежанкой, а вдоль стѣны тянулись лавки, посланныя кусками зелѣнаго сукна съ прзументами по краямъ. Между печью и стѣною находилась деревянная широкая скамья съ изголовьемъ, покрытая ковромъ, на которомъ были изображены птицы; простой дубовый столъ, застланный бумажною пестрою скатертью, стоялъ передъ лавками; полъ былъ устланъ рогожею. Между печью и скамьею маленькая, низенькая дверь вела въ каморку съ однимъ окномъ, гдѣ была скамья, столикъ и пустой шкафъ.

Осипъ нѣсколько времени стоялъ, безмысленно глядя въ воздухъ; вдругъ раздался погребальный звонъ. Пробужденный отъ своего оцѣпененія, онъ

подбѣжалъ къ окну. Ему было видно, какъ толпа народа собиралась въ оградѣ, около могилы, приготовленной для его матери. Бѣшенство уступило въ нёмъ религіозному чувству.—Разберёмъ дѣло послѣ, сказалъ онъ самъ себѣ, а теперь помолимся о душѣ родительницы.—Онъ началъ творить крестныя знаменія и читалъ какія зналъ молитвы, приличныя его положенію, но запасъ ихъ скоро истощился, и Осипъ, творя крестныя знаменія, молился уже не словами, а сердцемъ. Между тѣмъ звонъ затихъ, потомъ опять раздался. Осипъ подошелъ снова къ окну и увидѣлъ, что народъ расходится: то былъ знакъ, что мать его въ сырой землѣ. Закрывъ руками лицо, Осипъ припалъ къ изголовью скамьи и долго рыдалъ; потомъ вскочилъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, ударилъ себя въ грудь, и ставъ на колѣни, передъ образомъ, произнёсъ:

— Господи Боже, карателю грѣшниковъ! покарай лихаго человѣка, лишившаго живота мать мою, хотя бы то отецъ мой былъ! Господи праведный, молю Тебя, даруй мнѣ силы и крѣпость взискать правду на убійцѣ моей родительницы! Воздай ему по дѣламъ его, да почувствуетъ онъ мерзость дѣянія своего, а мать мою, рабу твою Наталію, упокой въ царствіи Твоемъ небесномъ, идѣже нѣсть печали и воздыханія, но радость безконечная, и меня по волѣ Твоей соедини съ нею, да прославимъ вкупѣ благодать Твою!

Онъ сѣлъ въ изнеможеніи на лавку. Дверь отпер-

лась, и въ комнату вошелъ священникъ. Забросивъ за собой дверной крючокъ, священникъ благословилъ Осипа и сѣлъ возлѣ него.

— Вотъ сыне, говорилъ онъ: Господу угодно было посѣтить насъ скорбію; но не подобаешь намъ унывать, а надлежитъ возлагать упованіе на Бога милосердаго, Его же судьбы неисповѣдимы. Временная жизнь исполнена горестей и лишеній, но скончавшихся праведниковъ ожидаетъ награда на небеси несказанная. Посему подобаешь молиться о усопшихъ сродникахъ и въ церковь по ихъ душѣ приносить давать, и милостыню щедро раздавать, а не подобаешь, чадо, предаваться неумѣстной тоскѣ: великій грѣхъ есть и въ пагубу душу ведётъ; и ты нынѣ, чадо, утиши свои чувства и покорись родителю твоему, ибо тяжекъ грѣхъ предъ Господомъ непокорство родителямъ.

— Батюшка! перервалъ его Осипъ: кто извѣлъ мою мать?

— Твою мать никто не изводилъ; не годится говорить такія безлѣпичныя рѣчи. Твоя родительница умре отъ недуга. Господу угодно было переселить ее въ вѣчную обитель.

— Какъ отъ недуга, когда я видѣлъ у ней рану на головѣ!

— Не рана, сыне, то не рана, и не отъ того она умре. Отецъ твой за вину ея, якоже подобаешь мужу учить жену свою, ударилъ ее легко: отъ того маленькая ссадина у ней осталась. Самъ сочетаешь—

ся бракомъ, и самъ будешь учить жену свою, какъ придётъ къ случаю, единый разъ рукою, другій же разъ жезломъ побити, иногда же и плетію; отъ того жена не умреть, но паче ума приѣмлетъ и здрава бываетъ; и Церковь повелѣваетъ мужу наказывать по винѣ жену свою, и кто наказанія женѣ не творить, тотъ самъ себѣ грѣхъ на душу возлагаетъ. Паки же мать твоя умре не отъ удара, и то ужъ давно было, а приключился ей недугъ, и отъ того недуга волюю Божіею помре. Ты же не стропотствуй и не будь непокорливъ отцу твоему, да не лишишь родительскаго его благословенія. Ты нынѣ согрѣшилъ тяжко, сынъ, въ ярость пришелъ, пѣніе божественное остановилъ, и того ради повелѣлъ тебя отецъ заключить, а теперь онъ, чадолюбивый, прощаетъ тебѣ юности твоей ради и тоски. Хочешь ли идти къ отцу? Тамъ христолюбцы собираются, трапеза учреждается; хочешь ли тутъ оставаться, то пребывай тихо, кротко, не буйствуй, но всячески молись Господу, въ его же власти вси есмы.

Осипъ слушалъ съ поникшею головою, и отвернувшись отъ проповѣдника, сказалъ:

— Я останусь тутъ: грустно мнѣ въ люди идти.

— Оставайся, сыне, оставайся и молись, Господь съ тобой! сказалъ священникъ, и, благословя его, вышелъ.

Осипъ сидѣлъ опустя голову, нѣсколько разъ закрывалъ лицо руками и открывалъ, нѣсколько разъ

припадалъ къ изголовью скамьи, потомъ вскочилъ и сказалъ:

— Накажу, накажу того, кто лишилъ живота мать мою! Живъ не буду, а накажу!

Вся грусть разомъ спала съ сердца у Осипа, и вмѣсто ея вступила въ душу твёрдая, разсудительная, непреклонная рѣшимость, и жажда дѣла замѣнила бездѣйствіе тоски. Осипъ принадлежалъ къ такимъ натурамъ, у которыхъ поражающее горе, потрясая ихъ организмъ, уступаетъ скоро намѣренію, какое укажетъ голосъ разсудка, руководимаго чувствомъ. Иногда нѣсколько минутъ сильнаго перелома измѣняютъ ихъ и указываютъ такой путь, какого они не выбрали бы передъ тѣмъ ни за что, и они послѣ того до такой степени дѣлаются иными, какъ будто въ нихъ не осталось уже и капли прежней крови. Осипъ въ эти горькія минуты перенёсъ такое потрясеніе, отъ какого могъ бы разорваться иной духовный организмъ. Его одолѣвали минуты того паденія, послѣ котораго человѣкъ часто дѣлается на весь вѣкъ неспособнымъ плаксою или сумасшедшимъ. Передъ приходомъ священника его одолѣвало религіозное чувство: ему представлялся монастырь, куда можно уйти отъ людской неправды; но пришелъ священникъ побесѣдовать съ Осипомъ, и Осипова мысль отвернулась отъ монастыря. Въ монастырѣ бы ему напомнили, что онъ не смѣетъ судить поступковъ отца, а долженъ съ покорностью цѣловать ноги убійцѣ матери. Его дѣтство, ласки

матери пришли ему на память; но онъ уже не плакалъ; и чѣмъ яснѣе ему представлялось то, чего онъ лишился, тѣмъ сильнѣе укоренялась жажда правды, возданія за злодѣйство.

— Господи! воскликнулъ онъ еще разъ: не дамъ очамъ моимъ дреманія, ногамъ отдохновенія, пока не совершу правды за убіеніе матери моей! Я найду путь къ этой правдѣ! Я пойду искать суда, приведу душегубца подъ кару закона!

И Осипъ рѣшился разузнать, какъ было дѣло, послѣдній разъ спросить отца и тогда посмотрѣть, что сдѣлаетъ отецъ: если раскается — пусть идѣтъ въ монастырь, пусть самъ себя осудитъ на жесточайшее наказаніе за злой грѣхъ; а не покается — тогда Осипъ пойдѣтъ искать правосудія во имя царя и правды его.

Въ это время вошелъ въ повалушу Первунъ съ заплаканными глазами. Осипу стало какъ-то совѣстно своего слуги: ему стыдно было заговорить о такомъ дѣлѣ, гдѣ срамится отецъ его, о которомъ онъ не дозволилъ бы никому отзываться иначе какъ съ почтеніемъ. Но Первунъ упалъ передъ нимъ, обнялъ его колѣни и зарыдалъ.

— Ахъ, государь, государь! Не на радость мы пріѣхали домой!

— Первунъ! сказалъ Осипъ; ты одинъ мнѣ вѣрный человѣкъ. Будешь ли мнѣ служить?

— И въ огонь и въ воду съ тобой, государь! сказалъ Первунъ.

— Слушай же: ты долженъ узнать, досконально всё узнать, какъ было съ матушкой.

— Я всё узналъ, государь, да говорить страшно!

— Говори, милый мой, садись и говори, сказалъ Осипъ.

IV.

Если въ нашемъ быту есть что-нибудь неизмѣнное, что можетъ дать понятіе о прежнемъ бытѣ нашихъ прадедовъ, такъ это слуги, которые подъ именемъ дворовыхъ людей наполняли и наполняютъ дворы нашихъ дворянъ. Въ XVII вѣкѣ у зажиточныхъ дворянъ было обиліе челяди; ходили они зачастую оборванные и босые; не столько служили, сколько обкрадывали господъ и тунеядствовали, а подъ часъ и безчинствовали, но чаще чѣмъ у насъ исчезали между ними старья и появлялись новья лица.

Дворъ Нехорошевыхъ не уступалъ другимъ, и было въ немъ такое множество холоповъ, что изъ нихъ составился бы порядочный гарнизонъ. Тутъ было всего, чего только желать можно, холопы всякаго рода—и полные, и кабальные. Были и такіе, что являлись къ господину, били челомъ и представляли отпускныя: оказывалось, что прежній господинъ передъ кончиною отпустилъ ихъ на волю ради спасенія души своей, думая сдѣлать доброе дѣло, по-

тому что Церковь издавна поставляла въ заслугу чело-
вѣку, когда онъ дастъ свободу ближнему своему,
и часто господѣ отпускали холоповъ на волю, а въ
часъ смерти наипаче, потому что въ предсмертныя
минуты, когда знаешь, что нельзя болѣе дѣлать
зла, является охота къ добрымъ дѣламъ. Отпущен-
ные не находили лучшаго способа употребить да-
рованную себѣ свободу, какъ отдаться снова въ хо-
лопство. Но были и такіе, которые бѣжали отъ преж-
нихъ господъ, были посадскіе, убѣжавшіе изъ тяг-
ла, когда имъ надоѣдали воеводскія разверстки и
слупы, или когда наѣзжалъ на посадъ какой-нибудь
сыщикъ открывать табачниковъ. Бѣгали и служилые
отъ службы, и преступники, что нибудь накурале-
сившіе и ускользавшіе отъ тюрьмы и висѣлицы. У
Нехорошевыхъ вдоволь народу было. Они рядились
съ «государемъ», брали отъ него деньги впередъ и
обязывались заслужить, иные до срока за ростъ, съ
тѣмъ, что если не заплатятъ, то останутся на служ-
бѣ до смерти; другіе продавали себя съ потомст-
вомъ, а болѣе всего живали у господъ безъ всяка-
го ряда и дѣлались вѣчными холопами сами собою,
по обычаю, и законъ освящаль такой обычай, ибо
тотъ, кто проживаль въ домѣ господина безъ ряда
долгое время, дѣлался его холопомъ.

Наймы въ холопы въ то время нѣсколько похо-
дили на наймы охотниковъ въ рекруты въ наше вре-
мя. Холопъ получить деньги и пропѣтъ ихъ въ
нѣсколько дней, и потомъ остается въ неволѣ. Не-

многіе приходили съ семействами; большая часть была одинокихъ — и мужчинъ, и женщинъ; очень часто у первыхъ были жены, у послѣднихъ мужья, но тѣ и другіе скрывали это, и поселившись во дворѣ, снова женились и выходили за-мужъ, по приказанію господъ, которые обыкновенно находили себѣ развлеченіе въ однообразіи своей жизни, устраивая сватьбы слугъ. Однажды у Нехорошевыхъ случилось по этому поводу забавное приключеніе. Капитонъ женилъ какого-то Аверку на какой-то Матренкѣ; вдругъ приходитъ къ нему рядиться въ холопы мужъ съ женою, и оказывается что первый былъ прежде мужемъ Матренкѣ, а вторая женою Аверки. Изъ этого народа были мастеровые, и учили они разнымъ художествамъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, и оттого во дворѣ зажиточнаго помѣщика было, словно въ посадѣ, всякаго промышленнаго и умѣлаго народу много: и ткачихи, и портнихи, и столяры, и сапожники, и иконописцы, и Богъ знаетъ кого только не было. Необученныхъ мастерству опредѣляли въ конюхи, скотники, псары; другихъ вооружали луками и сайдаками, и держали на случай опасности; были и такіе, которыхъ должность въ томъ только и состояла, чтобы по ночамъ бить въ желѣзную доску и пугать воровъ. Большая часть ихъ проводила время праздно, да и самые мастеровые работали умѣренно, за то не совѣмъ умѣренно пьянствовали. У Нехорошевыхъ была своя винокурня и пивоварня: по этому веселящаго сердце пи-

тія было вдоволь. Капитонъ былъ для нихъ мало грозенъ, да и дома живаль рѣдко, какъ сказано. Привыкши находиться подъ слабою десницею женскаго правленія покойницы Натальи Андреевны, дворня отличалась распущенностью, лѣнью и своеволіемъ. Начальникомъ надъ нею былъ ключникъ Герасимъ; подъ его управленіемъ состояло нѣсколько второстепенныхъ начальниковъ: свой староста былъ надъ псарями, свой надъ скотниками. Каждого такого старосту имѣлъ право бить Герасимъ, и въ свою очередь, староста, получивъ отъ Герасима тумаги и оплеухи, оплачивалъ за нихъ такую же монетою своимъ подчиненнымъ. Женщины были подъ надзоромъ жены ключника, а потому въ начальствѣ у нея находились старости, вѣдавшія каждая служанокъ, сообразно ихъ занятіямъ. Ключницу билъ мужъ, ключница била старостей, а послѣднія били своихъ подручицъ; женщины вообще были подчиненнѣе мужчинъ: кромѣ того что рабу била другая раба, которой поручали надъ ней надзирать, — ея билъ еще и собственный мужъ; и коль скоро мужа побьютъ по начальству, онъ съ досады колотилъ жену, не смотря на то, что ея недавно колотили также по начальству. Такой порядокъ не возбуждалъ ропота, потому что былъ согласенъ съ общими понятіями; если случались побѣги, то не отъ жестокости, а оттого, что захочется въ другомъ мѣстѣ отвѣдать житья-бытья охлопскаго и денегъ съ новыхъ государей взять. При этомъ не обходилось

безъ того, чтобы бѣглець чего-нибудь не укралъ, что ему подъ руку попадѣтся. Всѣ думали, что они на то и родились, чтобы ихъ били; воображеніе ихъ не могло себѣ представить существованія на землѣ безъ побоевъ: «такъ отъ Бога постановлено!» гласила тогдашняя философія. За то всякій старался обмануть и провести того, кто имѣлъ надъ нимъ власть и могъ его бить, и это было вовсе не изъ мщенія: напротивъ, еслибъ кто съ холопомъ обращался мягко, то могъ ожидать отъ него воровства и обмана.

Между властями и подвластными происходила своего рода война. Всякая власть, въ какомъ бы лицѣ она ни являлась—въ лицѣ господина или ключника—всегда знала, что её обмануть, и заранѣе назначала за обманъ себѣ возмездіе раздачею побоевъ, гордо хвастая: меня не проведёшь! Подвластный же въ томъ поставлялъ свое достоинство, что съумѣетъ обмануть того, кто думаетъ; будто его провести нельзя. Ключникъ Герасимъ былъ любимецъ Капитона и пользовался его довѣріемъ; и когда умерла Наталья Андреевна, онъ созвалъ слугъ и приказалъ имъ, чтобы они не смѣли говорить непристойныхъ рѣчей про государынину смерть, а наипаче ничего не болтать молодому осударскому сыну и его слугѣ Первушкѣ; когда же увидѣлъ заплаканныя лица близкихъ къ покойницѣ служанокъ, то надавалъ имъ оплеухъ. «Вамъ, говорилъ онъ, не рюмить, а дѣло своё дѣлать велѣно!» Не смотря на такое строгое

предостереженіе, Первунъ тотчасъ же узналъ всю подноготную отъ одной старой дѣвки, съ которой былъ въ сердечныхъ отношеніяхъ еще до своего отъѣзда: эта дѣвка особеннѣ плакала по своей госпожѣ, и всё рассказала своему старому возлюбленному, увлеченная свиданіемъ съ другомъ юности. Первунъ, въ походной жизни получившій такую привязанность къ своему господину, каковую трудно было найти въ холопѣ, живущемъ постоянно въ мирномъ домѣ, явился пересказать ему страшную тайну.

V.

— Съ тѣхъ поръ какъ мы уѣхали, говорилъ Первунъ, батюшка твой, осударь, какъ и прежде, всё былъ въ ѣздѣ, а осударыня покойница матушка сама оставалась въ домѣ. Всѣ любили твою матушку покойницу, только не взлюбилъ её ключникъ Герасимъ; а за то не взлюбилъ, что покойница государыня знала его хитрость, что онъ государскому добру не радить, а себѣ мошну набиваетъ и всячески своихъ государей обманываетъ. Вотъ и сталъ ключникъ Герасимъ придумывать какъ бы засмутить между батюшкой и матушкой. А батюшка твой,—прости, государь, на этомъ словѣ—падокъ на женскую плоть, не такъ какъ ты, государь—по дядюшкѣ пошелъ. Вотъ, государь, знаючи это ключникъ Герасимъ... а у ключника Герасима жена вѣдунья суцая

и всякому вѣдовству и нечистому дѣлу знатна; и стали они вдвоёмъ, мужъ съ женою, помогать твоему батюшкѣ во всякихъ тайныхъ женскихъ дѣлахъ, совѣтливость съ нимъ обо всёмъ имѣть, гдѣ какую женщину на блудъ достать: то ключникъ Герасимъ въ этомъ ему помогалъ, а жена привораживала.

А у сосѣда Жаренаго жена Ненила Филиповна красота безпримѣрная. Смутилъ врагъ... сталъ Капитонъ Михайлычъ съ ключникомъ совѣтъ держать, какъ бы её съ ума свести. Ключница сейчасъ же найди кунку себѣ, такую же вѣдьму, какъ сама, у Жарскихъ—Аксиню; денегъ ей пообѣщала и стали двѣ вѣдьмы за одно лиходѣять. Ключница наша спекла пирогъ и положила туда крови своего государя, да наговорила своею бѣсовскою наукою; а Аксютка отдала тотъ пирогъ своей государынѣ, а потомъ взяла волосъ ея, да сожгла, и дала нашей ключницѣ: на, говоритъ, своему дай, чтобы какъ моя не можетъ жить безъ твоего, такъ чтобъ и твой безъ моей не жилъ. Послѣ того, государь, довели они обоихъ до того, что Ненила Филиповна не съѣсть, не выпьетъ, не поспитъ—всѣ бредитъ Капитономъ Михайлычемъ, свѣтомъ-животомъ своимъ называетъ, а Капитонъ Михайлычъ у себя только и помышляетъ, какъ бы съ Ненилой Филиповной любовь сотворить. Вотъ и стали они сходиться у крестьянской вдовы Злодѣевой, а Ненилина мужа въ тѣ поры въ домъ не было, въ походѣ былъ, и прошло времени чай съ полгода. Батюшкѣ твоему своя жена, твоя,

государь, матушка, горше полыни горькой стала: не посмотреть на нее, не заговорить съ ней! И прежде не больно ласковъ былъ, а теперь всё бы ему бранить её да побить. Бѣдная все терпѣла, всё выносила: и прежде грѣхъ за мужемъ былъ, да всё не то; хоть на сторонѣ сотворить грѣхъ, а все-таки не привьется къ чужой, на свою не смѣняетъ; а теперь, вѣстимо, какъ на сторонѣ есть зазнобушка, такъ всё къ ней да къ ней, а своя костью въ горлѣ стоитъ: какъ ужъ тутъ не бить её! Стала матушка государыня наша думать, гдѣ бы это проявилась ей разлучница? Ну, а наше холопые дѣло: хоть знаешь, да боишься сказать! Одна только и была у ней вѣрная слуга, старая дѣвка Ганка. Она государыню больно любила, и государыня её жаловала. Видитъ она, что государыня всё тоскуетъ, и спрашиваетъ её: скажи, моль, кормилица, что у тебя за горе? авось я тебѣ помогу? Та и говорить ей: такъ и такъ, чай у моего мужа зазнобушка, а у меня разлучница есть. Ганка говоритъ ей: правда твоя, государыня, есть; и всё ей рассказала. Стали онѣ вдвоёмъ думать, какъ дѣлу помочь. А тутъ какъ разъ пріѣзжаетъ мужъ Ненилинъ Жареной: напередъ насъ съ мѣсяцъ пріѣхалъ изъ Чернигова со службы. Охъ, на бѣду видно прилучилось матушкѣ нашей кормилицѣ-голубушкѣ? Не въ силу стало переносить сердцу: послала Ганку рассказать про все Жареному. А ему, дураку чѣмъ бы собрать людей, да ночью накрыть свою жену съ твоимъ батюшкой,

**

онъ же взялъ да и разсказалъ ей самой, что вотъ моль про тебя что прислала сказать Нехорошева. Вѣстимо, не дура Ненила, чтобъ ей признаться: разрюмилась, расплакалась... клянётся, присягаетъ— и ничего такого не было, и въ голову ей того не приходило, и во снѣ не видѣлось; да сейчасъ же и послала къ Капитону сказать: не могу, моль, съ тобой болѣе свидѣться, твоя жонушка Наталья хочеть меня со свѣту сжить,—всё мужу моему передала. Какъ взбѣсится твой батюшка, прискочить къ матушкѣ, давай допрашивать да бранить, а та ему не смолчала да ругнула его; а онъ съ сердцовъ, какъ держалъ въ рукахъ палку, такъ и хватилъ ей по головѣ; а государыня тутъ такъ и упала! Сейчасъ за священникомъ: куда тебѣ! ни слова не говорить. Такъ безъ исповѣди и святаго причастья преставилась, для того что безъ рѣчей ужъ была. Теперь... Богъ вѣсть, что съ Ганкой и станется! Еще батюшка твой не знаетъ, кто матушкѣ вѣсть передалъ про то, что онъ Ненилу любитъ; а какъ узнаеть—смотри, убьётъ!

Осипъ не проронилъ слова изъ разсказа Первуна.

— Слушай, сказалъ онъ, когда тотъ кончилъ: мы ѣдемъ въ Саранскъ судиться съ батюшкой. Я подаю челобитную воеводѣ: пусть доводитъ всё дѣло; на то оно убивственное есть. Царская правда покараетъ батюшку за бѣдную матушку. Я поклялся дойти до правды, чтобъ не даромъ пропадала

кровь христіанская. Какъ думаешь, Первунъ: скажутъ люди правду по сыску?

— Гдѣ сказать правду, государь! сказала Первунъ; народъ всё лестный, побоится. Капитонъ Михайлычъ великъ человѣкъ, съ воеводой въ пріятствѣ. Вотъ хоть и попъ: какъ ему не знать, какъ не вѣдать дѣла, а даётъ видъ, будто государыня своей смертью умерла! Батюшку твоего всё уважають и почитаютъ за перваго въ уѣздѣ.

— Правда на него найдётся, говорилъ Осипъ: и я найду её! А не найду, такъ самъ пропаду. Коли батюшка хочетъ остаться безотвѣтенъ за матушку, пусть меня убьётъ и положить съ ней въ одной могилѣ; а пока я живъ,—не миновать ему суда. Мы ѣдемъ въ Саранскъ.

— Съ тобой, кормилецъ, куда велишь! сказала Первунъ.

VI.

Вечерѣло. Въ хоромахъ, гдѣ жилъ Капитонъ, холопъ зажигалъ лампаду передъ образомъ и лежавшимъ на столѣ павлинымъ перомъ обмахивалъ пылъ. Капитонъ вышелъ изъ другой комнаты въ синемъ поношеномъ кафтанѣ, въ туфляхъ, похожихъ на валенки, сдѣлалъ крестное знаменіе и сказалъ:

— Позови ко мнѣ Герасима.

Въ ожиданіи Герасима, Капитонъ ходилъ взадъ и

впередъ по комнатѣ. Видъ его былъ задумчивъ; его бѣгающіе во всѣ стороны глаза блистали чѣмъ-то зловѣщимъ.

Вошелъ Герасимъ.

— Герасимъ, сказалъ Капитонъ: надѣлали мы бѣды! Истинно бѣды! Вотъ до чего лукавый доводитъ! Только поддайся ты ему, а онъ тебя какъ разъ въ пропасть заведётъ! Мало того, что бѣдная Наталья Андреевна подвернулась,.. еще и сынокъ на бѣду пріѣхалъ. Чтò ты съ нимъ будешь дѣлать! Нельзя же, чтобъ онъ свою родную мать забылъ. А чтò съ того? хошь бы корысть какая!... Охъ, Ненила Филиповна, Ненила Филиповна! Всѣ черезъ тебя. Чтò намъ за корысть, за радость? Ненилушка всё таки моя не будетъ...

Капитонъ заплакалъ.

— Ахъ, Герасимушко! продолжалъ онъ: не жизнь мнѣ безъ Ненилушки! За неё не то что одинъ грѣхъ, сто грѣховъ принять радъ — колибъ она, моя голубушка, зазнобушка моя, со мной неразлучна была. Эхъ лучше бы мнѣ смерть была вмѣсто Натальи!

— Не кручинься, кормилецъ! говорилъ Герасимъ: еще и наша голова не бѣдна, и мы умомъ повернёмъ да дѣло склеимъ. За семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Коли въ воду по колѣни, такъ хоть и по шею. Найдёмъ тебѣ Ненилу Филиповну. Не то, что тайкомъ учнётъ ходить къ тебѣ: вѣкъ будетъ съ тобой жить, нашей государыней станетъ! Эхъ! То-то радость будетъ! то-то на свободѣ вина напьюсь!

И Герасимъ, говоря это, прищелкивалъ да подпрыгивалъ, потомъ, упершись руками въ колѣни, нагнулся и вытянулъ голову къ Капитону, засматривая ему въ лицо.

— Какъ же это? говорилъ Капитонъ.

— Бояринъ, любишь Ненилу Филиповну?

— Я ли не люблю ее! Въ огонь и въ воду пойду! Чтò жену!—отца роднаго, душу отдамъ за нее!

— Не тужи, не грусти, не кручинься! продолжалъ ключникъ.—Твоя будетъ Ненила Филиповна. Съумѣли приворожить, съумѣемъ и женить. Всѣ въ нашихъ рукахъ! Жена моя не даромъ вѣдунья...

— А мужъ?

— Пойдетъ за Натальей Андреевной.

— Какъ! зелья дать отравнаго?

— Не то чтобъ зелья отравнаго, а вѣдовство.

Чтòжь дѣлать! Грѣхомъ спознался съ ней, тѣмъ же грѣхомъ и получишь. А безъ грѣха такому дѣлу не быть.

— Эхъ, коли грѣшить, то грѣшить! Я безъ нея не жилецъ на свѣтѣ. Чтò хотите творите, лишь бы мнѣ съ ней, моей лебедушкой бѣлой, въ неразлучности быть. Изсушила меня эта любовь!

— Вотъ жена сама, сказалъ Герасимъ, и вошла жена его, стоявшая за дверьми. Она тебѣ, государь, лучше расскажетъ.

Жена Герасима была женщина лѣтъ тридцати пяти, одѣтая въ синемъ опаснѣ съ мѣдными пуговицами съ верху до низу, съ длинными собранны-

ми въ складки рукавами. Подоль опашня былъ опущенъ красною полосою, а изъ-подъ него выглядывалъ пѣстрый подоль лѣтника бумажной матеріи, называемой киндякомъ, желтаго цвѣта; ноги обуты были въ сапоги. На груди у ней было множество крестовъ, сердечекъ и ожерельевъ. Голова была сверхъ волосника обвита бѣлымъ повоемъ, котораго концы завязывались подъ бородою. У ней было жирное лицо съ выдувшимися впередъ щеками; сѣрые глаза имѣли въ себѣ что-то особенно непріятное.

— Ну, Маланья, сказалъ ключникъ: сдѣлаешь такъ, чтобы Ненила Филиповна стала супружницею нашего государя?

— Можно, коли боярину угодно, сказала Маланья: это въ нашихъ рукахъ.

— А съ мужемъ Мирономъ Малафѣевичемъ что станется?

— Да что станется? сказала Маланья. Что со всѣми нами станется; вдова послѣ него останется, а пойдетъ за Капитона Михайлыча, за нашего государя.

— Маланья! вѣдь это ты убийство замышляешь?

— Зачѣмъ убийство! Я зелья ему давать не стану; я просто смерть на него нашла по вѣтру. Я такое слово знаю, что куда хочу, туда смерть и направлю, и на кого озлюсь, на того её и нашла. Мнѣ можно только трочекъ такъ насылать. За каждый разъ съ моего вѣка дѣсять лѣтъ скотится: положить,

мнѣ бы судьба шестьдесятъ лѣтъ прожить на свѣтѣ, такъ за первый разъ мнѣ придѣтся только пятьдесятъ прожить.

— Чтò жъ, ты насылала на кого-нибудь прежде смерть? спросилъ Капитонъ.

— Насылала, батюшка, одинъ разъ, нече грѣха таить!

— На кого?

— Этого ужъ твоя милость не допытывай. Хотя ты мнѣ и бояринъ, а я того тебѣ не скажу, хоть ты рѣжь, хоть ты жги меня. А вотъ коли хочешь возобладать Ненилой Филиповной, такъ это можно. Я со-служу тебѣ службу, сама за то десять лѣтъ своей жизни утеряю, да тебя, мой свѣтъ, съ дружкой обвѣнчаю.

— Ахъ, дѣлай, дѣлай, чтò хочешь дѣлай! сказалъ Капитонъ.—Лишь бы Ненилушка моя была.

— Сдѣлаю, батюшка; покоенъ будь, сдѣлаю.

И она вышла.

— Герасимъ! дружище мой! сказалъ Капитонъ:— если твоя жена правду говоритъ, если вы меня жените на Ненилушкѣ—чѣмъ тебя и её наградить?

— Мы всѣмъ твоей милости довольны, сказалъ Герасимъ.

— Волю тебѣ дать что ли? Я и безъ того тебѣ готовъ дать: ты и такъ много послужилъ. Нѣтъ, это-го мало; я хочу тебя наградить... чѣмъ? говори.

— Бояринъ! ничего намъ отъ тебя не надо. Мы и сыты, и одѣты, и пьяны... чтò нашему брату!

живёмъ какъ у Христа за пазухой. Ничёмъ отъ тебѣ, свѣта нашего, кормильца, не обижены. Твоей милости счастье сложить—это намъ всего охотнѣе.

— Ну, пошли-ка сына: я хочу поговорить съ нимъ.

— Какъ же ты думаешь говорить съ нимъ? что про мать скажешь?

— Сперву я было думалъ ничего не говорить: на то я отецъ, власть имѣю, и не смѣетъ онъ съ меня спрашивать; а послѣ раздумалъ: хуже станеть, его раздоришь. Эхъ, не хорошее дѣло! скверное дѣло! причинное дѣло! А право слово, не думалъ, не помышлялъ! Такъ вотъ склалось! Воля Божія видно.

— Такъ и говори, бояринъ, такъ и говори! Всего бы лучше ласкою спровадить его куда-нибудь, а то какъ Ненилинъ мужъ дуракъ умрётъ, да затѣмъ мы свадьбу, такъ оно не хорошо.

— Да, подумаемъ... вотъ оно что: надобно сперва приласкать его, а потомъ пошлю его къ своему пріятелю въ Нижній. А у него дочка есть. Вотъ мой Оська, того и гляди, тамъ и останется. Лишь бы старыи хрѣнъ не пряталъ дочку, чтобъ Оська ее увидѣлъ.

— Лучше и придумать нечего нельзя, сказалъ Герасимъ:—сынъ женится и горе позабудетъ!

Послѣ такого домашняго совѣта, Капитонъ приказалъ позвать сына.

Осипъ между тѣмъ собирался-было съ Первунюмъ ночью уѣхать; но оба увидѣли, что это трудно, ибо ворота на ключъ запираются. Рѣшились лучше пе-

реждать еще день, и на третій день, когда будет поминовеніе по матушкѣ и трапезное учрежденіе тогда и махнуть. Въ это время холопъ позвалъ его къ отцу.

Когда Осипъ изъ своей повалуши переходилъ къ отцу съ холопомъ, несшимъ передъ нимъ свѣчу, то не безъ ужаса вошелъ въ тѣ сѣни, гдѣ поутру видѣлъ мѣртвую мать. Изъ этихъ роковыхъ сѣней дверь вела въ двѣ разныя комнаты: въ одной жила его мать, и тамъ совершилось убійство. Дверь была полуотворена; Осипъ взглянулъ туда и задрожалъ. Местъ просилась сильнѣе изъ сердца наружу. Холопъ рас­творилъ другіе двери и ввелъ Осипа туда, гдѣ Капитонъ только что бесѣдовалъ съ ключникомъ. Осипъ вошелъ блѣдный, съ посинѣлыми губами, но старался придать себѣ видъ спокойствія и безстрастія, чтобъ отецъ ничего не могъ прочесть на его лицѣ.

— Здравствуй, Осыка, сынъ мой любезный! сказалъ Капитонъ, и схвативъ его, началъ цѣловать въ обѣ щеки; и казалось Осипу, эти поцѣлуи походили на прикосновеніе змѣи. Когда онъ поцѣловалъ отца— еще отвратительнѣе показался ему собственный поцѣлуй.

— Садись, сынокъ, садись.

Сынокъ сѣлъ.

— Дай посмотрѣть на тебя, дитя моё! Девять лѣтъ не видались. Расскажи-ка про житьебытье, какъ Богу и государю служилъ. Какія напасти чай переносилъ! Охъ воинское дѣло, воинское дѣло! Сла-

ва всемилосердному Богу, что не лишилъ меня на старости лѣтъ радости тебя увидѣть. Охъ никто какъ Богъ! Охъ, Господи помилуй, Господи помилуй!

Осипъ молчалъ.

— Ну, сынокъ! видишь, у насъ-то, у насъ какое горе привлючилось! О, великое несчастье! Божіе попущеніе, сынокъ! Давеча, какъ ты только пріѣхалъ, я не могъ тебѣ ничего сказать—самъ знаешь! Такое горе—и чужіе люди кругомъ... ты же въ безпмятствѣ, въ ярости... что дѣлать! не виню я тебѣ. Никто какъ Богъ; на все Божіе попущеніе! Теперь же всё тебѣ расскажу, дитя мое милое! Ничего отъ тебя не сокрою. Ты, любезный сынъ мой, моё единое утѣшеніе въ скорбяхъ!

Онъ поцѣловалъ его въ голову. Осипъ молчалъ и глядѣлъ внизъ.

— Теперь я тебѣ всю правду скажу. Хоть кляни меня, сынокъ. Оно конечно, Богъ свидѣтель — не думалъ, не помышлялъ—рукамъ воли и тутъ не давалъ... Охъ! врагъ силенъ, заводитъ и въ синемъ! Двадцать девять лѣтъ прожили вмѣстѣ, душа въ душу, по Божьему закону жили; дай Господи всѣмъ добрымъ людямъ такъ согласно жить, какъ мы жили: не бранились, не дрались... а на старости пришлось... Охъ, охъ! никто какъ Богъ! На всё Божіе попущеніе! Говорится не даромъ: хмѣль. О, хмѣль! къ добру не приведетъ! Извѣстно, въ хмѣлю какъ въ бреду: не помнитъ человѣкъ что речеть, что творить. На всё Божіе попущеніе! И власъ съ гла-

вы нашей не спадеть безъ воли его! А съ чего
сталось? Стали мы счеты сводить по хозяйству; по-
койница сосчитала; я говорю: не такъ! она говорить:
такъ! я говорю: не такъ! а она на меня: ахъ ты
такой-сякой! что, я развѣ мало тебѣ управляла до-
момъ! ты, говорить, шатаешься всюду, а я одна все-
му порядокъ даю, да ты жъ меня учить хочешь!..
А нече грѣха таить, стала покойница прихлебовать,
и на тотъ часъ была въ подпитіи. А я, сынокъ, ухъ
какъ этого не люблю! Ужъ давно и многажды жу-
рилъ её, и изъ святаго письма уговариваль и при-
зываль священника въ чувство приводить, а напоследъ-
докъ она передъ образомъ мнѣ поклялась, что не
возьметъ вина въ ротъ: пусть говорить, материн-
ское мое благословеніе побьетъ меня, если хоть разъ
напьюсь! Послѣ всего этого, вижу опять напилась
и бранится. Я сперва лаской ей говорю: Наталь-
юшка, другъ мой! ты опять за проклятую дьяволь-
скую воду берешься! Какъ же тебѣ не стыдно? клят-
ву свою вспомни, что ты сказала: материнское бла-
гословеніе тебя побьетъ! Вотъ оно, погляди! А
она... извѣстно, пьяный человекъ свѣчки не поста-
вить, а свалить—прямо къ образу, да и говорить:
что мнѣ материнское благословеніе! я сама себѣ
госпожа, а ты мнѣ не указъ! Тутъ я не вытерпѣлъ
и ударилъ её, памятуючи, яко мужу подобаетъ жену
учити и наставляти. Она же, чѣмъ бы покориться
мнѣ, прямо съ кулаками ко мнѣ; я сталъ отъ нея
отмахиваться, да какъ-то ненарокомъ зацѣпилъ по

*

виску: она, голубушка, тутъ такъ и упала! Ужъ чего-чего мы не дѣлали! Нѣтъ, ничего не помогло. Слава Создателю, хотъ священникъ успѣлъ исповѣдать и причастить святыхъ таинъ, по христіански скончалась. Вотъ до чего хмѣль проклятый доводитъ! Знаю, сынокъ, знаю, тяжело тебѣ: пріѣхалъ черезъ девять лѣтъ въ родной свой уголокъ, да матушку засталъ на столѣ. Развѣ оно легко! Да вѣдь и мнѣ, сынокъ, она жена законная; двадцать девять лѣтъ прожили!..

Капитонъ закрылся обѣими руками и всхлипывалъ. Ему казалось, что онъ притворился искусно, но сынъ получилъ къ нему въ эту минуту еще болѣе отвращенія, и еще сильнѣе въ сердцѣ его укоренилось желаніе возмездія за смерть матери, ибо онъ не видалъ и тѣни раскаянія въ этомъ человѣкѣ, который назывался его отцомъ. Осипъ не противорѣчилъ ему и не поддакивалъ. Осипъ молчалъ, повѣсивъ голову. Какъ ни старался Капитонъ расшевелить его и вызвать по крайней мѣрѣ хотя бы на какое-нибудь слово, даже непріятное—нѣтъ! Осипъ стоялъ безчувственнѣе дерева. Не вторилъ онъ искренними сердечными слезами притворнымъ слезамъ убійцы; не прояснилось его лицо и тогда, когда отецъ увѣрялъ его, что за сіе невольное прегрѣшеніе онъ всю жизнь будетъ жить только для ненагляднаго сына; наконецъ Капитонъ заговорилъ о необходимости Осипу жениться: Осипъ и тутъ молчалъ. Только тогда, когда Капитонъ, выведенный изъ терпѣнья этой безгласностью

сказалъ съ сердцемъ: «Да что жъ ты стоишь какъ пень? говори что-нибудь!» Осипъ приподнялъ голову и отрывочно произнесъ, безъ всякаго чувства:

— Твоя воля, батюшка!

Отецъ проводилъ сына поцѣлуями и объятіями, и возненавидѣлъ его вполнѣ. Онъ бы гораздо менѣе раздражился, если бъ сынъ засыпалъ его укорами, если бъ даже поднялъ на отца руки, чѣмъ убивать такую зловѣщую покорностью. А Осипъ, пришедши въ свою повалушу, еще разъ далъ волю слезамъ. Онъ проплакалъ до полуночи. Наконецъ Осипъ сказалъ:

— Теперь я оплакалъ и тебя, приснопамятная родная матушка, и тебя вмѣстѣ, батюшка! Я теперь круглый сирота; нѣтъ у меня ни роду ни племени: матушка въ сырой могилѣ, а батюшка на кару пойдѣтъ... Не минешь, ты её! отъ меня не минешь ты её!

VII.

Третій день послѣ погребенія былъ въ старину днёмъ погребальнаго торжества. Съ самой зари во дворѣ Нехорошевыхъ поднялась суета и бѣготня; печи его поварней дымились; ключникъ безпрестанно бѣгалъ изъ одной кѣтки въ другую, побрякивая связками ключей; слуги, по его приказанію, сносили въ разныя стороны, подгоняемые то бранью, то

подзатыльниками: одни въ мѣдныхъ ендовахъ выносили изъ погребовъ мѣдъ и пиво, другіе несли къ столу въ лукошкахъ кубки, чарки, братины, солонцы; на дворѣ уставляли рядомъ колоды, а на нихъ накладывали доски, на которыхъ подавался обѣдъ крестьянамъ и нищимъ. Часовъ въ семь поутру, по нашему счисленію времени, зазвонили къ обѣдни. Капитонъ Михайловичъ одѣлся въ поношенный кафтанъ, надѣлъ сѣрую шапку, и, взявъ въ одну руку четки, а въ другую посохъ, вышелъ изъ горницы и тихо спускался по лѣстницѣ; когда онъ явился на дворѣ среди суетливой дворни и крестьянъ, то всѣ кланялись ему въ поясъ; онъ отвѣчалъ наклоненіемъ головы, и шоль опустивъ глаза въ землю, испуская вздохи. Пришедши въ церковь, онъ стоялъ у столба, крестился очень усердно, клалъ земные поклоны, и то поднималъ взоры къ небу, съ видомъ возношенія помысловъ горѣ, то опускалъ ихъ долу, съ видомъ задумчивости и грусти.

Его сынъ стоялъ у столба на противоположной сторонѣ, съ какимъ-то безразличнымъ, равнодушнымъ видомъ, не плакалъ, не водилъ глазами; на лицѣ его нельзя было прочесть ни чего. Крестьяне Нехорошева отъ мала до велика стеклись въ церковь, довольные тѣмъ, что въ этотъ день не будутъ работать и притомъ поѣдятъ и попьютъ за обѣдомъ.

По окончаніи литургіи отправлялась панихида на гробѣ. Капитонъ Михайловичъ разливался слезами; сынъ по прежнему не плакалъ, и смотрѣлъ въ сторо-

съ пирогами, поставили гостямъ тарелки; впрочемъ, не наблюдали, чтобъ передъ каждымъ непременно была особая тарелка, а ставили какъ придѣтся: такъ передъ однимъ стояла особая тарелка, у другихъ передъ двумя. Мисы съ остатками ухи принимали только тогда, когда нужно было мѣсто для другой посуды. За ухой слѣдовалъ рыбный коровай— тѣльное съ разными пряностями, запеченное въ духовой печи и обильно облитое орѣховымъ масломъ. Потомъ несли жареную рыбу на двухъ большихъ круглыхъ блюдахъ съ широкимъ ободомъ, который былъ украшенъ выпуклостями и впадинами, чередовавшимися между собою. Двое слугъ несли одно блюдо, держа его за придѣланныя къ краямъ кольца: такъ слѣдовало по приличію. Блюдо ставили прежде передъ дворецкимъ въ сѣняхъ, который разрѣзывалъ лежавшую на нёмъ рыбу, клалъ на нёмъ нѣсколько двузубыхъ вилокъ, и тогда холопы, называемые, по поводу услуженія за столомъ, стряпчими, несли его передъ гостей. Гости ѣли руками, обтирая ихъ о собственные платки, лежавшіе у кого въ шапкѣ, а у кого въ зепи (карманѣ); вилки же служили больше для помощи рукамъ, да и самыхъ вилокъ положено было меньше, чѣмъ сколько было всѣхъ обѣдавшихъ. Очищая рыбу отъ костей, гости бросали ихъ на тарелки, гдѣ были остатки тѣльнаго. За жареною рыбою слѣдовали леваша и алады, облитыя жидкимъ мѣдомъ; потомъ клали на столъ большіе калачи пшеничной муки, но не излишней бѣлизны,

ставили въ оловянныхъ складняхъ медовые соты, и приносили ножи. Каждый изъ гостей отламывалъ себѣ кусокъ калача и ножомъ накладывалъ на него кусокъ медоваго сота. Потомъ принесли въ большихъ мисахъ взваръ съ сушеными вишнями, яблоками, малиною, и наконецъ въ серебряныхъ братинахъ кутью. Вся посуда, исключая братинъ, была оловянная. Между кушаньями безпрестанно подавались напитки. Ключникъ Герасимъ ставилъ передъ гостями высокія серебряныя стопы и наливалъ въ нихъ домашняго пива: послѣ жаренаго приносилъ кубки разной фигуры съ затѣйливыми узорами и наливалъ ихъ наливкою: а когда подали взваръ и кутью, то принесли въ братинахъ малиноваго мѣда и разставили передъ гостями ковши той формы, какую можно видѣть теперь въ церквахъ. Священникъ, обратясь къ образамъ, зашѣлъ: «зряще мя безгласна». Капитонъ опустилъ глаза. Сынъ, сидѣвшій до сихъ поръ угрюмо, воспользовался общимъ обращеніемъ къ образамъ и ушелъ. Отецъ не обратилъ на него вниманія. Прочѣвши пѣснь, выпили мѣдъ и сѣли ѣсть вареныя въ патоку яблоки, а ключникъ наливалъ въ кубки другаго сорта наливку. Бесѣда стала оживляться, и священникъ рассказывалъ, какъ человѣческая душа послѣ разлуки съ тѣломъ скитается по мытарствамъ, какія приключенія терпитъ, какъ ангелы съ бѣсами спорятъ за нее, какъ кладутъ на вѣсы добрыя и злыя дѣла покойника, какъ перетягиваютъ злыя и какъ спасаютъ человѣка отъ конечной отправки въ адъ

церковные приносы и поданія. Мало по малу отъ небесныхъ предметовъ разговоръ сталъ сходить на плачевную земную юдоль, и священникъ замѣтилъ, что живой думаетъ о живомъ, и что Капитону Михайловичу еще есть надежда вступить во второй бракъ, а добрымъ людямъ погулять на его свадьбѣ.

Между тѣмъ женщины, пировавшія въ избѣ подняли такой разговоръ, что слышно было въ столовую, хотя нельзя было разобрать, что онѣ говорили; да и сами одна другую не разбирали, потому что говорили всѣ разомъ. На дворѣ нищіе жалобнымъ тономъ затягивали духовные стихи; другіе, развеселясь, насвистывали болѣе весѣлые напѣвы, оглядываясь по сторонамъ, чтобы кто нибудь не ругнулъ ихъ за это, весь этотъ шумъ сливался съ грустными ударами колокола подъ рукой звонаря, которому приносили яства и питіе къ низенькой деревянной колокольницѣ.

Не ранѣе какъ часа черезъ два гости стали расходиться. Капитонъ ушелъ въ свою избу, холопы стали убирать посуду, а потомъ въ свою очередь принялись поминать покойницу, хотя и во время объѣда не забывали себя до того, что къ концу его нѣкоторые уже не могли прямо ходить. Такимъ образомъ имъ некогда было замѣтить, гдѣ былъ Осипъ. Наконецъ Герасимъ, оставшійся трезвѣ другихъ, спросилъ о немъ, и узналъ отъ конюховъ, что Первунъ осѣдлалъ двухъ коней, привязалъ къ сѣдламъ дорожные узлы, и молодой государь уѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ черезъ заднія ворота и поскакалъ по доро-

гѣ въ Саранскѣ. Такъ какъ они государскихъ дѣлъ не знатны, такъ имъ и въ голову не пришло сказать объ этомъ.

Ключникъ покачалъ головой, смекувъ, что тутъ что-то не ладно, и отправился донести Капитону Михайловичу.

VIII.

Осипъ съ Первунюмъ бѣжали рысью, не останавливаясь и не заговаривая одинъ съ другимъ. Осипъ не нарушилъ молчанія даже и тогда, когда передъ нимъ вмѣсто одной дороги явилось двѣ въ разныя стороны. Не спросивши своего слугу, знавшаго мѣстность такъ же плохо, какъ и онъ, Осипъ по инстинкту повернулъ вправо, и не ошибся: то была большая саранская дорога.

Пустынная мѣстность вокругъ показывала скудость населенія около этой дороги; не видно было нивъ, ни скошемныхъ полей; высокіе стебли стеной травы, отжившей своё лѣтнее существованіе, торчали наклонившись другъ на друга и лежали переплетаясь между собою и представляя грустный видъ наступающей осени. По обѣимъ сторонамъ синѣли гряды лѣсовъ, и принимали иногда зелѣный отливъ, когда дорога подходила къ нимъ ближе. Такая пустота однако не доказывала, чтобъ въ этомъ краѣ не было селеній: тогда не любили сидеть около

большихъ дорогъ; напротивъ, выбирали мѣста поединеннѣе, закрытыя лѣсами; сосѣдство съ большими дорогами представляло гораздо больше неудобствъ, чѣмъ выгодъ. И татары скорѣе могли напасть на селеніе, и ратные государевы люди, слѣдуя по большой дорогѣ, зашедши въ село, могли чинить себѣ удобное, а ратный государевъ человекъ былъ большой охотникъ и до крестьянскихъ женокъ, и до крестьянскихъ клѣтѣй. Даже купеческіе обозы мало приносили пользы жителямъ большихъ дорогъ: наѣдетъ обозъ, лошадей покормятъ, сами поѣдутъ, попьютъ, да не заплативши и уѣдутъ, или дадутъ что имъ вздумается изъ милости; а въ деревнѣ мало людей, чтобъ сладить съ ними. Царскіе гонцы, дѣти боярскіе и стрѣльцы, ѣздившіе съ разными отписками и грамотами, отрывали людей отъ работы, брали подводъ вдвое, чѣмъ сколько у нихъ написано въ подорожной, приглашали съ собою купцовъ, взявъ съ нихъ денегъ, а крестьянъ заставляли везти, да въ добавокъ, чтобъ показать свое достоинство, хозяину зубы разбивали, ради потѣхи посуду въ домѣ били и портили. Тогда всякій, кто состоялъ на службѣ и имѣлъ право назваться царскимъ холопомъ, хоть бы онъ былъ не болѣе какъ кузнецъ или плотникъ въ городѣ, подымалъ къ верху носъ передъ сиротой государевымъ, какъ называли себя посадскіе и крестьяне. По этимъ-то причинамъ большія дороги были очень пустынно; иногда проѣзжій проѣдетъ вѣрсть семьдесятъ, не встрѣ-

чая ничего, кромѣ звѣря прыскачаго да птицы перелетныя, да своего брата проѣзжаго. Только выселенные по царскому указу на ямы ямщики жили верстахъ въ пятидесяти и далѣе ямъ отъ яма, жалясь на свою судьбу, и нерѣдко убѣгали съ мѣста своего поселенія.

Наши путники въѣхали въ лѣсъ; тутъ не разъ приходилось ихъ лошадямъ спотыкаться о пеньки и головамъ всадниковъ испытывать удары отъ нагнувшихся древесныхъ вѣтвей. Тутъ первый разъ встрѣтились съ ними люди; то были двое всадниковъ въ зелёныхъ кафтанахъ, съ саблями при бокахъ и съ пистолетами за поясами. Осипъ съ Первуномъ машинально, по привычкѣ, приложили руки къ своимъ пистолетамъ, чтобъ показать незнакомцамъ, что съ ними шутить нельзя; то же сдѣлали незнакомцы. Таковы были дорожные обычаи. Разъѣхавшись мирно, незнакомцы сказали: «Богъ на помощь добрые люди!», а Осипъ съ Первуномъ отвѣчали: «Дай Боже благополучно!» Скоро послѣ того наши путники выѣхали изъ лѣсу и увидѣли передъ собою городъ Саранскъ.

Прежде всего заблестала передъ ними глава соборной церкви, покрытая яркою бѣлою жестью; по ней играли лучи солнца, склонявшася къ западу. Извилистый лабиринтъ деревянныхъ укрѣпленій, называемыхъ надолбами, окружалъ посадъ, раскинутый вокругъ города, такъ что съ одной стороны строеній въ нёмъ было больше, чѣмъ съ дру-

гихъ, а съ противоположной—той, откуда ѣхали наши путники, рѣка Иква протекала возлѣ стѣнъ самаго города. Городская деревянная стѣна шла неправильными линіями, и то высывалась впередъ выступами, истыганными узкими отверстіями для стрѣльбы въ два этажа, то уходила внутрь выемками; тамъ и сямъ возвышались башни, непохожія одна на другую; на право подымала высокую остроконечную вершину башня, называемая наугольная крымская, стоявшая на большомъ углу стѣны, уходившемъ на западъ въ поле, далѣе, изъ-за зданій въ срединѣ города виднѣлись разнохарактерные верхи башень, стоявшихъ по той части стѣны, которая шла вдоль Иквы; на сторонахъ, окружавшихъ посадь, стояли одна отъ другой въ разныхъ разстояніяхъ башни: одна изъ нихъ, называемая Троицкою, было четверугольное зданіе съ претензіей бѣжать вверхъ и съ приплюснутой кровлею, какъ-будто бы кто сверху ударилъ её по головѣ и сказалъ: куда ты? стой! Её звали въ просторѣчій Насѣдкою. Другая верхоглядничала надъ всею стѣною своими тремя крышами, каждая сверхъ другой; въ ней виднѣлись широкія ворота; по направленію отъ нея вправо шли три глухихъ башни круглago вида, за ними широкая невысокая башня съ воротами, а за нею выступъ безъ кровли съ зубцами, называемый городкомъ, сажень на двадцать выдавшійся впередъ. Какъ бы взамѣнъ такого смѣлаго выхода, стѣна потомъ уходила назадъ, и снова выдаваясь на преж-

**

ною линію, упиралась въ высокую и тонкую наугольную башню, которую называли Боярыней. Вся стѣна была покрыта высокой кровлей; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самая стѣна была выше, въ другихъ ниже; на выступахъ и башняхъ были особыя кровли: поэтому издали казалось какъ-будто десятокъ разныхъ городовъ нагромождёнъ вмѣстѣ. Стѣны города были чернаго цвѣта, во многихъ мѣстахъ поросшія мхомъ и травою. Зданія въ срединѣ видѣлись сплошною массою деревянныхъ черныхъ кровель, между которыми индѣ бѣлѣли полосы березовой коры которою тогда устилались крыши; нѣсколько церквей возвышали свои главы надъ зданіями; иныя, какъ и на соборѣ, были покрыты жостью, другія зелёною черепицею. Самыхъ церковныхъ зданій нельзя было видѣть за городскими стѣнами; нигдѣ не показывалось ничего каменнаго, ничего бѣленаго. Окружавшія посадъ надолбы состояли изъ столбовъ, поставленныхъ вертикально и тѣсно одинъ къ другому въ два ряда, съ перекладинами по верху, и такимъ образомъ образовывали коридоры; они примыкали къ самому городу у рѣки Иквы, и, протянувшись въ прямомъ направленіи какъ бы продолженіемъ городской стѣны, заворачивались и развѣтвлялись въ разныя стороны и такимъ образомъ составляли переплетѣнную сѣть укрѣпленій то упираясь другъ въ друга своими частями, то пуская отъ себя новыя отрасли, то расширяясь въ полукруги, то сжимаясь въ углы. Когда путешественни-

ки подъѣхали къ нимъ, то уперлись въ ихъ стѣны; проѣзда не было: они должны были поворотить вправо и въ другой разъ наткнулись на стѣну; тогда надобно было ѣхать влѣво между двумя стѣнами, по коридору, и еще разъ взять вправо, чтобы въѣхать въ спускныя ворота.

Очутившись на посадѣ, Осипъ съ Первунуомъ поѣхали по улицѣ. По обѣимъ сторонамъ ея шли волнистые ряды крышъ, на которыхъ кое-гдѣ торчали вышки и чердаки съ большими окнами; низенькія дымныя трубы изъ небѣленаго кирпича казались птичьими гнѣздами. Дворы вообще были малы по улицѣ и вытягивались въ боковую линію; иные огорожались плетнемъ или заборомъ, въ срединѣ котораго дѣлались крытыя ворота. Домашняя постройка стояла внутри дворовъ, но въ другихъ дома выходили наружу и ворота были о-бокъ ихъ, примыкая однимъ краемъ къ дому, другимъ къ двухъ-этажной клѣти или амбару съ лавкой. Дворы стояли не на одной линіи по улицѣ: одни выдавались впередъ, другіе уходили назадъ. Такой способъ построекъ скрадывалъ улицу; она дѣлалась то уже, то шире; ѣдучи по ней, казалось, что она впереди скоро кончается, и отъ ней уже пойдетъ другая, а въ самомъ дѣлѣ шла всё одна и та же. Низенькія курныя избы стояли рядомъ съ двухъ-этажными домами, очень узкими, съ тремя и часто съ двумя окнами на одномъ фасадѣ вверху; въ подклѣткахъ часто не было вовсе оконъ: это показывало, что они назначались

для кладовыхъ. Когда путники доѣхали до переулковъ, то увидѣли образа, стоявшіе на столбахъ; слѣдовало остановиться и перекреститься. Ъдучи такимъ образомъ по улицѣ, путники наши доѣхали до площадки, гдѣ стояли рядомъ двѣ церкви безъ дворовъ, обѣ низкія, деревянныя; одна была съ прорѣзною башенкою надъ крыльцомъ, и въ этой башенкѣ висѣли колокола; около другой за троечастнымъ алтаремъ стоялъ навѣсъ съ колоколами. Обѣ церкви были покрыты дранью; главы были жестяныя съ крестомъ, поставленнымъ на лунѣ.

Сдержавши лошадей и сдѣлавши нѣсколько крестныхъ знаменій передъ обѣими церквами, Осипъ и Первунъ проѣхали еще нѣсколько сажень по улицѣ и достигли рва, окружавшаго городскую стѣну. Глубиною этотъ ровъ былъ сажень до четырехъ и наполненъ грязью отъ воды, проведенной туда изъ Иквы и высохшей во время лѣта; въ срединѣ рва вбиты были заостренные колья густымъ рядомъ, который назывался честикъ. Черезъ ровъ вѣлъ мостъ безъ периль, очень негрѣшко сколоченный, такъ что когда въѣзжали на него, то лошади безпрестанно попадали ногами въ разсѣлины. Снявши шапки и помолившись передъ образомъ, висѣвшимъ на воротахъ, путники въѣхали въ городъ. Они должны были проѣхать по улицѣ изъ дворовъ, изъ которыхъ въ однихъ жили служилые люди, другіе были осадные, построенные разными помѣщиками саранскаго уѣзда на случай осады, чтобы спрятаться въ нихъ

съ семействами когда будетъ угрожать непріятельское нашествіе. Въ обыкновенное время въ нихъ жили дворники. Такимъ образомъ проѣхавши между дворами, путники пріѣхали на площадь. Тутъ стоялъ деревянный соборъ, недалеко отъ него двѣ другія деревянныя церкви; на правой сторонѣ была приказная изба, длинное одноэтажное строеніе, раздѣлявшееся на двѣ половины, съ проходными сѣньми; близъ нея воеводскій дворъ, огражденный тыномъ; позади былъ врытый въ землю каменный погребъ съ государевымъ зельемъ и свинцомъ—единственная каменная постройка во всѣмъ Саранскѣ. Вправо отъ воеводскаго двора стояли два двухэтажные деревянные амбара; въ одномъ хранилось оружіе, въ другомъ хлѣбные запасы. Прямо противъ воеводскаго двора, подлѣ собора, былъ гостинный дворъ съ лавками, но въ нёмъ не торговали, исключая годичной ярмарки; за то туда купцы могли сносить товары изъ посада, еслибъ оказалось опасно оставаться имъ на обычномъ мѣстѣ.

У Нехорошевыхъ былъ свой осадный дворъ, но Осипъ не поѣхалъ туда, чтобъ не встрѣтиться съ отцомъ, который тамъ остановится, когда воевода призоветъ его къ отвѣту. Первунъ вспомнилъ, что тутъ есть добрый человѣкъ, новокрещенъ Мордвинъ пушкарь, женатый на сестрѣ той самой Ганки, которая покойной матери Осипа передавала вѣсти. Недолго было искать его. Случилось проходить служилый человѣкъ; Первунъ спросилъ у него, гдѣ

живётъ Мордвинъ пушкарь?—«Я самъ тотъ и есть», сказала Мордвинъ. Осипъ съ Первунѣмъ повернули къ нему на дворъ, стоявшій на одномъ изъ концовъ площади. Съ дружелюбными поклонами Мордвинъ ввёлъ гостей въ избу, которая у него называлась чистою или свѣтлицею, и которая въ самомъ дѣлѣ была черна и грязна и слабо освѣщалась двумя маленькими огнями. Тутъ Первунъ принялся рассказывать Мордвину, зачѣмъ они пріѣхали. Вскорѣ пристала къ разговору и хозяйка, и узнавши про сестру, начала охать. Осипъ громко сказалъ:

— Есть правда у Бога и у Царя! Не бойся за свою сестру; служила моей матушкѣ-покойницѣ, мнѣ пусть немного послужить: награжу!

— Ахъ, родимый мой! говорила хозяйка: у меня-то всей родни на бѣломъ свѣтѣ, что сестра. Двѣ насъ было у батюшки; батюшка служилъ у дядюшки твоего вѣрою и правдою, и съ нимъ въ походѣ бывалъ. Дядюшка твой Петръ Михайлычъ меня и замужь выдавалъ. Мы всѣ помнимъ его добро. Какъ же намъ теперь сестру-то вызволить? Они съѣдятъ её живую.

— Сестра твоя пусть правду говоритъ, сказалъ Осипъ. Мы дѣло обдѣлаемъ; надобно идти къ воеводѣ, да челобитную подавать.

— Воевода-то нашъ самъ не при себѣ, сказалъ Мордвинъ: така тревога, такой переполохъ, что Боже упаси!

— Чтѣ такое! спросилъ съ удивленіемъ Осипъ.

— Ты, бояринъ, нешто ѣдучи изъ похода не слыхаль, что дѣлается на Волгѣ?

— Казаки пошаливаютъ что ли? сказалъ Осипъ. На Хвалынское море пошли, на перскаго шаха?

— Кой тебѣ на Хвалынское море! сказалъ Мордвинъ: Астрахань городъ взяли, воеводу убили, приказныхъ людей извели... служилые къ ворами пристали надъ христианами всякое безчинство учиняютъ, и теперь ужъ по Волгѣ идутъ вверхъ. Проявился у нихъ какой-то батюшка Степанъ Тимофѣевичъ, что, говорятъ, его ни пуля ни берётъ, ни сабля: таково слово знаетъ! и съ нимъ будто бы патріархъ Никонъ, что старшой надо всѣми попами былъ, а царь его смѣстилъ; да баютъ, съ нимъ же еще и царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ. Идѣтъ будто бы на бояръ, въ Москву, и общаетъ людямъ льготные годы, что ужъ теперь, говоритъ, всѣ люди будутъ равные, а не будетъ того, что вотъ теперь одинъ бояринъ, и ему боярская честь, а другой крестьянинъ, али посадскій, а будутъ всѣ заодно, какъ у казаковъ на Дону. Разсылаютъ своихъ пособниковъ, грамоты исписали да имъ отдали, чтобъ носили да людямъ читали; а въ грамотахъ, слышь, прописано, чтобъ всѣ люди принимали царевича да батюшка Степана Тимофѣевича, чтобъ народъ православный собирался кто съ чѣмъ можетъ: кто съ саблею, кто съ ручницею, а кто хоть и съ дубиною, да вставалъ на лиходѣевъ: Анадьсь на посадъ пришли три человѣка и стали у посадскаго

человѣка Вавилки Хлѣбосолова и стали брехать: пристаньте, говорятъ, вы, посадскіе, къ намъ; когда мы къ вамъ придѣмъ, зажгите городъ, побейте воеводу и приказныхъ всѣхъ, а животы ихъ и всю царскую казну себѣ поровну раздѣлите; а гдѣ, говорятъ, нашего слова не послушаютъ, и батюшки Степана Тимофѣевича приказу дѣлать не стануть, тому городу не одобровать: батюшка и царевичъ велятъ всѣхъ побить. Вавила же не будь простъ, поди да и скажи воеводѣ: не побоялся, что они ему бѣду сулили, коли къ нимъ не пристанеть. Воевода отобралъ насъ, служилыхъ, да къ Вавилѣ. Тутъ на бѣду намъ сталося, завидѣли воры, что идутъ люди, да бѣжать; мы за ними; двое завернули за уголь, да и были таковы; третьяго нашъ молодецъ по ногѣ стрѣльнулъ; поймали; а тѣхъ искали, искали, бѣгали, бѣгали по всему посаду, и конные поскакали за надолбы—нѣтъ тебѣ! словно въ воду канули. И по дворама искали... нѣтъ да и нѣтъ! Воевода такъ и думаетъ, что свои воры посадскіе прихоронили. Ругался бѣда какъ! «Тагіе сякіе, говоритъ, врагоудники, клятвопреступники, царю хотите измѣнить!» Сталъ брать въ застѣнки да пытатъ огнѣмъ, да животы отбираютъ у нихъ приказные люди. А Вавила и самъ не радъ, что сказалъ: на другую же ночь у него сѣнница загорѣлась: такъ вотъ не вѣсть съ чего огнемъ и взялась, и весь дворъ сгорѣлъ, а самъ съ сѣмьею мало живъ выскочилъ. По-

садскіе на насъ всѣ злятся, что мы въ ихъ дворахъ обыскъ чинили.

— Давно это у васъ?

— Да вотъ третій день всего. Идѣтъ большой переполохъ. А тутъ изъ Москвы указъ пришелъ воеводѣ, чтобъ жить съ большимъ береженьемъ: чають, воры придуть; дворянъ и дѣтей боярскихъ, бають, въ осаду будутъ звать; а того, что поймали, завтра смерти предадутъ за посадомъ.

— Врагъ лукавый смуту чинить, сказалъ Осипъ: — царю бѣлому супротивное хотеть сотворить. Сила крестная съ нами и милость святыхъ чудотворцевъ заступниковъ! Есть у царя вѣрные люди, покоряютъ они подь нозѣ его воровство и измѣну.

Ночь наступила, и Осипъ расположился на лавкѣ, подоставши подь себя свою епанчу и кафтанъ, а Первунъ на холодной печи. Отходя ко сну, Осипъ усердно помолился и обрестилъ кругомъ своё странническое ложе, чтобъ отдалить дьявола и слугъ его.

IX.

На другой день, съ солнечнымъ восходомъ, съ Осипомъ сидѣлъ за столомъ площадной дьячекъ Еремѣйка, извѣстный въ Саранскѣ и его окрестностяхъ писатель челобитныхъ и всякаго письменнаго дѣла. Этотъ классъ людей былъ тогда въ большомъ ходу:

народъ въ тѣ времена былъ безграмотный, и кому только нужно было написать что-нибудь, тотъ обращался къ одному изъ такихъ грамотѣевъ. Осипъ хотя и зналъ грамотѣ, да писалъ нетвердо, и къ тому же не зналъ всѣхъ тѣхъ приказныхъ пріемовъ, которые требовались въ дѣловыхъ бумагахъ, что съ начала, что съ конца поставить, какъ дѣло изложить, какъ царя государя разжалобить. Дьячекъ Еремѣйка былъ человѣкъ лѣтъ около сорока, лысый, съ клочковатой бородой и съ рябоватымъ вѣчно пьянымъ лицомъ; одѣвался въ зеленый кафтанъ и носилъ дырявые сапоги. Когда его призывали писать челобитную, то всегда, кромѣ калыма, какъ называлъ онъ плату за свой трудъ, ставили передъ нимъ жбанъ зеленой вина: безъ того у него въ головѣ мысли путались и не выливались на продолговатый свитокъ. Еремѣйка былъ большой искусникъ на всѣ руки и притомъ олицетворенное безпристрастіе: онъ писывалъ челобитную и истцу, и отвѣтчику, началъ обѣ стороны другъ противъ друга; нерѣдко, настроивши ихъ, передавалъ той и другой сторонѣ планы, имъ же для нихъ составленные. По этому поводу борода его безпрестанно теряла волосы, а на лицѣ часто показывались синяки. Еремѣйка все терпѣлъ и шель своей дорогой; онъ сочинялъ по еадскимъ другъ на друга ябеды и поджигалъ ихъ идти жаловаться однихъ на другихъ воеводѣ, и за это воеводы не только терпѣли его, но еще и любили, потому что онъ имъ хлѣбъ доставлялъ. Только ино-

гда сердились на него приказные люди, потому что вмѣсто него сами бы могли написать ябеду; но Еремѣйка и съ этой стороны умѣлъ улаживать дѣло, чтобъ всѣмъ было хорошо: Еремѣйка челобитную напишетъ такъ, чтобъ дѣло какъ можно лучше зашлелось; воевода приметъ да передастъ въ приказную избу, а тамъ ужъ приказные справки наводятъ и въ законы смотрятъ. Такъ перебивался Еремѣйка и удивлялъ всѣхъ своимъ перомъ; особенно женщины съ чувствительнымъ сердцемъ не могли удержаться отъ слёзъ, слушая его челобитныя, хотя дѣло для нихъ было постороннее. Осипъ не расплакался отъ краснорѣчія Еремѣйки, потому что въ его душѣ было много такого горя, котораго не могъ выразить никакой Еремѣйка. Еремѣйка зналъ, что челобитная противъ уложенія, но не сказалъ этого Осипу, чтобъ взять съ него награжденіе. Заплативъ писателю, Осипъ свернулъ челобитную въ трубку и отправился къ воеводѣ. Когда Осипъ шелъ въ его дворъ, то на площади увидѣлъ толпу народа, и вспомнивъ, что ему рассказывалъ Мордвинъ, догадался, что готовятся казнить преступника.

Воеводская изба состояла изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ теплыми сѣнми; въ одной жилъ воевода, принималъ посѣтителей и отправлялъ свои служебныя дѣла, а въ другой помѣщалось его семейство; о-бокъ этого дома стояла одноэтажная поварня, съ пристроенною къ ней просторною людскою избюю; позади дома, на три стороны, построе-

*

ны были баня, конюшня, сарай, сѣница и двѣ клѣтки. Этотъ дворъ со всѣми въ нёмъ зданіями былъ казенный, назначенный для воеводы отъ правительства. Такъ какъ воеводы рѣдко бывали болѣе двухъ лѣтъ сряду на одномъ мѣстѣ, то и не заводились большимъ хозяйствомъ. Воеводы вели жизнь почти кочевую: два года въ Саранскѣ, третій въ Тотмѣ, а то гдѣ-нибудь и въ далёкой Сибири. Случалось даже, что воеводы, отправляясь на воеводство, не брали съ собой семействъ, зная, что имъ недолго придётся пребыть на данномъ постѣ. Въ Саранскѣ воеводою былъ тогда дворянинъ Перфиль Матвѣевичъ Дрекаловъ и уже пребывалъ тутъ третій годъ.

Осипъ взошелъ по лѣстницѣ въ сѣни, тутъ холопъ остановилъ его и спросилъ, что ему надобно? Осипу слѣдовало дать холопу нѣсколько денегъ, и тотъ велѣлъ ему подождать въ сѣняхъ, а самъ пошелъ доложить воеводѣ. Войдя по приглашенію слуги въ горницу, прежде всего Осипъ помолился образамъ, потомъ поклонился въ поясъ воеводѣ, стоявшему съ величественнымъ видомъ и съ ласковою улыбкою.

— Пришелъ бить челомъ царю-государю! сказалъ Осипъ.— Не побрезгуй, воевода милостивецъ, моимъ приношеніемъ: изволь принять; чѣмъ богатъ тѣмъ и поминаю. Человѣкъ я служилый, долго съ врагомъ въ чужихъ земляхъ воевалъ, кровью себѣ купилъ пистолетъ турецкій, отдѣланный серебромъ, у ляховъ взялъ на битвѣ.

Онъ подалъ ему пистолетъ. Воевода, принявши его, взявъ Осипа за плечи и посадилъ на почетномъ мѣстѣ подь образами и сказалъ:

«У меня такой обычай: прежде гостя посадить да накормить и напоить, а тамъ уже распросить и дѣло для него сдѣлать. Гаврило!» крикнулъ онъ на холопа: подай сюда настойки да пироговъ. У меня, господинъ, настойка отмѣнная, а пироги сама хозяйка пекла, большая вѣдунья въ этомъ дѣлѣ. Вотъ ты говоришь, что съ ляхами въ чужой землѣ бился; а у насъ здѣсь туча собирается, придѣтся быть можеть и намъ кровь пролить и животы положить за святую церковь и за царя-государя. Воры, клятвопреступники, богоотступники, церкви святой обругатели, царскаго величества насильники, идутъ по Волгѣ вверхъ и грозятъ насъ всѣхъ побить, и всякую власть и начальство искоренить! Глупый черный народъ волнуютъ и мутятъ, дома зажигаютъ, чтобъ людей въ страхъ привести. Большая бѣда надъ всѣми нами складывается. А тутъ изъ Москвы пишутъ къ намъ, чтобъ мы воеводы того смотрѣли, чтобъ воры къ намъ не пришли и дурна не учили, а въ другихъ городахъ служилыхъ и воеводъ на смерть побили! Охъ, тяжкія пришли времена!... У насъ въ Саранскѣ есть юродивый; говорить, что это такъ дѣлается передъ страшнымъ судомъ: и точно, государь, видно, что недалѣко свѣту преставленіе. Изъ всего видно: стали люди строптивы, властямъ непокорны, къ церкви святой неприлежны, суемудренны, свое-

вольны, родителямъ непослушны... Ужъ и знаменія на небеси являлись: видѣли люди огненный мечъ, на полуденную страну обращенный. Охъ-охъ-охъ! Господь указываетъ намъ, нашего спасенія хочетъ, а мы-то, мы нечувственные, не думаемъ покаяться!

— Что же, воевода, Богъ милостивъ, сказалъ Осипъ: посѣтитъ насъ бѣдой и пожалуетъ. Есть у царя вѣрные слуги, съ поляками и татарами бились, царство наше Богомъ свыше возлюбленно. Станемъ ли бояться воровъ донскихъ казачишекъ? На нихъ послать дѣтей боярскихъ да стрѣльцовъ; мы съ Божіею помощью и разобьемъ ихъ, и связанныхъ разбойниковъ приведемъ.

— Эхъ, молодъ ты, государь, сказалъ воевода, хоть и бывалый! Оно правда, въ Польшѣ у васъ можетъ быть враговъ было и болѣе, да врагъ-то не таковъ: тамъ люди, а тутъ... тутъ вражья сила нечистая!—произнёсъ воевода шопотомъ.—Этотъ Стенька Разинъ чародей, лукавому душу свою запродавъ; его ни пуля, ни сабля не берётъ. Были примѣры: въ Царицынѣ, говорятъ, стрѣляли по нёмъ, а порохъ вонъ изъ пушки запаломъ выходилъ; а онъ, бо-гоотступникъ, по воздуху летаетъ и по водѣ ходить какъ по землѣ. Вотъ онъ что!

— Противъ адской силы крестъ животворящъ—оружіе непобѣдимое! сказалъ Осипъ.

Между тѣмъ поставили водку, серебряныя чарки и пироги на оловянной мисѣ. Осипъ выпилъ чарку водки и похвалилъ её. Закусивши пирога, онъ покло-

нился хозяину, а хозяинъ поклонился гостю и налилъ еще водки. Гость отказывался, хозяинъ кланялся просилъ и принуждалъ его пить. Наконецъ воевода сѣлъ и сказалъ:

— Ну, вотъ теперъ послѣ хлѣба-соли можно и объ дѣлѣ поговорить. Съ чѣмъ добрымъ пожаловалъ къ намъ?

— То-то и бѣда, что не съ добрымъ, а съ худымъ...

— Къ намъ, начальнымъ людямъ, все только съ худымъ и ѣздять, сказалъ воевода, и Осипъ сталъ рассказывать своё дѣло. Но едва воевода услышалъ, что передъ нимъ сынъ Капитона Михайловича, развернулъ руки и вскричалъ:

— Капитона Михайловича! моего кормильца и благодѣтеля сынъ! Вотъ оно чтò!..Эка радость! Ну, не зналъ я, съ кѣмъ говорю. Дай же я тебя къ сердцу прижму да поцѣлую! Прошу меня любить и жаловать. Мы съ твоимъ отцомъ какъ съ роднымъ братомъ живѣмъ; благодѣтель не брезгуетъ мной, не оставляетъ меня: и мучицы привезётъ, и мѣду, и мяса соленого... Первый помѣщикъ на цѣлый уѣздъ. Вотъ небось радость батюшкѣ, сынка дождался, а то давно не видалъ, чай лѣтъ десять безъ малаго былъ на царской службѣ.

Плохо было Осипу слышать такія рѣчи передъ тѣмъ, когда онъ готовился сказать объ отцѣ своёмъ вовсе не такія добрыя вѣсти, какихъ ожидалъ воевода.

Скрѣпивши сердце, онъ промолчалъ на возгласы будущаго своего судьи, и потомъ, подавъ челобитную, прибавилъ:

— Давеча ты сказалъ, что къ тебѣ всё съ худымъ ѣздить; а уже вѣрно такого худаго еще тебѣ и не приносили, какъ я. Прочитай, государь, и узнаешь. Я пришелъ къ тебѣ просить царскаго суда на своего отца.

Воевода выпучилъ глаза и, обмѣривъ Осипа съ ногъ до головы, покачалъ головой.

— Суда на отца! Вотъ оно что!... Говорить правду юродивый, что судъ Божій скоро придетъ и дѣти начнутъ подымать на родителей руки. Охъ-охъ-охъ!

И развернувъ челобитную, онъ началъ читать вполголоса пожимая плечами, и по окончаніи чтенія сказалъ:

— Эка причта-то! Господи Боже! Господи Боже! Экое вражеское поущеніе!... Ты здѣсь пишешь, яко бы отецъ твой былъ въ блудномъ сожитіи съ чужою женою? Поди ты! ты самъ видѣлъ, говоришь, боевые знаки на головѣ у твоей матери?

— Видѣлъ, и другіе видѣли: люди то-же скажутъ.

— Люди скажутъ!... Что люди! Люди воры, люди дурное думаютъ, какъ бы государей обокрасть, да очернить, да всяческое лихо учинить. У людей теперь заячьи уши: Стеньки Разина, собаки, ждутся! Господи Боже, Господи Боже!.. наше дѣ-

ло судебное: царю присягали судить правду и по евангельской заповѣди, другу не дружить, недругу зла напрасно не творить. Пошлю розыскъ сдѣлать: у меня на челобитной справа не остановится. Гаврила! пошли ко мнѣ Тюлюбаева.

— Эхъ, вотъ право хлопоты какія! продолжалъ воевода, не глядя на Осипа. Вотъ хоть бы это дѣло: совсѣмъ не мое, а губнаго старосты: а его не поставили тутъ... теперь губныя дѣла и дѣлаешь. Прощай. Сынъ боярскій Тюлюбаевъ поѣдетъ розыскъ сдѣлать, а ты понавѣдаешься въ приказной избѣ; тамъ тебѣ скажутъ, когда приходитъ ко мнѣ!

Онъ холодно разстался съ Осипомъ и даже не провѣлъ его до дверей.

На площади, куда вошелъ Осипъ, толпа умножилась. Приказные безпрестанно бѣгали въ приказную избу и выбѣгали изъ нея. Какъ ни разрывалось Осипово сердце, но онъ невольно занялся предстоящею казнью и рѣшился посмотреть на неё.

Тюрьма, гдѣ содержались преступники, была подъ губной избой, которая стояла близъ городской стѣны и за неимѣніемъ особаго старосты, была пуста. Нижній этажъ или подклѣтъ, составлявшій тюрьму, былъ врытъ въ землю; маленькія отверстія, сквозь которыя едва можно было просунуть кулакъ, освѣщали её. Можно себѣ представить всю отвратительную внутренность этого помѣщенія, сыраго и темнаго, гдѣ преступники сидѣли въ темнотѣ, прикованные къ колодамъ и выводились разъ въ недѣлю,

въ кандалахъ, просить подаянія; тогда ихъ водили по посаду къ рынку, и они жалобными причитаньями должны были выпрашивать себѣ хлѣбъ. Сторожа дѣлили выпрошенные куски между ними въ продолженіи недѣли; а если что-нибудь подавали имъ лучше или давали деньги, то сторожа прибирали это себѣ. Въ одномъ погребѣ сидѣли и мужчины и женщины; нѣкоторые въ такомъ мѣстѣ живали лѣтъ по десяти и свыкались съ своимъ положеніемъ.

Постоявъ нѣсколько минутъ между народомъ, Осипъ увидѣлъ, какъ воевода вышелъ въ праздничномъ платьѣ, весь пѣстрый съ ногъ до головы: сапоги зеленые, изъ-подъ полъ кафтана, выглядывали полосатые штаны, цвѣтовъ синяго, краснаго и желтаго, изъ матеріи называемой дорогами, кафтанъ яркаго краснаго цвѣта съ синими полосками около разрѣзовъ; около шеи былъ стоячій воротникъ, усаженный жемчугомъ; на головѣ желтый колпакъ съ жемчужными пуговицами. Въ рукѣ у него была большая трость съ набалдашникомъ. Когда онъ вышелъ, стрѣльцы побѣждали къ тюрьмѣ и вывели оттуда въ лохмотьяхъ мужчину лѣтъ около тридцати, съ черной бородою, хромавшаго отъ полученной въ ногу пули и съ слѣдами страданія пытокъ на лицѣ. Желѣзные кандалы у него были на рукахъ и на ногахъ. Его привели къ воеводѣ. Между тѣмъ явился священникъ.

— Хочешь исповѣдываться и причаститься? спросилъ воевода.

— Хочу! сказалъ твёрдымъ голосомъ преступникъ. Его повели въ приказную избу; за нимъ пошелъ священникъ.

Около воеводы собралось нѣсколько городовыхъ дѣтей боярскихъ. Осипу не слышно было что говорилъ имъ воевода, указывая иногда на городскія стѣны, но можно было догадываться, что дѣло идётъ о предостереженіяхъ по случаю ожидаемаго прихода воровскихъ людей. Священникъ вышелъ изъ избы скорѣе, чѣмъ можно было ожидать.

— Это такой беззаконникъ, сказалъ онъ, какого еще свѣтъ не видывалъ! Точно татаринъ некрещенный; въ Петровъ постъ мясо ѣлъ! Не хочу его исповѣдывать, не токма что причащать. Пусть идетъ во адъ, ко отцу своему сатанѣ, во огнь вѣчный!

— Ну, ведите его! туда и дорога! сказалъ воевода.

Священникъ удалился прочь. Преступника въ оковахъ повели прямо къ проѣздныхъ воротамъ, на посадъ; за нимъ шолъ палачъ съ веревкой въ рукахъ. Служилые для эффекта ударили въ тулумбасы и затрубили на трубахъ.

Идя вслѣдъ за шествіемъ, Осипъ очутился на посадскомъ рынкѣ. На площади стояли деревянные лавки рядами, такъ что образовывали между собою улицы. Каждый рядъ носилъ своё названіе, ибо въ каждомъ торговали своего рода товаромъ. Въ одномъ виднѣлись колеса, ободья, дуги, скамьи, ложки; въ другомъ топоры, пилы, лемешы, гвозди, крюки, чугуны,

жбаны и разнаго рода желѣзныя снасти; въ третьемъ сѣдла, узды, шлеи, хомуты; въ четвертомъ соль, крупа; въ пятомъ овёсъ, сѣно, отруби; въ шестомъ посуда и т. д. Ряды были невелики: лавки въ три и четыре. Между рядами стояли ночвы съ ягодами, скамьи съ мясомъ, сидѣли на голой землѣ молочницы съ кувшинами и мисами, гдѣ были творогъ и сметана. Дошедши до церкви, стоявшей посреди площади, всѣ остановились и стали креститься. То же повторилось черезъ нѣсколько саженьей снова, когда встрѣтили еще двѣ церкви, стоявшія одна возлѣ другой. Такимъ образомъ дошли до края посада: тамъ недалеко отъ надолбъ поставлена была висѣлица.

— Православные христіане! сказалъ преступникъ когда, снявъ кандалы, подвели его къ висѣлицѣ: дайте Христа ради чарочку винца выпить! Веселѣе и охотнѣе будетъ на тотъ свѣтъ идти, Христа ради, дайте! Въ горлѣ пересохло... промочишь, такъ веревка плотнѣе приляжетъ къ шеѣ!

Благочестивые люди съ омерзеніемъ услышали такія слова, но другимъ понравилась эта выходка. Сейчасъ побѣжали въ кабакъ, стоявшій неподалеку отъ висѣлицы.

Воевода не сталъ мѣшать. Преступникъ схватилъ судорожно чарку и закричалъ громко:

— Много лѣтъ здравствовать нашему батюшкѣ Степану Тимофѣевичу!

— Не давать! закричалъ воевода.

— Какъ бы не такъ! сказалъ преступникъ и залпоть выпилъ водку и бросилъ чарку.—Теперь вѣшайте меня! продолжалъ онъ и прибавилъ крѣпкое слово.—Придѣтъ, придѣтъ нашъ батюшка, рассчитается онъ за меня, вѣрнаго сына своего!

Палачъ не далъ ему говорить болѣе, и накинувъ петлю, встацилъ его на воздухъ, а противоположный конецъ верѣвки обмоталъ около столба.

— Ну, смотрите жъ вы у меня, сказалъ воевода обратившись къ народу: вотъ точно такъ пропадѣтъ собачей смертью всякій изъ васъ, кто станетъ ворами пріятствовать. Я знаю, межъ вами есть измѣнники, да я васъ скоро выведу, съ корнемъ выведу! слышите вы это! Кто-нибудь только подумай на измѣну, по глазамъ увижу и заплечному мастеру отдамъ!

Послѣ такого правоученія, воевода съ служилыми ушелъ въ городъ. Народъ сталъ расходиться. Осипъ, возвращаясь къ Мордвину, думалъ себѣ: что это за батюшка Степанъ Тимофѣевичъ?

Х.

Послѣ того съ недѣлю Осипъ, въ ожиданіи суда, проживалъ у Мордвина, расхаживалъ по городу и посаду, толковалъ съ дѣтьми боярскими, осматривалъ съ ними городовыя укрѣпленія, указывалъ на разные недостатки: во время своей службы онъ научил-

ся этому дѣлу изрядно. Однажды сдѣлался на посадѣ пожаръ; Осипъ бросился туда и вмѣстѣ съ другими помогаль разламывать стоявшія подлѣ горящихъ домовъ строенія. Пожаръ приписывали поджогу тайныхъ агентовъ Стеньки Разина, мстившихъ за казненнаго товарища. Въ самомъ дѣлѣ, едва потушили этотъ пожаръ, какъ на разсвѣтѣ вспыхнулъ другой. «Вѣрно, говорили тогда, нашлись между посадскими воры, что стали творить по наученію тѣхъ, что къ Вавилѣ приходили; говорили жъ они: поджигайте городъ! вотъ теперь и поджигаютъ.» Носились вѣсти, что въ другихъ городахъ тоже происходитъ. Приѣхавшіе изъ-подъ Пензы казаки говорили, что тамъ вооружается мордва и готовится идти на русскіе города; воры, подосланные мятежниками, ходятъ между язычниками и подущаютъ ихъ на христіанъ. Въ Саранскѣ только и рѣчи было о томъ, какъ поступать, когда явятся казаки, и многіе опасались, чтобъ не сбылось предреченіе казненнаго преступника. Всѣ принимало какой-то зловѣщій видъ; самые служилые начинали смотрѣть изподлобья. Низшій не такъ уже терпѣливо, какъ всегда, сносилъ грубость вышшаго, и осмѣливался показывать видъ неудовольствія, когда его били. Наконецъ въ воскресенье у кабака, за посадомъ, близъ того мѣста, гдѣ казнили преступника (котораго тѣло на третій день послѣ казни схоронили въ рогожкѣ, безъ гроба, въ буеракѣ, за надолбами), собралось много народу.

Тамъ стояла толпа скомороховъ; было ихъ чело-
вѣкъ до двадцати, они играли на волынкахъ, били
въ бубны и накры, другіе представляли передъ на-
родомъ дѣйства. Изъ раскинутаго шатра, который
они съ собой всегда возили, вышелъ наряженный
знатнымъ господиномъ скоморохъ въ высокой чер-
ной шапкѣ изъ дубовой коры, сѣлъ на колоду, под-
перся въ бока и уродливо надулся, оттопыривши
нижнюю губу; двое съ униженнымъ видомъ кланя-
лись ему въ ноги и подносили въ лукошкѣ кучу
щебня и песку, на которой лежалъ свѣртокъ изъ
лапушника: это напоминало челобитчиковъ, подно-
сящихъ воеводѣ поминки съ челобитною, свѣрнутою
по обычаю въ трубку.

— Выслушай, милостивецъ! говорили они жалоб-
но-смѣшнымъ тономъ, не побрезгуй нашимъ доб-
ромъ!

— Сидящій начиналъ ихъ бранить. Въ это вре-
мя выскакивали изъ ряда скомороховъ двое другихъ,
садились воеводѣ на плечи и кричали:

— Ой бояринъ, ой воевода! Любо тебѣ было
хорохориться да, поминки брать, да людей безвин-
ныхъ обижать! ну-ка, братъ, вези теперь насъ на
расправу надъ самимъ собой!

И они начинали его тузить и грозили утопить
въ водѣ. Потомъ двое одѣтыхъ въ лохмотья и обу-
тыхъ въ лапти тормозили и гоняли то въ ту, то
въ другую сторону прутьями толстяка съ огромнымъ
уродливымъ брюхомъ, а всѣ другіе хоромъ кричали:

Добрые люди! посмотрите, посмотрите, какъ холопы изъ господъ жиръ вытряхиваютъ!»! Потомъ являлся купецъ и начиналъ считать деньги, представляемая камешками, а другіе скоморохи тормошили его и загребали у него изъ-подъ рукъ деньги, приговаривая: «Давай, давай сюда! дѣлись съ нами. Побралъ съ народа за гнилой товаръ; теперь подѣлись-ка съ нами, съ голыдьбою!»!

Черному народу очень нравились такія представленія. Веселость толпы удвоилась, когда скоморохи выпивши по доброй чаркѣ вина, стали въ кругъ, и прихлопывая въ ладоши, кричали:

Ребятюшки! праздникъ, праздникъ!

У батюшки праздникъ, праздникъ!

На матушкѣ Волгѣ праздникъ!

Сходися, голыдьба, на праздникъ!

Готовьтесь, бояре, на праздникъ!

Эхъ вы, кушцы богатые, бояре тороватые! ставьте меды сладкіе, варите брагу пьяную, отворайте ворота растворчатые, принимайте гостей голыхъ, босыхъ, оборванныхъ, голь кабацкую, чернь мужицкую, неумытую!

Осипъ понялъ, что значать эти дѣйства и съ негодованіемъ обратился къ служилымъ, которые тутъ же глазѣли:

— Что вы это, дурни, зѣваете-то? что не скажете воеводѣ? Ихъ всѣхъ надобно поймать да въ тюрьму посадить: это воры!

Вдругъ разнеслось въ толпѣ: «воевода! воевода!» Въ самомъ дѣлѣ изъ города показался воевода верхомъ, въ сопровожденіи стрѣльцовъ. Скоморохи съ удивительной скоростью подобрали свои хари, которыя надѣвали на лицо, свернули свой шатеръ, убрали бубны и волынки и пустились въ разсыпную. Вся толпа побѣжала опрোметью во всѣ стороны. Воевода прискакалъ на мѣсто и не засталъ уже никого. Самъ Осипъ и другіе служилые отступили прочь подальше.

— Что здѣсь за дѣйства? кричалъ воевода на цѣловальника, стоявшаго непоколебимо у своего кабака:—тутъ воровскія дѣйства представляются! Гдѣ воры? ловить ихъ!

— Да кого ловить-то? сказалъ цѣловальникъ. Гдѣ ихъ ловить, коли они убѣжали напугавшись? Это всё свои честные люди, въ кабакъ царевъ погулять пришли; воровъ никакихъ не было!

— Какъ не было! кричалъ воевода:—гуляющіе бѣглецы люди, скоморохи!...

— И, батюшка, воевода-кормилецъ! говорилъ цѣловальникъ:—какіе это бѣглецы? чтожъ такое, что скоморохи?

— Да то, что у меня въ наказѣ написано такихъ ловить и хари у нихъ брать и на огнѣ жечь, да и тѣхъ, кто ихъ слушаетъ и на ихъ богопротивныя дѣйства смотреть, бить кнутомъ.

— Эхъ, бояринъ! на всяко чиханье не наздравствуешься! Ужъ будто всяко лыко въ строку? Что жъ за важность, что въ наказѣ написано? Коли намъ

**

ихъ гонять, такъ и въ царской казнѣ недоборъ будетъ; да у тебя жъ, кормилецъ, въ наказѣ написано, чтобъ головѣ кабацкому, что съ откупа взялъ кабажи въ Саранскѣ, на посадѣ ни во что не мѣшаться. Вѣстимо, ты воевода, такъ и власть у тебя есть; да вѣдь коли почнешь ихъ гонять, такъ весь народъ посадской осерчаетъ на тебя, да и у насъ пить не стануть. А воровскаго тутъ не было ничего.

Воевода повернулъ коня и уѣхалъ назадъ.

На другой день послѣ этого происшествія Осипа позвали къ воеводѣ.

Вошедши въ знакомую ему горницу, Осипъ засталъ тамъ воеводу, который сидѣлъ съ его отцомъ. Воевода не думалъ начинать слѣдствія по челобитной Осипа, но хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ ему перепало что либудь лишнее отъ обычнаго благодѣтеля его Капитона Михайловича. Съ этой цѣлью, оставивши Осипа въ недоумѣніи, онъ послалъ сына боярскаго Тюлюбаева извѣстить отца Осипова, что сынъ подалъ на него челобитную, рассказать въ чемъ ея содержаніе и пригласить отца въ Саранскъ для смиренія сына. Капитонъ Михайловичъ узнавши, что его семейныя тайны открыты воеводѣ, былъ поставленъ въ необходимость ѣхать въ Саранскъ не съ пустыми руками и повезъ воеводѣ значительную посулу. Иначе воевода, зная грѣхи за Капитономъ Михайловичемъ, могъ устроить такъ, что кто либо иной подалъ бы извѣтъ на Капитона Михай-

ловича въ томъ же дѣлѣ, и тогда онъ произвёлъ бы надъ нимъ слѣдствіе. Осипъ поклонился и сталъ въ углу.

— Подойди, подойди, Оська! сказалъ Капитонъ Михайловичъ: подойди сюда! Свидѣтельствуй ложная на роднаго отца... чтобъ тебя, заповѣди Божіи забывшаго, вороны заклевали! Подойди, не бось!

— И не боялся, и не боюсь, сказалъ Осипъ. Никогда не говорилъ я ложнаго, а за Божіи заповѣди умереть готовъ.

— Да; да, сказалъ воевода, и обращаясь къ Осипу, говорилъ съ спокойнымъ, улыбающимся лицомъ:

— Вотъ, друже мой, подаль ты челобитную на отца. А челобитныхъ отъ дѣтей на отцовъ принимать; не велѣно ты молодець въ Польшѣ съ Ляхами бился, свѣту повидаль, а царскаго уложения не знаешь. А ктому еще ты вымыслилъ за отцомъ своимъ убивственныя дѣла безлѣпо и напрасно. Я выдамъ тебя головою отцу твоему.

— Я ничего не хочу ему дѣлать, сказалъ Капитонъ:—только ты, воевода, дай ему наказанье при моихъ глазахъ, а болѣе ничего не надо.

— Мудрое дѣло вздумано, сказалъ воевода. А призови-ка, Гаврило, трѣхъ стрѣльцовъ сюда!

— Воевода! сказалъ Осипъ:—ты хочешь меня бить? Это не по закону. Я подамъ челобитную въ Москву, я до самаго царя дойду правды искать.

— Эй, горяча голова, горяча! Простудить надобно, говорилъ воевода. Ишь ты что— не смѣю я

тебя бить! Да знаешь ли ты, какое нынѣ время-то? Да, не токма́ что бить, я тебя повѣшу, коли захочу! Вотъ видишь, что у меня въ наказѣ-то написано: «...и чтобъ вамъ, воеводамъ, держать служилыхъ и всякихъ чиновъ людей въ страхѣ и послушаньи, а будетъ кто вамъ учинится силенъ, и вамъ бы, воеводамъ, тѣмъ людямъ чинить жестокое наказанье, безо-всякіе пощады, и смертію казнить, кто чего доведетца». Пусть только отецъ твой скажетъ слово — повѣшу, ему въ уроду, повѣшу!

— Богъ съ нимъ! сказалъ Капитонъ Михайловичъ, Богъ ему воздастъ.

— А что говоришь ты, что пойдешь ты къ царю, продолжалъ Осипу воевода, такъ ты бы пошелъ, кабы я тебя пустил; а то я не пущу, такъ ты и не пойдешь. Нечего, братъ Осипъ Капитонычъ, нечего!.. Помолись да ложись!

Вошли трое дюжихъ стрѣльцовъ и сняли съ Осипа кафтанъ и рубашку, потомъ повалили его на землю, и двое сѣли на него: одинъ на плечи, другой на ноги, а третій началъ хлестать его батогами. Осипъ ни произносилъ ни моленій, ни криковъ отчаянія, и только стоналъ отъ боли. Капитонъ съ радостью смотрѣлъ на истязанія непочтительнаго сына.

Послѣ сотни ударовъ, Осипа подняли. Кровь текла съ него...

— Ничего, ничего! говорилъ воевода:—у меня есть настоечка отмѣнная, сейчасъ заживетъ!.. Потрите-ка ему спину!

Онъ подалъ стрѣльцамъ стеклянку, и тѣ начали тереть Осипу настойкой избитыя мѣста.

— Дивная настойка! говорилъ воевода Капитону. — Это мнѣ знахарь далъ травы такой. Ты братъ Осипъ Капитонычъ, возьми себѣ и про запасъ: военный человѣкъ, не ровенъ часъ — Боже тебя сохрани! — въ ратномъ дѣлѣ всяко бываетъ: поранятъ, а вотъ тутъ она и есть! Ну, а все таки, Капитонъ Михайловичъ, я тебя попрошу за Осипа Капитоныча: ты будь къ нему милостивъ; молодой онъ человѣкъ, неразуменъ; теперь вотъ мы его поучили, онъ и будетъ знать! А всё вѣдь онъ твое порожденіе!

— Не надо мнѣ его! сказалъ Капитонъ Михайловичъ. — Хотя онъ и мое порожденіе, хоть у меня и другихъ дѣтей нѣтъ, я его не хочу и видѣть, не токма что къ себѣ братъ. Вѣчное ему проклятіе отъ меня! Пусть его орлы растерзаютъ, вороны расклюютъ; нищета сокрушитъ его, болѣзни истощатъ его; струпами пусть онъ покроется съ ногъ до головы, да у всѣхъ людей пребудетъ въ поношеніи и униженіи за то, что не устыдился сказать ложное на родителя своего. Отселѣ ты не мой сынъ! Не знай меня, и я тебя не знаю! Вотъ тебѣ моё послѣднее слово. И не ходи, и не показывайся ко мнѣ на глаза!

— Ну, кругъ же ты, Капитонъ Михайловичъ! сказалъ воевода.

Онъ мигнулъ глазомъ Осипу, подавая знакъ, которымъ какъ бы хотѣлъ сказать; не бойся, моло-

дець! это онъ только такъ, стгоряча, а то онъ утих-
нетъ; кое-какъ послѣ умилюстивимъ!

— Что жъ это ты его на мою шею оставляешь?
продолжалъ онъ обратившись снова къ Капитону.

— Пусть межъ дворами волочится! сказалъ Ка-
тонъ Михайловичъ: чтобъ ему никто куска не по-
далъ! А вотъ этого собачьяго сына, Первушку хо-
лопа, такъ вели связать, а я его отвезу въ Нехо-
рошево и тамъ ему задамъ!

— Да Первушку-то чтѣ! Холопу собакъ собачья
холопья и честь; ты вотъ сына-то пожалѣй! А,
Капитонъ Михайловичъ! пожалѣй сынка!

— И не говори! и слушать не хочу! сказалъ
Капитонъ.

— Ну, нечего дѣлать съ тобой. Образумь тебя
Богъ! Коли такъ, то я Осипа помѣщу у себя съ
служилыми людьми. Эхъ, молодець, молодець! мо-
лода, глупа твоя голова! Вишь ты чего надѣлалъ—
отцовское проклятіе на себя накликать... Кланяйся
батькѣ, авось упросимъ его! Ну, кланяйся въ ноги!

Осипъ молчалъ и гладѣлъ въ землю.

— О, да я вижу, и ты упрямъ — въ отца! Ну,
ступай! Тюлюбаевъ! ты помѣсти его въ избѣ съ Лу-
кошкою да съ Ярыгою.

Такъ кончился судъ воеводы. Осипа помѣстили
въ избѣ съ двумя стрѣльцами Лукошкою да Ярыгою.
Туда перенесли его бѣльѣ и оружіе; коня отецъ взялъ
съ собой. Первушки своего Осипъ уже не увидалъ.

Пролежавши три дня въ мукахъ, на четвёртый онъ услышалъ вдругъ на дворѣ смятеніе.

— Чтò тамъ такое? спросилъ онъ у Лукошка, вошедшаго въ то время въ избу.

— Чтò! сказалъ Лукошко: бѣда складывается! Воры къ Атемару подступили, прибѣжалъ гонецъ оттуда...

Осипъ ничего не сказалъ. На другой день, утромъ рано, какъ только отворились городскія ворота, онъ взялъ свою саблю, ружьё и вышелъ изъ города, прошелъ посадъ, и пробравшись черезъ надолбы, очутился въ полѣ. Никто не видалъ, не кинулся за нимъ. Сѣвши на дорогѣ, безмысленно смотрѣлъ онъ на востокъ, гдѣ выходило солнце, потомъ съ судорожнымъ движеніемъ досталъ кошелёкъ, пересчиталъ въ немъ деньги, привезенныя изъ похода, положилъ кошелёкъ снова, зарядилъ ружьё, повѣсилъ черезъ плечо и побѣжалъ скорымъ шагомъ по направленію къ Атемару.

Но вскорѣ онъ услышалъ за собой конскій топотъ, и обернувшись, увидѣлъ двухъ саранскихъ служилыхъ, которые насакали на него. Догадавшись, что это погоня, Осипъ остановился, и взявъ ружьё на перевѣсъ, ожидалъ.

Всадники доѣхали.

— Куда ты это, дворянинъ, загулялся такъ рано? Воротись назадъ, а то дороги чай не знаешь. Поддай-ка намъ ружьё сюда!

Осипъ, не отвѣчая ни слова, схватилъ въ лѣвую

руку ружьё, а правую мгновенно вытащилъ саблю, и ударивъ со всего размаху сѣдока, перерубилъ его пополамъ. Испуганный конь понёсъ половину его разрубленнаго тѣла назадъ. Вслѣдъ за тѣмъ бросивъ саблю, Осипъ схватилъ ружьё и выстрѣливъ изъ него, попалъ въ лобъ другому всаднику и схватился за его лошадь. Освободивъ её отъ трупа, молодецъ сѣлъ на неё самъ и погналъ во всю прыть въ Атемаръ.

Когда Осипъ приблизился къ Атемару, то увидалъ, что ворота отворены и толпа народа снуётъ взадъ и впередъ. Издали завидѣль онъ красные казацкіе кафтаны, и догадался, что Атемаръ въ рукахъ мятежниковъ. Подъѣхавши къ воротамъ, онъ былъ остановленъ казаками.

— Служить батюшкѣ Степану Тимофѣевичу ѣду! сказала Осипъ.

— Милости просимъ! Нашего полку прибыло! закричали казаки, и Осипъ въѣхалъ въ городъ. Конь его весь былъ въ мылѣ и чуть держался на ногахъ.

— Ого! говорили стоявшіе: видно прытко бѣжалъ, что конь-то чуть на ногахъ стоитъ. Гляди, падётъ!

— Отъ погони удиралъ! сказала Осипъ. Ведите меня къ атаману!

XI.

На площади, подлѣ церкви у обгорѣвшаго воеводскаго двора лежалъ трупъ дворянина, управлявшаго

Атемаромъ, а съ нимъ лежало четыре подъячихъ. Тамъ и сямъ валялись разбитыя винныя бочки и боченки. Рослый человѣкъ лѣтъ сорока пяти отъ роду сидѣлъ на бревнѣ съ человѣкомъ въ кунтушѣ казацкаго малороссійскаго покроя, который отличался отъ великорусскаго прорѣзными рукавами и отсутствіемъ золотого шитья. Его ужасающей ширины шаравары, казалось, сдѣланы были для того, чтобъ заметать за нимъ слѣдъ. Голова его была выбрита и огромный оселедецъ, спадая съ макушки, заложенъ былъ за ухо. Усы у него были густые и длинные, черные съ просѣдью. Его смуглое лицо и большіе выдавшіеся впередъ черные глаза показывали не менѣе одежды, что онъ былъ гость между другими.

— Паны-атаманы! закричалъ казакъ, проведеншій Осипа:—пришелъ молодецъ изъ Саранска, хочетъ батюшкѣ служить.

— Молодецъ! сказалъ пьянымъ голосомъ сидѣвщій возлѣ запорожца, называемый атаманомъ. — Молодецъ-то онъ молодецъ, да кто онъ таковъ, этотъ молодецъ: дворянинъ что ли онъ?

— Дворянинъ, сказалъ Осипъ.

— А коли онъ дворянинъ, да еще служивый, такъ повѣсить его!

— Постій, сказалъ запорожецъ, негодитьця?

И вставши и приглядѣвшись, запорожецъ вдругъ съ удивленіемъ отскочилъ и закричалъ:

— Та се знакомый, ей Богу знакомый? Эй, чоловіче! ти, здаетьця, Осипъ Нехорошенко!

— Круча! воскликнулъ Осипъ.

— Та я жъ, я жъ! Круча я! Э, братику рідный! Отъ друзяка! Отъ праведно говорють: гора зъ горою не зійдеться, а чоловікъ зъ чоловікомъ зійдеться!

— Какъ ты это здѣсь? спросилъ Осипъ.

— Э, якъ я тутъ!.. Ты сюда якъ запопавъ? Що? мабуть добрий ківшъ лиха хвативъ, коли до насъ притуливсь? Авжежъ хто до насъ прійде, той закевне меду не пивъ! Брате Михайло!—сказалъ онъ, обратясь къ товарищу:—се мій давній, давній приятель! Якъ король польскій на Украину приходивъ, такъ ми вкупі у Глухові сиділи въ осаді: згадаешъ, Осипе?

— Какъ не згадать! Тогда мы вмѣстѣ бѣлому царю служили.

— А опісля, продолжалъ Круча,—якъ на Украині воеводъ побито, у Переяславі я его оборонивъ, не давъ нашимъ братчикамъ на поругу, и до Січі отправивъ. Вінъ тамъ зъ Запорожцями и на море ходивъ, Турківъ скубти. Гарний молодець! Ну, якъ же ты отсе до насъ придибавъ? Що тебе занесло?

Осипъ рассказалъ свою исторію.

— Отъ бачъ,—сказалъ Круча:—я жъ казавъ, шчо таки добрый ковшъ лиха выпивъ! Що жъ ты зъ своимъ батькомъ маешъ робити?

— Убью его! сказалъ Осипъ.

— Отъ такъ молодець! Отъ золото! Та якъ бы нашъ батюшка Степанъ Тимохвіевичъ таке почувъ,

такъ вінъ бы зъ радошчи не знавъ, шчо зъ тобою и робить, де тебе й посадить! Батька убье!... Ну, якъ зъ батькомъ справисься, тоді што? Тоді насъ покинешь, а?

Эти слова смутили Осипа. Въ первый разъ ему представился вопросъ: что ему дѣлать тогда, когда онъ достигнетъ своей цѣли и отмститъ за мать?

— Тогда... тогда, сказалъ онъ, съ вашей дороги нѣтъ назадъ поворота!

— Слухай, братіку! сказалъ запорожець:—я зъ тобою говоритиму такъ, якъ игумень зъ тимъ, хто у ченці посвящається. Теперь лихо тебе пригнало до насъ, такъ ти у нашъ монастырь и прибігъ спастись. Ти у козацькій земли бувавъ, знаешь звичаи наши; а знаешь ти, шчо то есть козацство? Повиненъ знать, а може забувъ, такъ я тобі нагадаю: козацство есть сама правда, така правда, шчо кривду карае, силнихъ зносить, потоптаны підносіть, упартихъ всіхъ рівняе. Великіи грѣхи стались межъ людьми; такъ отже за те йде на ихъ батюшка Степанъ Тимохвѣевичъ. Ми не крови людскої хочемо, а тихъ віроломцевъ караемо, шчо кровь чужую пьють, худобу чужу забирають и чужу працю на свою користь обертають! Хто до насъ приставъ, той мусить козакъ бути. Козакъ есть то вілний чоловікъ, пана не знае, самъ собі панъ, и всякъ ёму братъ, хто брата не скубе: втямивъ еси? Коли втямивъ, то йди до насъ; а коли не тее, такъ иди одъ насъ: ми нікого не силуемо. Я тебе нзаю

*

здавна: ты рубаться мастакъ, и стріляешь такъ, шчо въ оріхъ улечишь. Одначе ты дворянинъ; теперь, коли ты до насъ прійшовъ, попрощайся зъ своимъ дворянствомъ: у насъ будь ти хочь дворянинъ, хочь мордвинъ, хочь синъ боярскии, хочь собачій синъ — усімъ однакова честь! Козакъ тай годі! Присягайся бути козакомъ!

— Присягаю быть козакомъ! сказалъ Осипъ.

— Тагъ памьтуй свою присягу. Ну почолома-емся, знакомий, пріятелю, друже!

Они поцѣловались.

— Кто жъ изъ васъ атаманъ? спросилъ Осипъ.

— Въ Атемарі атаманъ панъ Михайло, сказалъ запорожець, указывая на пьянаго товарища.

— А ты что жъ тутъ?

— Я одъ батюшки посланий отаманівъ творить: вого громада наставить, порядку та звичаю козацькому научать; я козакъ тай годі, рівный усімъ, братъ усімъ. У насъ ніхто не задірай голови, а то якъ разъпригнуть отъ такъ!

Съ этими словами онъ спибу съ Михайла шапку; тотъ улыбнувся и надѣлъ её снова на бекрень.

— Ну, сказалъ Круча: житіе наше, якъ маковъ цвітъ, скоро одцвітае. Чи не выпить намъ, бо сказано: шчо зіпьемо и зымо, те й наше! Ну лишь меду! Випьемо на радощахъ, шчо такого славного та голінного лицаря до себе прійняли.

— Нѣтъ мѣду! кричали казаки: всё выпито!

— Отъ халепа! сказалъ Круча. Хиба до Сарань-

ска оставимо. Ну, а горілка е? Давайте хочь горілки!

Какой-то сѣрякъ принёсъ джбанъ съ водкой.

— Ото! продолжалъ запорожець: тілки й ё, шчо прокляте се вино московське! Э, се не те, шчо наша украинська горілка!

Онъ выпилъ стопу и продолжалъ:

— Нехай нашъ новий товаришчъ здоровий буде! Выпий же, брате!

Осипъ налилъ, и, выпивая, провозгласилъ:

— Чаша войска казацкаго!

Потомъ Круча налилъ снова стопу и поднёсъ Михайлу. Тотъ поцѣловался съ Осипомъ, и, поднявши вверхъ стопу, говорилъ:

— Я Мишка Харитоновъ, былъ когда-то холопъ князя Черкаскаго, да не захотѣлъ въ холопствѣ жить: показалось мнѣ лучше въ вольномъ козацствѣ, обворовалъ своего государя да ушелъ на тихій Донъ и сталъ казакомъ. Теперь иду казачество вводитъ на Руси, правду устанавливать. Гой еси добрый молодець, дворянскій сынокъ! Поцѣлуйся, побратайся со мной, съ холопишкомъ Мишкой! Мы теперь съ вашимъ братомъ дворяниномъ въ равности стали. Будь здоровъ на многія лѣта!

Осипъ поцѣловался съ пьянымъ Мишкой не безъ отвращенія.

Ну, исчо жъ робитьця въ Саранську? спрашивалъ Круча.

Осипъ рассказывалъ что зналъ.

— Такъ! сказалъ Круча.—Пошлемо ми служилыхъ такихъ шчо въ Атемарі були. Нехай вони йдуть, въ Саранскъ и скажутъ, шчо одъ насъ утекли. А ну, пане Михайло, кажи имъ по-московськи.

Онъ рассказалъ ему, и Михайло говорилъ казакамъ:

— Служилые пойдутъ въ Саранскъ и скажутъ, что отъ насъ убѣжали и что мы повернули на Пензу; и вотъ саранскій воевода понадѣется на то, а они тѣмъ временемъ зажгутъ городъ, а мы пойдёмъ отсюда и повернёмъ на Саранскъ ночью, такъ чтобы намъ въ ту пору на городъ наскочить, какъ они пожаръ тамъ учинять. Начнётся сѹматоха, ратные на пожаръ кинутся, а мы на нихъ тутъ и нагрянемъ.

Атемарскіе служилые, передавшіеся мятежникамъ, увѣряли, что въ Саранскѣ служилые недовольны воеводою, а посадскіе и подавно на него злятся и не стануть противиться.

— Сегодня вторникъ, говорилъ Михайло:—въ пятницу передъ свѣтомъ мы подойдемъ къ Саранску.

Тогда отобрали троихъ молодецвъ, которые взяли пробратся въ Саранскъ и зажечь городъ, когда будетъ нужно.

Послѣ того Осипъ увидѣлъ толпу мужиковъ, одѣтыхъ въ бѣлые шерстяные кафтаны съ красными оторочками, въ лаптяхъ съ разноцвѣтными верёвками на голыхъ икрахъ. За плечами у нихъ были колчаны и луки, иные держали въ рукахъ двузубья

рогатины. Михайло подозвалъ одного изъ слу-
лыхъ и сказалъ ему:

— Ну, мордвинъ, расскажи имъ по своему, гово-
ри имъ, чтобъ они всё стояли за батюшку Степана
Тимофѣевича и за царевича Алексѣя Алексѣевича;
что теперъ во всёмъ свѣтѣ иной рядъ будетъ, не
такъ какъ доселѣва было: дастся имъ всякая льго-
та, не стануть ихъ въ христіанскую вѣру перевёр-
тывать; ни дѣти боярскіе никакіе, ни служилые не
стануть къ нимъ ѣздить, и будутъ жить они у себя
по своему закону, и керемети ихъ никто не по-
смѣетъ разорять, свои князи у нихъ будутъ — кого
захотятъ, того и поставятъ; и дѣтей у нихъ не ве-
лятъ хватать; и дастъ имъ батюшка Степанъ Тимо-
фѣевичъ всю ихнюю землю въ ихъ полную волость.
Только теперъ пускай постоятъ за него и за царе-
вича Алексѣя Алексѣевича.

Когда Мордвинъ служилый перевёлъ эти рѣчи
своимъ соплеменникамъ, тѣ начали на своёмъ язы-
кѣ что то говорить по лицамъ ихъ видно было, что
они стали очень довольны и воодушевлялись отва-
гою постоятъ за свои керемети.

Собраніе послѣ того стало расходиться, и Кру-
ча взявши Осипа подъ руку, повёлъ его къ одному
двору и вывелъ изъ него отличнаго коня.

— Возьми, братику! говорилъ онъ: отъ тоби коня
даю. Ухъ! гарний кінъ! Се якъ дуванили воеводи-
ни животи, такъ міні сей кінъ достався. Нехай тому
воеводі земля перомъ, шчо такого славнаго коня

придбавъ. Озьми и їзди на ему, бо міні его не треба, у мене ё на чїмъ їздити; да й то правда, брате, шчо міні ничого тутъ не треба, чи буде шчо зъ нашого умыслу, чи ничого не буде, а міні одинакова дорога: коли не вбють, то я шїйду въ свое Запорожьє и знову воеватиму зъ Туркомъ або зъ Ляхомъ, и коли старый стану, не здужаю, такъ піду до Межигорьского Спаса, або у Печерьське у ченці, бо я смолоду щче обїшчався. Отъ, братїну, я питавъ, шчѠ робитимешъ, якъ батька убьёшь: ти міне и одвітити не зъумівъ, бой самъ добре не знаешъ, шчѠ зъ собой зробить; а я тобі скажу шчѠ: утечемо зъ тобою въ Запорожьє, и коли не убють насъ на полі ни на морі, та доживемо до того, шчо старими станемо, такъ у ченці підемо!

ХІІ.

Между тѣмъ въ Саранскѣ воевода успѣлъ озлобить противъ себя посадскихъ. Онъ собственноручно избилъ плетью по лицу посадскую женку за то, что она на рынкѣ рассказывала, какъ знахарка толковала народу, что явилась на небеси звѣзда простому народу къ добру, а боярамъ къ худу; а одинъ изъ служилыхъ, любимецъ воеводы, говорилъ на посадѣ: «Вы, посадскіе, будьте ниже травы, тише воды, хоть видите, да не смотрите, а то такъ плюнуть въ глаза, что и не протрѣте!» — «Добро! от-

вѣчалъ одинъ смѣлый посадскій: а какъ у насъ глаза протрутся прежде, чѣмъ вы на нихъ плюнете?» За эту дерзкую рѣчь воевода, которому всё пересказалъ затинщикъ, приказалъ посадскому всадить въ ротъ палочку стоймя и завязавъ руки, посадить въ тюрьму. Каждый день воевода ѣздилъ по посаду, и встрѣчнаго и поперечнаго бранилъ измѣнникомъ. Послѣ всего этого посадскіе очень были нерасположены къ воеводѣ.

Въ такомъ положеніи было настроеніе умовъ въ Саранскѣ. Трое бывшихъ служилыхъ явились туда и рассказывали воеводѣ небылицы, увѣряя, что воровъ челоуѣкъ сто, не болѣе, что между ними пошла поголовка, будто саранскій воевода хочетъ идти на нихъ въ Атемарь, и что они поспѣшили поскорѣе убраться и направились на Пензу; потому что тамъ между служилыми людьми измѣна и ихъ зазывали туда, обѣщаясь сдать городъ; въ заключеніе рассказывали служилые, что самихъ ихъ воры приневолили идти съ собой, но они убѣжали и явились къ воеводѣ рассказать всю правду. Всё это говорено было такъ естественно, такъ непринужденно, что воевода совершенно повѣрилъ имъ и собралъ въ домъ свой на совѣтъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые съѣхались изъ помѣстій въ Саранскомъ уѣздѣ, услыша объ опасности. Служилыхъ призвали и заставили повторить свой рассказъ передъ всѣми.

Одинъ изъ храбрецовъ дворянинъ предлагалъ от-

правиться за ворами въ погоню. Другіе представляли, что это не совсѣмъ будетъ благоразумно. Воевода прибавлялъ, что если служилые всѣ почти выйдутъ изъ города, то посадскіе могутъ пакостей надѣлать.

— Надобно подумать, замѣтилъ одинъ изъ дворянъ:—о нашихъ братьяхъ помѣщикахъ, а паче о женахъ ихъ и дѣтяхъ. Насъ сотня, да и тѣ врозь живутъ, а наипаче то, что сами хозяева на царской службѣ, а жены съ дѣтишками однѣ остались: Надобно скликать ихъ заранѣе въ осаду.

— Ну, я не думаю, чтобъ это вышло хорошо,— сказалъ воевода. Пока еще бѣды не случилось, а мы станемъ её на себя накливать. Пока въ помѣстьѣ либо вотчинѣ самъ государь, воровскіе прелестники всё-таки побоятся расхаживать; а какъ государи уйдутъ, тутъ своя воля — и всякая сволочь пойдѣтъ по селамъ подговаривать народъ на дурно.

— Нѣтъ, воевода, возразили ему: коли каждый будетъ сидѣть у себя въ помѣстьѣ, да своё добро оберегать, такъ и своего не убережетъ, и чужому не пособитъ. А пусть лучше воевода разошлѣтъ бирючей собирать помѣщиковъ въ осаду на дальній случай, а теперъ же пошлѣтъ погони за ворами: коли съ Божіей помощью сами ихъ побьютъ, тогда такой страхъ найдѣтъ на мужиковъ, что никто не посмѣетъ ничего дурнаго дѣлать, скажутъ: «нѣтъ, плохо! ворами удачи нѣтъ, надобно и намъ сидѣть

тихо! А коли новые воры появятся, такъ у насъ помѣщики будутъ!» — въ городѣ-то и людно, и безопасно, и вылазки чинить можно. А тѣмъ временемъ посылай, воевода, отписки въ Инсару и Керенскъ и въ Алатырь со станицами, что воры проявились и городъ Атемаръ взяли, да убоявшись къ Пензѣ пошли, и чтобъ всѣ собирали помѣщиковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ идти на воровъ, коли опять придутъ.

— Всѣ это хорошо рассказываешь ты, государь, говорилъ воевода, да нельзя оставить теперь городъ безъ обороны: ну хорошо, коли Богъ пособитъ, да побѣмъ мы воровъ; а коли только что наши выйдутъ, а другіе воры нападутъ съ иной стороны?

— Какъ другіе? возражали ему.— Другихъ говорить тебѣ нѣтъ. Да что жъ, коли рати бояться, такъ уже это послѣднее дѣло! Да послѣ этого съ веретенами за печкой сидѣть что-ли? Подумай, воевода, вѣдь князю Долгорукому не полюбится, что Атемаръ отдали; а царю государю напишетъ, гляди, какъ бы за то недосталось! Скажутъ на Москвѣ какъ же это они тамъ сидѣли, и у нихъ подъ носомъ городъ взяли, а они и на бой не выходили! А будетъ мы ихъ побѣмъ, такъ хоть и Атемаръ взять, и въ томъ намъ вины не будетъ.

Съ этой стороны убѣжденіе подѣйствовало на воеводу. «А и впрямь, подумалъ онъ: а что скажутъ на Москвѣ?» И онъ молчалъ, повѣся голову... и всѣ молчали, на него глядя.

— Такъ вы знаете, сказалъ наконецъ воевода, обратившись къ прибывшимъ изъ Атемара стрѣльцамъ:—навѣрное знаете, что воровъ человѣкъ сто, не больше?

Тѣ клялись, призывая кару Божию на своё потомство.

— Ино быть по твоему! сказалъ воевода къ тому изъ дворянъ, кто настаивалъ больше всѣхъ посылать погоню:—твоя рѣчь къ дѣлу.

И такъ воевода согласился отправить погоню за ворами, которые, по словамъ атемарскихъ стрѣльцовъ, ушли изъ Атемара къ Пензѣ, а сзывать дворянъ и дѣтей боярскихъ съ ихъ семьями въ осаду не велѣлъ, чтобъ оставить за своею головою хоть какое-нибудь распоряженіе.

Воевода отобралъ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ служилыхъ и стрѣльцовъ, да прибавилъ къ нимъ человѣкъ сорокъ пушкарей, и выстроивши ихъ на своёмъ дворѣ, проговорилъ имъ наставленіе, что имъ дѣлать и какъ отличиться на царской службѣ. «Какъ же имъ не одолѣть воровъ, когда ихъ почти триста, а тѣхъ только сто?» думалъ воевода. Но тутъ вышла помѣха: у стрѣльцовъ лошадей не было. Воевода велѣлъ имъ забрать лошадей у посадскихъ, у кого изъ нихъ только найдѣтся. И стрѣльцы разсѣялись по всему посаду по дворамъ. Иной, вбѣжавши во дворъ, не только саморучно выводилъ изъ конюшни лошадь, но требовалъ еще и сѣдла, да въ прибавку кричалъ, чтобъ ему дали сѣстнаго

на дорогу. «Я слуга царскій! покрикиваль служилый: вась, дураковъ, иду охранять!» И хозяйка собирала ему въ мѣшки всё что находила у себя въ клѣти.

— У меня однимъ-одна лошаденка, говорилъ другому посадскій:—вороти, родимый, коли Богъ принесётъ здороваго!

— Эка дурачина! отвѣчалъ ему стрѣлецъ: чего просить! Убьютъ мѣня, всё равно лошадь—не воротится! За что жъ я тебѣ стану её отдавать, коли живъ вернусь и её живую приведу? То мое счастье, не твое. Нѣтъ, братъ, попрощайся да поцѣлуйся съ ней. Хоть и вернусь, такъ не отдамъ её: продамъ, и деньги пропью!

Были и такіе, что требовали, сверхъ съѣстнаго, еще и денегъ, и когда хозяинъ заупрямился и божился, что нѣтъ, то стрѣлецъ отбиваль замокъ отъ скрини или разрубливаль крышку и бралъ оттуда что ему нужно.

Такъ обходились въ этотъ день служилые съ посадскими, и посадскіе отъ злости плакали, зубами скрежетали, судорожно кулаки сжимали, а прямо не смѣли ничего вымолвить.

Передъ солнечнымъ закатомъ воевода отправилъ погоню и далъ отряду три пушки, которыя повезли вслѣдъ за нимъ на колесахъ. Провожая ихъ съ отеческимъ вниманіемъ, воевода стоялъ на башнѣ и глядѣлъ имъ вслѣдъ, пока они не скрылись изъ вида, а потомъ снялъ шапку, перекрестился и сва-

заль: «Спаси, Боже, люди твоя и благослови достояніе твое!»

— Теперь, прибавилъ онъ, обратясь къ стоявшимъ возлѣ него дѣтямъ боярскимъ:—намъ слѣдуетъ обойти весь городъ, да осмотрѣть всяческое утвержденіе.

И воевода съ оставшимися отправился кругомъ стѣны изъ наугольной башни, на которой стоялъ, провожая глазами отправленныхъ въ погоню. Кругомъ, по извилистымъ отрогамъ городской стѣны, отъ башни до башни тянулись деревянные мосты, поддерживаемые толстыми столбами, которые упирались въ низшіе мосты, а отъ нихъ въ землю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ брѣвна, изъ которыхъ они были сложены, прогнули и образовали щели; въ другихъ подгнили колки, которыми приколочены были ихъ оконечности къ оконечностямъ брѣвенъ слѣдующихъ за ними въ длину, такъ что когда ступали по нимъ, то они поднимались вверхъ и угрожали стать вертикально. Тамъ и сямъ черное ихъ однообразіе нарушалось мхомъ и травой. Воевода обращался съ замѣчаніями о такой неисправности къ служилымъ и сопровождалъ свои замѣчанія крупной бранью, а тѣ отвѣчали, что объ этомъ они уже много разъ докладывали, послѣ чего воевода жаловался на разрядъ, куда онъ писалъ уже не одинъ разъ, да ему не разрѣшили починять города и высылать людей на городовое дѣло. Вдоль мостовъ, по которымъ совершалъ свое начальническое шествіе воевода,

торчали пищали въ нѣкоторыхъ оконцахъ, и подлѣ нихъ лежали кучи ядеръ. Дошедши до другой высокой башни, воевода по узкой лѣстницѣ взшелъ на верхнюю площадку подѣ пирамидальной крышей; тамъ стояли обращенныя на три стороны три пищали. Воевода осмотрѣлъ ихъ дула, приглянулъ къ лежавшей на полу кучѣ кирпичей, припасенныхъ для того, чтобъ въ случаѣ осады метать ими на неприятеля; заглянулъ въ маленькій чуланчикъ, пристроенный къ площадкѣ для того, чтобы пушкарямъ можно было укрыться отъ дождя и снѣгу, и сдѣлавши два шага внизъ, пошелъ по крышѣ городской стѣны, гдѣ, при соединеніи двухъ кровельныхъ половъ, была сдѣлана аршина въ два шириною колея, по которой можно было ходить, такъ же какъ и по мосту. Воевода, прошедши нѣсколько по такому пути, долженъ былъ перешагивать черезъ большіе коты или толстые колеса безъ спиць, которые скатывались на осаждающихъ. Дошедши опять до высокой башни, онъ снова осмотрѣлъ на площадкѣ пищали, по лѣстницѣ сошелъ внизъ, прошелъ нѣсколько сажений по мосту, и потомъ отправился по низшему мосту, едва поднятому отъ земли: тутъ отверстія вдоль моста по стѣнѣ были шире, и пушки, называемыя тюфяками. Многія только недавно были разставлены по мѣстамъ; прежде того лежали въ пушечномъ амбарѣ. Вездѣ неусыпное попеченіе воеводы назначало мѣста для пушкарей и затинщиковъ. При этомъ воевода счелъ нужнымъ

говорить въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ отводилъ посты, нѣкое примолвленіе, то есть доброе слово.

Такъ окончивъ осмотръ стѣнъ, воевода прибылъ въ свой дворъ. Проходя черезъ ту комнату, гдѣ сѣлъ Осипа, воевода невольно вздрогнулъ: онъ уже зналъ о смерти двухъ служилыхъ и былъ увѣренъ, что доведенный до отчаянія Осипъ убѣждалъ къ вора́мъ. Совѣсть воеводы въ отношеніи его была покойна: онъ сдѣлалъ дѣло хорошее—наказалъ непочтительнаго сына, и притомъ по волѣ отца, при самомъ родительѣ; въ невинности Капитона Михайловича онъ не сомнѣвался, но тайное предчувствіе говорило ему, что этотъ молчаливый, затаенный юноша не проститъ ему своего поруганія. Отправившись въ другую комнату, воевода сѣлъ, придвинулъ огромную мѣдную чернильницу, вынулъ изъ ящика бумагу, держа её на колѣнѣ, а не на столѣ, началъ писать на ней, поднимая безпрестанно глаза кверху, какъ-будто что-то припоминая. Онъ писалъ распредѣленіе служилыхъ, гдѣ кому назначалось быть. Собственно это была должность дьяка; но сегодня загорѣлась въ нёмъ сильная дѣятельность: ему хотѣлось что-нибудь сдѣлать самому. Окончивъ дѣло своё воевода положилъ бумагу и отправился въ сѣни, а оттуда въ другую половину своей воеводской избы, гдѣ жила его семья, состоявшая всего на все изъ жены и шестнадцатилѣтней дочери.

Воевода былъ человѣкъ не суровый, никогда не

дулся на жену и обращался вообще съ семьёю ласково, и только иногда расхаживался и подымался кутерьму, при чемъ не обходилось и безъ побоевъ, за которые жена недолго на него сердилась. Вообще воевода нашъ былъ человѣкъ не злой, хоть и принадлежалъ къ такимъ повседневымъ характерамъ, которые рѣдко могутъ сказать поутру, что они намѣрены дѣлать вечеромъ. Онъ могъ оказать кому-нибудь благодѣяніе, могъ кого-нибудь и оскорбить, и не ряскаивался въ этомъ послѣ. Онъ легко запечаливался, легко развеселялся, любилъ пошутить, иногда покутить; впрочемъ, по своему воеводскому положенію, въ послѣднемъ случаѣ всегда оставался въ выигрышѣ. Давалъ ли онъ пирь—го-сти его, подначальные или во всякомъ случаѣ отъ него зависѣвшіе, будь это дворяне и дѣти боярскіе, будь это посадскіе, всегда давали ему дары, поѣвши и попивши у него; приглашали ли его на пирь—и тутъ его дарили, по общему обычаю: въ первомъ случаѣ надобно быть признательнымъ за почетъ пировать у воеводы, а во второмъ за почетъ къ себѣ принимать воеводу. Иногда и дома, въ кругу своей маленькой семьи, разгуливался воевода, выпивалъ зелена вина, пива пьянаго, мѣду сладкаго, и заставлялъ выкидывать передъ собой разныя затѣи дурачка, ходившаго по Саранску и кормившагося на счетъ людскаго смѣху, либо приказывалъ рассказывать себѣ сказки старой жениной нянѣ, которую всюду съ собой возила жена его. Какъ съ

**

радости, такъ и съ тоски воевода всегда прибѣгалъ къ зеленому вину. Теперь его охватила такая тоска, что онъ готовъ былъ уйти отъ нея хоть подъ лёдъ.

Женина половина состояла всего изъ двухъ покоевъ: просторной свѣтлицы съ тремя окнами и комнаты съ однимъ окномъ; въ послѣдней стояла кровать; позади были обширныя сѣни; назначенныя для прислуги: тамъ и спали и обѣдали сѣнныя дѣвушки и молодыя служанки. Дочь спала въ свѣтлицѣ. Когда воевода вошелъ, жена передъ двумя свѣчами вышивала шелками колпакъ мужу; дочь разматывала матери клубочки; противъ нея сидѣла служанка и шила.

— Вѣрушка! сказалъ воевода:—давай-ка выпьемъ мы съ тобой, тоску-горе размыкаемъ!

Вѣрушка вынула изъ шкафа сулею и налила ему водки въ серебряную чарку. Выпивъ, воевода налилъ и подаль женѣ.

— Пей, женушка! пей, голубушка!

— Чтò сегодня за праздникъ? сказала жена.

— Эхъ, Вѣрушка! не праздникъ, а воры меня сокрушили. Пей, матушка!

— Ахъ ты балагуръ! сказала жена и выпила.

— Вотъ такъ, моя разлапушка, моя сожительница, Богомъ данная, моя голубушка сизогрылая!

И воевода поцѣловалъ её въ губки.

— Ну, теперь я еще хвачу, продолжалъ онъ. Ударимъ о землю головой тоску-привередницу!.. А сердце мнѣ, право слово, не добро вѣщаетъ.

— Пошли-ка за ворожейёй Оеулушей, сказала жена: она ухъ какъ отгадываетъ! Всю правду скажетъ и пособить. Прикисчится ли въ домѣ бѣда какова: только въ воду посмотреть, и сей-часъ скажетъ. Хошь, я позову её?

— А, женушка, грѣхъ! Богу молиться надо да терпѣть, коли Богъ искушаетъ. О, Господи! не введи насъ во искушеніе! Ну, а ужинать будемъ? Чтò у тебя припасено, всё давай! Поужинаемъ сегодня вмѣстѣ, а то за дѣлами мнѣ и съ семьёй-то нѣкогда хлѣба-соли съѣсть.

Онъ сѣлъ; жена пошла готовить ужинъ. Воевода подозвалъ къ себѣ дочь, погладилъ ея свѣтлорусыя шелковыя кудри, поцѣловалъ въ голубыя глазки, и потомъ загрустилъ...

— Боже нашъ, Боже нашъ! Чтò-то моей дочкѣ, моей милой Настюшкѣ, на свѣтѣ какую судьбу Богъ судилъ!

Между тѣмъ служанка разставила на столѣ три оловянные мисы и положила въ нихъ три деревянные ложки вруглаго вида съ точеными рукоятками. Хозяйка поставила деревянную солоницу съ подъёмной крышкою, перечницу, нарѣзала большими ломтями ржаного хлѣба; служанка принесла большой горшокъ щей и налила въ мисы. Помолившись Богу, принялись всѣ за щи, потомъ подали кашу, а потомъ принесли на блюдѣ изрѣзанную на куски баранину, пропитанную запахомъ чеснока. Ъли руками. По окончаніи трапезы принесли въ мѣдной

ендовѣ мѣду; хозяйка вынула изъ шкафа большую серебряную стопу съ разложистыми краями и съ выпуклыми изображеніями звѣрей и птицъ по стѣнкамъ; потомъ достала кружку съ рукоятью, которая была меньше стопы, и достаканъ, который былъ еще меньше. Стопу поставила мужу, себѣ кружку, дочерѣ достаканъ. Обычай ставить передъ женой и дѣтьми хозяина сосуды поменьше величиной, чѣмъ передъ самимъ хозяиномъ, означалъ то, что жена была ниже мужа, а дѣти ниже отца и матери. Хозяинъ налилъ пѣнистаго бѣлаго мѣду и, поднявъ стопу, возгласилъ:

— Подай, Господи, силу мышцамъ воиновъ царскихъ; благопоспѣши на искорененіе враговъ святыя Церкви Христовы и его царскаго величества нашего государя!

Когда всѣ выпили, воевода, вставъ изъ-за стола, началъ усердно креститься передъ образами, слегка прикасаясь пальцами дубоваго пола, потомъ позвалъ семью въ большую комнату, гдѣ принималъ гостей и гдѣ сѣкъ Осипа. Тамъ въ углу стояло двадцать два образа; изъ нихъ четырнадцать были привезены воеводою съ собой и поднесены на мѣстѣ духовными лицами, и слѣдовательно принадлежали воеводѣ; остальные находились при воеводскомъ домѣ. Образа Спасителя, Божіей Матери и трѣхъ святыхъ, соименныхъ воеводѣ, женѣ его и дочери, были въ серебряныхъ окладахъ; изъ другихъ нѣкоторые съ позолочеными вѣнцами кругомъ головы на изобра-

женіи, а прочіе написаны на позолотѣ или на празелени, или составляли металлическія складни. Главныя, стоявшіе въ самомъ углу, были въ позолоченныхъ кіотахъ съ убрусами внизу изъ атласа, па которомъ вышиты были херувимы; отъ угловыхъ по обѣ стороны до оконъ размѣщались другія верхними и нижними рядами. Весь этотъ уголь съ иконами закрывался пеленой, которая задѣргивалась по желѣзному пруту. Тогда висѣла пелена зелѣнаго цвѣта, нѣсколько полинялая, съ крестомъ, вышитымъ по срединѣ золотомъ, и съ узорами по угламъ въ видѣ листьевъ. Въ большіе праздники, какъ на примѣръ Пасху, Рождество Христово, перемѣняли пелену и навѣшивали бархатную, обыкновенно краснаго цвѣта, а въ постъ черную. Пелена была обыкновенно задѣрнута, чтобъ иконы не зрѣли всякихъ мірскихъ тревоженій. Отдернувъ её, воевода важегъ три свѣчи, стоявшія въ мѣдномъ паникадилѣ, висѣвшемъ по срединѣ. Дочь принесла огня въ жаровнѣ съ крестомъ на рукояти, и воевода насыпалъ ладону, покадилъ и поставилъ жаровню на полочку передъ образомъ, взялъ съ этой полочки святцы и сталъ читать молитвы на сонъ грядущимъ. Семья и прислуга крестились, клали поклоны и шепотомъ произносили: «Господи помилуй! Господи помилуй! Господи Іисусе Христе, спаси мя грѣшнаго!» По окончаніи молитвословія всѣ разошлись: воевода лёгъ въ той комнатѣ, гдѣ у него стояла чернильница и скамья съ деревяннымъ изголовьемъ, на которое дочь положила

ему двѣ подушки, набитыя лошадинымъ волосомъ; на скамьѣ не было матраца, а лежала полость и на ней ковѣрь: воевода довольствовался такимъ немягкимъ ложемъ; за то жена постель состояла изъ трёхъ перинъ, положенныхъ одна на другую.

ХІІІ.

Въ ту самую ночь приверженцы Стеньки Разина, выѣхавшіе по дорогѣ въ Пензу, подступали къ Саранску и, пользуясь темнотою, остановились за лѣсомъ, за полверсты отъ посада. Сидя верхомъ на лошадяхъ по казацкому обычаю, они составили кругъ. Атаманы Круча и Михайло въѣхали въ средину. Объѣхавъ кругомъ, Михайло говорилъ:

— Братцы-молодцы! Вотъ мы и къ Саранску поспѣли. Станемъ держать совѣтъ, что намъ чинить: идти ли къ посаду и надолбы жечь, или ждать, пока наши братья городъ зажгутъ?

— Какъ мы зажгёмъ надолбы, отвѣчали ему нѣкоторые, то служилые бросятся сюда, а тѣмъ временемъ наши городъ зажгутъ; тутъ они сами не будутъ знать, куда имъ кинутся: и тамъ пожаръ, и здѣсь пожаръ!

— Нѣтъ, ребятушки! говорили другіе: лучше подождать. Ихъ много; хорошо какъ наши успѣютъ городъ зажечь; а какъ нѣтъ? Тогда намъ придётся приступомъ брать и надолбы, и городъ потомъ. Мно-

го своїхъ пропадѣть. Лучше подождѣмъ, пока дадутъ намъ знать.

— Послушайте лишь мене, сказалъ Круча:—панове громада: Вы всі тутъ постойте, а мы вдвохъ зъ паномъ Осипомъ навідаемо надолби, та придивимось, зъ якого боку приступнішъ буде ихъ запалить. А то коли станемо довго радитьця, шчò та якъ намъ робити, то й до світу будемо теревені гнуть!

— Правду сказалъ! отозвалось нѣсколько голосовъ.

Круча, Осипъ и нѣсколько удалыхъ съ ними поѣхали къ надолбамъ. Ночь была безлунная, но звѣздная. Въ полумракѣ завиднѣлись чернѣющія надолбы.

— А ну, товаришку, сказалъ Круча, ты молодой та бистроокій: приглядишь, чи не видно якого злодія?

Осипъ глядѣлъ пристально въ даль.

— Атаманъ, сказалъ онъ:—я вижу: кто-то бѣжить по полю.

— А є у насъ чамбуль? спросилъ запорожець.

— У меня есть! отозвался одинъ изъ молодцовъ:—якши умей!

— А, якши умей! передразнилъ его Круча: —такъ ты, братику, татаринъ. Добре! ми зъ вашимъ братомъ давні пріятели! А залигай лишь того, хто тамъ біжить. Та гляди въ мене, не кричи! бо я вже васъ, татарівъ, знаю: ви не стерпите шчобъ не заревти, такъ шчо не те шчо цілий городъ сполошиться, а навітъ мертвого зъ землі піднимешъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, бачка! я тихъ будетъ кричать! сказалъ татаринъ.

— Та овсі мовчи, дурню! сказаль ему Круча:—а то тількі розявишь ротъ, такъ я тобі его отъ-симъ заткну!

Онъ показаль на саблю.

Осипъ съ татариномъ стрѣлой пустились въ ту сторону, гдѣ завидѣли людей. Татаринъ распустиль свой ременный чамбуль: то была широкая петля съ двумя концами, за которые татаринъ держался; коль скоро петля забрасывалась на добычу, одинъ конецъ стягивался, и плѣнникъ доставался побѣдителю. Пѣшій, увидя скачущаго противъ него человекъ, побѣжалъ, потомъ остановился, и въ то время, когда татаринъ перегнувшись черезъ лошадь, закинулъ на него свой чамбуль, закричалъ: Нечай!.

— Это нашъ, не трогай его! крикнулъ Осипъ.

То былъ одинъ изъ атемарецвъ. Зная хорошо мѣстность, онъ покинулъ свою башню, гдѣ воевода отвѣлъ ему постъ, спустился со стѣны, пробѣжалъ посадъ, обманулъ стражу въ надолбахъ и бѣжалъ увѣдомить удалыхъ.

— Обошлось наше дѣло такъ, какъ мы и не ждали, сказаль атемарець. Воевода положился на наши слова да послаль за вами въ погоню почитай всѣхъ служилыхъ; у него осталось теперь головъ сто, не болѣ.

— Садись на мою лошадь за сѣдло, сказаль ему Осипъ.—Доѣдемъ до Кручи, знать дадимъ.

Атемарець прыгнулъ къ нему на лошадь и какъ кошка примоѣтился за лукой сѣдла. Осипъ и татаринъ поворотили назадъ.

— Отъ такъ воевода!—говорилъ Круча, узнавши отъ атемарца положеніе Саранска:—отъ догодивъ! Отъ такъ добра душа! Ну, а коло надолбівъ велика у васъ сторожа?

— Какая сторожа! сказалъ атемарець:—четверо на прясло, полтора человѣка на ворота! Только слава, что сторожа!

— Отъ такъ воевода! продолжалъ Круча:—ей Богу, се золото, а не воевода! За се я его остренькимъ ножемъ любенько та гарненько заріжу, шчо и не счуетьця!

— Ну, нѣтъ, атаманъ! сказалъ Осипъ:—у меня еще спина не зажила. Мелкими деньгами разсчитается со мной!

— Отъ якій бо же ты, пане брате! говорилъ Круча.—Видно, шчо дворянинъ московскій! спина не зажила! У насъ на Коші лучается, такъ бебехи одібють, шчо ледве живій, та й то ничего! засохне, якъ на собаці!

— У васъ и добычи не отнимають, сказалъ Осипъ.

— А вжежь! отвѣчалъ Круча.—А шчо жъ ты хочешъ зъ тимъ дурнемъ воеводою робити?

— Увидишь, отвѣчалъ Осипъ.

Они пріѣхали къ казакамъ, которые сошли съ лошадей, привязали ихъ къ деревьямъ и усѣлись на траву да потягивали водку изъ сулей, которыя нѣкоторые привезли съ собой.

Когда атемарець рассказалъ имъ, что сдѣлалось

въ Саранскѣ, всѣ пришли въ такую радость, что Круча и Михайло должны были напомнить имъ, чтобъ они не очень давали знать о себѣ. Скучно было казакамъ дожидаться; нельзя было развести огня даже и трубки закурить опасно, чтобъ издали кто нибудь не увидалъ огня и не догадался. Круча, умѣвшій по звѣздамъ узнавать теченіе ночи, взялся наблюдать за небомъ и дать знать, когда придѣтъ пора.

Часа черезъ три Круча сказалъ казакамъ:

— Вставайте, панове! Часъ! Вставайте!

Казаки сѣли на лошадей и подѣхали къ надолбамъ. Кругомъ было могильное молчаніе. Уже вѣло утренней прохладой.

— Вотъ тутъ есть калитка: одному человѣку проѣхать можно, и то просунувши голову, сказалъ атемарець.—Въ ней опускается колода и поднимается цѣпями съ той стороны. Надобно перелѣзть черезъ стѣну и поднять.

Человѣкъ шесть вскарабкались одинъ на другаго. Верхній досталъ спрятанную веревочную лѣстницу и прикрѣпилъ её; казаки, перелѣзли черезъ стѣну и подняли колоду. Всѣ другіе съ нетерпѣніемъ придерживали своихъ лошадей, ожидая знака изъ города. Прошло такимъ образомъ еще съ четверть часа. На востокъ начинало свѣтлѣть. Вдругъ раздался свистъ: всѣ обратились въ ту сторону, откуда онъ послышался, но свистъ не повторился. Пѣніе пѣтуховъ нарушило молчаніе, замычали воны,

зблеляли овцы... городскія стѣны начали уже обозначаться подь слабымъ свѣтомъ наступающей зари— и на одной изъ башень показалось пламя.

Вся казацкая толпа вздрогнула.

— Тсь! сказалъ Михайло.

Пламя возрастало. Ударили въ набатный колоколь — пронесся шумъ и топотъ... раздались нестройные крики... Посадъ просыпался, пробужденный тревогою. Ударили въ одной церкви въ набатъ, ударили въ другой, въ третьей... на противоположной городской башнѣ вспыхнуло пламя.

— Красный пѣтухъ разгуливается! сказалъ Михайло.— Ъдемте, братцы!

И казаки одинъ за другимъ, гуськомъ, стали въѣзжать въ калитку. Проѣхавши шаговъ семьдесятъ по коридору надолбъ, они наткнулись опять на колоду, которая была, на ихъ счастье, поднята. Такимъ образомъ они очутились на посадѣ. Тамъ уже всё суетилось, бѣжали посадскіе людишки, сами не зная, куда имъ спѣшить и что дѣлать съ просонья: кто брался за ведро, кто за лопату, кто за топоръ, и въ испугѣ бросали на землю, кто что держалъ въ рукахъ, когда увидѣли нежданныхъ гостей. Казаки кричали:

— Нечай! Нечай! Многія лѣта нашему батюшкѣ Степану Тимофѣевичу и царевичу Алексѣю Алексѣевичу! Не бойтесь, добрые жилецкіе люди! мы вамъ дурна не будемъ чинить никакого! Пришли васъ избавить отъ недруговъ, царевичевыхъ измѣнниковъ,

*

а вамъ, 'жилецкимъ людямъ, дадимъ жить многіе льготные годы.

Посадскіе были уже настроены слухами о Степанѣ Тимофѣевичѣ; поступки воеводы раздражили ихъ въ послѣднее время, и теперь, какъ только они услышали призывъ и увидѣли, что пособники этого загадочнаго батюшки у нихъ на посадѣ, то многіе изъ нихъ въ свою очередь стали изъ всей силы орать: Нечай! Нечай! Другіе хотя не были расположены пристать къ мятежу, по не спохватясь какъ имъ держаться въ общей сумятицѣ, въ свою очередь увлекались общимъ волненіемъ; третьи прятались въ погребахъ и клѣткахъ; четвертые бѣжали вонъ изъ посада. Такъ безпрепятственно доѣхали казаки до стѣнъ города, которые пылали уже въ трѣхъ мѣстахъ. Ворота были отворены, потому что служилые, которыхъ было мало, бросились звать посадскихъ на помощь. Казаки торжественно въѣхали, съ крикомъ: Нечай! Нечай!.

XIV.

Воевода спалъ крѣпкимъ сномъ безвиннаго на своей скамьѣ, когда подъ дверьми его раздался зловѣщій голосъ «Пожаръ! пожаръ въ городѣ! Вставай, бояринъ: горитъ городъ!» вмѣстѣ съ тѣмъ дверь въ сѣни, запертая изнутри, потряслась отъ кулач-

ныхъ ударовъ. Пламя на башнѣ свѣтило сѣвозь ок-
но прямо въ глаза проснувшемуся воеводѣ.

— Охъ эти мнѣ пожары! сказала онъ въ первое
мгновеніе, не зная, гдѣ пожаръ; но когда подбѣ-
жалъ къ окну и увидѣлъ, что горить городская баш-
ня, то неистово вскрикнулъ, и не успѣвши надѣть
сапоги, бросился опрометью на дворъ, метался какъ
угорѣлый и давалъ приказанія.

— Тащите воду! Отворите ворота! Гоните всѣхъ
посадскихъ тушить! Бейте во всѣ колокола!

Между тѣмъ въ домѣ жена, дочь, слуги, служан-
ки, въ попыхахъ хватали чтò попадалось имъ подъ
руку, и оставляя одно, брались за другое, потомъ
бросая другое, хватались за третье. Воеводица вы-
бирала изъ шкафа посуду, выносила ее, и бро-
сала на крыльцѣ; возвращаясь, тащила за одну
ногу столъ, и покидала его на подорогѣ, хва-
тала въ охапку мужнины кафтаны, и растерявъ ихъ,
металась изъ сѣней въ избу, изъ избы въ сѣни, не
зная, чтò еще взять. Служанки несли всякую всячину и
растеривали, потому что брали не по силамъ, заднія
подбирали за передними, и въ свою очередь теряли,
а холопы, взявши ключъ отъ комнаты у воеводы, стали
вытаскивать пожитки изъ клѣтѣй, но наткнулись на ен-
воду съ наливкой, не утерпѣли, чтобъ не приложить-
ся къ ней, и скоро сблизились съ ней такъ прія-
тельски, что уже не могли болѣе ничего носить.
Служилые вертѣлись около воеводы, одни спрашива-
ли, другіе совѣты давали, третьи толкали своихъ то-

варищей, которые за это поднимали съ ними брань. Всѣхъ спокойнѣе и благоразумнѣе вела себя молодая дочь воеводы: увидя отца въ одной рубахѣ, босикомъ, она принесла ему кафтанъ и сапоги; но трудно было уговорить его одѣться и обуться. Едва воевода надѣлъ одинъ сапогъ, какъ вдругъ закричали: «въ другомъ мѣстѣ стѣна горить!» Воевода крикнулъ: «измѣна!», не сталъ болѣе одѣваться, не надѣлъ даже сапога на другую ногу, и какъ бѣшеный выбѣжалъ изъ двора на площадь. Тамъ около колодца сбилась въ кучу такая толпа, что невозможно было доставать воды. Дочь бѣжала за отцомъ съ его доспѣхами, но воевода схватилъ только изъ ея рукъ одну саблю и побѣжалъ далѣе.

— Затворяйте ворота! кричалъ онъ.—Измѣнники царевы зажгли городъ! Посадскіе воры въ одномъ умыслѣ, хотятъ насъ огнѣмъ сожещи, врагу въ угоду! Пушкари! палите въ посадъ! валяйте ихъ, такихъ-сякихъ дѣтей! Всѣхъ съ заводомъ и припложениемъ выкореню, предателей, богоотступниковъ! Ни души живой не оставлю! Ребятъ, маленькихъ чертенять, и тѣхъ перебую! Палить въ посадъ!

Но ворота не успѣли затворить, не успѣли и пушкари приводить въ исполненіе грозный приговоръ надъ посадомъ: тогда-то въ ворота въѣхали казаки съ крикомъ:

— Нечай! Нечай! Многія лѣта батюшкѣ Степану Тимофѣевичу и царевичу Алексѣю Алексѣевичу, вамъ, стрѣльцамъ, пушкарямъ, затинщикамъ, ворот-

никамъ и всей простой служилой челяди многія льготы и на вѣчныя времена вольность!

— Это разбойники! кричалъ воевода:—деритесь съ ними! бейте ихъ! Въ это время жена и дочь прибѣжали къ воеводѣ, за ними въ испугѣ прибѣжала толпа дворянскихъ женъ и служанокъ.

— Въ церковь, въ церковь ступайте! сказалъ воевода, вдругъ пришедши въ себя.—Богу молитесь тамъ, а я тутъ положу голову за Церковь Христову и за царское величество!

Пугливое стадо женщинъ убѣжало въ церковь. Тамъ священникъ, облачившись, съ крестомъ въ рукѣ, готовился встрѣтить злодѣевъ. Но жена и дочь воеводы не побѣжали за другими.

— Батюшка! говорила молодая дѣвушка:—я не отойду отъ тебя! Убей меня! Не хочу доставаться злодѣямъ. Убей меня, родимый мой батюшка, а самъ клади животъ за вѣру и за царя!

Эти слова были сказаны съ той безсознательной невинностью, которая не подозрѣваетъ всего величія своего геройства.

— Дитяtko мое! Настюшка! ступай въ церковь! говорилъ ей отецъ. — Вѣрушка! ступай съ ней въ церковь! Мы же, уповая на милость Божію, будемъ биться съ злодѣями!

Но тутъ же увидѣлъ воевода, что биться было невозможно. Служилые не слушались его болѣе.

— Проклятый дуракъ! Столбъ осиновый! сказалъ ему тотъ дворянинъ, который противился посылкѣ

служилыхъ въ погоню за мятежниками по сказкѣ атемарскихъ стрѣльцовъ.—И самъ пропадѣшь, и насъ всѣхъ погубишь!

Казаки прямо летѣли на него.

— Подавайте сюда воеводу и всѣхъ приказныхъ! раздавались ихъ зловѣщіе голоса. А вы, служилые, тушите пожаръ: царскаго города не станемъ мы изводить! Подавайте-ка намъ воеводу прежде всего!

На него указали. Онъ стоялъ, опустя свою саблю, въ совершенной готовности къ смерти. Трусость имъ не овладѣвала, но смыслу и толку у него оставалось только на то, чтобы припомнить отцовскій и дѣдовскій завѣтъ умирать безбоязненно за вѣру и царя. Жена держалась за него; дочь повисла ему на шею.

— Онъ мой! сказалъ Осипъ, слѣзая съ лошади. Онъ мой, братцы! Узнаёшь ли ты Осипа Нехорошева, государь-воевода? Узнаёшь ли ты его?

Воевода не отвѣчалъ ему и смотрѣлъ на него выпучивши глаза, съ совершеннымъ безстрастіемъ и спокойствіемъ.

— Судья неправедный! говорилъ Осипъ.—Правитель незаконный! Я искалъ у тебя суда за мать мою, ты оправилъ злодѣя, что её со свѣта извѣлъ, а меня немилосердо мучилъ и билъ батогами! Теперь я стану тебѣ судьей и буду тебя мучить!

Жена испустила крикъ и упала безъ чувствъ на землю.

Въ это мгновеніе глаза Осипа встрѣтились съ

глазами Настеньки. Увившись руками около отцовской шеи, она обернула къ Осипу голову и посмотрѣла на него: въ этомъ взглядѣ были написаны жалость и презрѣніе. Этотъ взглядъ опалилъ Осипа, пронзилъ ему сердце ножомъ острымъ. Въ глазахъ у него всё помутилось. Этотъ взглядъ какъ будто говорилъ ему: «Ахъ, Осипъ, Осипъ! Зачѣмъ ты встрѣтился со мной въ такомъ видѣ? Ты ли это, слуга царскій, воинъ вѣры и отечества? Куда это занесла тебя жажда правды? Правды нѣтъ на свѣтѣ, она у моего сердца! Зачѣмъ ты въ нёмъ не искалъ утѣшенія отъ своего горя? Оно чисто, оно непорочно, оно бы повело тебя къ такому счастью, какого тебѣ и не снилось. Погибшій молодецъ! нѣтъ тебѣ возврата!.. Не сойтись намъ съ тобой: ты пойдёшь губительнымъ путемъ своимъ въ бездонную пропасть... Погубилъ ты себя, погубилъ ты себя!» Передъ нимъ въ эту минуту пронёсся прекрасный несбыточный образъ: вотъ онъ пріѣзжаетъ домой; добрая мать встрѣчаетъ его; съ ней молодая дочь воеводы, эта самая бѣлокурая дѣвочка, что такъ презрительно смотритъ теперь на него ангельскими глазами невинности... И матушка говоритъ ему: «Ося! вотъ тебѣ невѣста! Люби да жалуй!» И онъ берётъ её за бѣлу ручку изъ старыхъ рукъ родной матушки-кормилицы, онъ прижимаетъ её къ сердцу, цѣлуетъ её... она ему вѣрная подруга... Нѣтъ, нѣтъ! матушка въ сырой землѣ, она не приведётъ къ нему невѣсты: батюшка, злой ба-

тюшка убилъ её — а воевода покрывъ его злодѣяніе... Воевода—врагъ его.

Осипъ схватилъ ружье у стоявшаго подлѣ него казака.

«Началь, такъ кончай! шепталъ ему черный духъ: нѣтъ тебѣ возврата! Не быть ей твоею! Воровъ побьютъ, искоренятъ, ты заплатишь висѣлицей за измѣну царскому величеству... Бей же ихъ, не слушай сердца. Твоя судьба не тутъ!»

— Воевода! молись Богу да кайся: я убью тебя! сказалъ Осипъ и прицѣлился. Съ крикомъ отчаянія дочь закрыла собой отца, прильнула губами къ его щекамъ. Пуля попала въ голову Настенькѣ. Отецъ обхватилъ её крѣпко руками; онъ слышалъ, какъ исчезающая молодая жизнь охладѣвала въ ней. Потоки крови обливали ему руки. Отецъ цѣловалъ её въ закрывающіеся глаза... Мать лежала безъ чувствъ на землѣ и, счастливая пока на тотъ часъ, не видѣла, что около нея дѣлается!

— Ото! сказалъ Круча:—шчо се ти, братику? чи стрілять розучивсь? Хиба вже ти не той, шчо колись въ Глухові зъ стіни Ляхівъ підстрілювавъ; зарані було кажешъ: сѣму въ голову, сему въ руку, и ніколи не омилявся!

Осипъ въ неистовствѣ свиснулъ саблей воеводу и разсѣкъ ему голову такъ, что половина черепа отлетѣла далеко. Воевода вмѣстѣ съ мѣртвой дочерью упалъ въ кровавую лужу.

— А отъ же жъ, по моему вышло! говорилъ Круча:—казавъ, буду мучить воеводу, а таки зъ разу покончивъ, якъ я хотівъ. Бо якже можно мучить такого доброго человека, шчо намъ допомігъ городъ узяти, не утерючи ни одного зъ нашихъ! Теперь же и другихъ побить треба, усіхъ приказныхъ та дворянъ!

Простые служилые указывали на дворянъ и дѣтей боярскихъ: ихъ набралось челоуѣкъ пятнадцать; всѣ были немедленно изрублены или застрѣлены.

— Давайте бумаги сюда! кричалъ Михайло:—изъ приказной избы все бумажѣ выметайте сюда, жечь ихъ! Батюшка Степанъ Тимофѣевичъ велѣлъ жечь всѣ бумаги, чтобъ ничего писанаго не было на Руси.

Толпа ворвалась въ приказную избу. Одинъ только дьякъ былъ убитъ. Подьячіе кланялись въ ноги, присягали служить батюшкѣ Степану Тимофѣевичу, и имъ даровали жизнь, надѣливши однако вдоволь ударами. Явилась на площади гуча свитковъ и тетрадей и запылала. Убийства уже переставали, какъ вдругъ у воротъ явилась толпа посадскихъ. Они хватали служилыхъ, тѣхъ самыхъ, которые, думая себя снасти отъ гибели, только что предъ этимъ останавливали и выдавали дворянъ и дѣтей боярскихъ.

— Они насъ обирали, кричали посадскіе:—они воеводѣ наговорили, что къ намъ скоморохи приходили, доносили ему, что мы говоримъ промежъ се-

бя рѣчи вольныя! Черезъ нихъ нашихъ братьевъ въ тюрьму сажали!

Напрасно служилые хотѣли какъ-нибудь отвертѣться. Одни просто запирались, другіе сознавались, но извиняли себя тѣмъ, что они люди подначальные, должны чинить то, что имъ велятъ. Михайло сказалъ: «Коли васъ кругъ судить, стало быть вы повинны.» Ихъ убили. Въ это же время, когда съ ними расправлялись посадскіе, близъ церкви слышались страшные крики женщинъ и дѣвицъ, которыхъ молодцы вытаскивали изъ Божія храма и уводили въ избы.

Тогда выпустили всѣхъ изъ тюрьмы, и вышли колдунки блѣдныя, чахлыя, убійцы, воры, разбойники, и цѣловались съ новыми своими братьями, даровавшими имъ нежданную свободу.

Вслѣдъ за тѣмъ, по приказамъ атамановъ, явились запряженные возы: на однихъ положили тѣла убитыхъ, на другихъ складывали имущество воеводы и убитыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. По казачьему обычаю, посадскіе должны были выбрать цѣновщиковъ, которые, смекнувши, оцѣнили бы всѣ пожитки, и всю сумму слѣдовало разложить поровну на цѣлый посадъ, а изъ казаковъ всякій получалъ бы на столько, на сколько на него приходилось по оцѣнкѣ, а коли бралъ на большую цѣнность, такъ приплачивалъ: приплата тоже шла въ подѣлъ; эсаулъ долженъ былъ собирать эти деньги и потомъ дѣлить. Это называлось дуванъ.

Въ то время когда на площади происходилъ такой дѣлѣжъ, тѣла убитыхъ на трёхъ возахъ повезли въ монастырь хоронить. Ихъ провожалъ юродивый по прозванью Красноголовый, оттого что у него голова была обвязана красной лентой. Онъ ходилъ босой, носилъ въ рукѣ желѣзный пруть, увитый цвѣтами и увѣшенный кусочками цвѣтной матеріи. Этотъ юродивый просилъ у всѣхъ денежку на табакъ, а въ постъ на колбасу, и что получалъ, то раздавалъ нищимъ; не было у него пріюта ни лѣтомъ, ни зимой: если бы въ трескучій морозъ его забыли пріютить гдѣ-нибудь, то онъ могъ бы и замерзнуть, самъ не попросивши ночлега. Еще не было вѣсти о мятежникахъ, а онъ ужъ пророчилъ всеобщую бѣду: говорилъ, что будутъ на землѣ совершаться ужаснѣйшіе грѣхи, что люди установленныя отъ Бога власти забудутъ. Теперь, провозая тѣла, онъ кричалъ: «Полти хорошія, свѣжія! баранина жирная, мясники молодые наѣхали, мясо подешевѣло!» Въ монастырѣ всѣхъ схоронили въ одной могилѣ, отправили погребеніе убиеннымъ, а по окончаніи церемоніи юродивый сталъ плясать на могилѣ, припѣвая пѣсенку:

Эй братія, братія!

Берегите платія!

Цвѣтно платье пригодится—

На страшный судъ появится.

Послѣ дувана, который происходилъ между тѣми,

кто поспѣлъ придти, начали на площади устраивать казацкій порядокъ. Посадскихъ въ городѣ осталось не болѣе половины: многіе бѣжали, другіе не выходили изъ закоулковъ. Бѣжавшіе были большею частью купцы и зажиточные посадскіе, знавшіе, что ихъ брату въ такихъ случаяхъ не слишкомъ будетъ вкусно. Толпу пришедшихъ на площадь составляли работники, наёмщики, кабальные люди, служившіе у зажиточныхъ посадскихъ, пьяницы, спустившіе всё до ниточки, отвыкшіе отъ труда и жившіе у дверей кабака, питаеясь вонючей рыбой, по милости добротныхъ дателей, добрые молодцы, у которыхъ кровь еще не остудилась ни отъ лѣтъ, ни отъ женитьбы, ни отъ воеводскихъ батоговъ. Всё было пьяно; воеводскіе, дворянскіе и купеческіе мѣды и наливки лились не только въ горла, но и на землю, упитанную свѣжей кровью. Круча поглаживалъ длинные сѣдоватые свои усы, разъѣзжалъ въ толпѣ на конѣ и очищалъ майданъ, просторное мѣсто для составленія круга, на которомъ долженъ быть устроенъ казацкій порядокъ.

Когда наконецъ кое-какъ успѣли водворить тишину, Михайло, наученный Кручей, говорилъ:

Батюшка Степанъ Тимофѣевичъ велѣлъ вамъ говорить: теперь, добрые жилецкіе люди, сталась на божемъ свѣтѣ великая перемѣна, и такая перемѣна сталась, что не будетъ уже воеводъ и дьяковъ, а всё будутъ казаки. Стало быть и вы теперь уже больше не посадскіе, а казаки; никого надъ вами

сверху нѣтъ, а всѣ вы равны и не будете никому платить ничего, такъ какъ на Дону всѣ—вольные люди и ничего никому не платятъ. А что васъ ни есть теперь посадскихъ людей, нужно подѣлить васъ на сотни, да на десятки, и чтобъ надъ каждымъ десяткомъ былъ свой десятскій выборной, что излюбленъ своимъ же десяткомъ, а надъ сотнею свой сотскій, а его тожь выбереть сотня. И судьи у васъ будутъ свои жъ излюбленные миромъ; а который судья не въ правду учнетъ судить, ино его смѣнить, да другаго выбрать на его мѣсто; а надъ всѣми вами будетъ атаманъ, а при атаманѣ эсауль, и тожь выборные люди; атаманъ будетъ строй держать, а эсауль у него на помочи. Атаманъ съ эсауломъ отберуть охотниковъ изъ васъ, да пойдутъ Русь святую очищать, да царевичу путь къ Москвѣ прокладывать, а на мѣсто ихъ въ городѣ другаго атамана поставятъ; а дастъ Богъ, царевичъ сядетъ на Москвѣ, и въ тѣ поры атаманъ съ эсауломъ и со всѣми молодцами назадъ вернутся, и будутъ городъ вѣдать и беречь отъ всякаго прихода воинскихъ чужихъ людей, а смѣняться атаманъ и эсауль будутъ что ни годъ, а излюбите, то оставите ихъ на другой годъ. А будете вы всѣ собираться въ кругъ, не то что богатые да хозяева одни, а всѣ, что ни есть людей на посадѣ, чтобъ зазорно никому не было. А даней платить не будете, ни оброчныхъ денегъ, ни ямскихъ, ни городовыхъ, ни стрѣльцаго хлѣба; только на которую нузу будетъ потреба, ино кругъ

соберется и приговорить, что вотъ столько и столько съ дворовъ собрать, а сотники и десятскіе соберутъ и отдадутъ цѣловальникамъ, выборнымъ же, и тѣ міру отвѣтъ дадутъ въ деньгахъ мірскихъ. А всякими промыслами и торговлею промышленяты по своей охотѣ воленъ всякъ, только того смотри, чтобъ никто неправедно не разживался и бѣднымъ людямъ продажи не чинилъ; а кто не по правдѣ учнетъ торговать, либо промыселъ каковъ ни есть вести другимъ убытливо, ино того кругъ приговорить взять, и животы его подѣлить между всѣми, чтобъ никому не повадно было ради своей наживы убытчить и разорять добрыхъ бѣдныхъ людей.

Послѣднее особенно понравилось многимъ изъ такихъ, которые ничего не имѣли и по лѣни не старались имѣть. Толпа зашумѣла. Стали кричать, что коли такъ, то вотъ такого-то и такого взять и животы его подѣлить тотчасъ же, для того что онъ нажилъ своё добро неправедно, съ бѣдныхъ людей дорогія цѣны бралъ, или рабочихъ у себя дурно кормилъ и бивалъ и въ тѣснотѣ держалъ.

— Это всё сдѣлается, сказалъ Михайло, какъ въ кругѣ станется атаманъ: теперь слѣдуетъ вамъ прежде всего атамана выбрать, сотенный порядокъ учинить. Кого хотите въ атаманы?

— Мы люди тѣмные, отозвалось нѣсколько голосовъ:—и сами не знаемъ кого. Кого поставишь, тому покорны и будемъ.

— Намъ почему знать? сказалъ Михайло: всякъ

городъ и посадъ себѣ выбираеть атамана самъ. Вотъ и я атаманъ, меня атемарцы выбрали.

— Да кого назначишь, батюшка, тотъ и нашъ! говорили посадскіе.

— Такъ вотъ вамъ Лукьяна Ярыгина, сказалъ Михайло, указывая на того атемарца, который имъ вѣсть за городъ подалъ.

— Ну, и Лукьянъ Ярыгинъ пускай будетъ!

— Нехай вінъ буде городовымъ, сказалъ Круча:— а войсковымъ нехай Осипъ Нехорошенко буде!

— Пусть будетъ! сказали въ толпѣ.

— Такъ по нашему казацькому звичаю, продолжалъ Круча:—кидайте оттакъ шапки вверхъ, та кричить «го»!

Всѣ подбрасывали шапки вверхъ и кричали «го»! Это такъ показалось неловко запорожцу, что онъ не утерпѣлъ, чтобъ не произнести вполголоса: «бісови москалі»?

— А давайте лишень ще царьску казну! сказалъ Круча:—ми її подуванимо. Де той подьячій, шчò казною завідовавъ?

Привели подьячаго денежнаго стола, съ связанными назадъ руками.

— Ну, брате! кажи, де въ тебе гроши? Та не бреши!

Подьячій, вмѣсто отвѣта, отъ страха кланялся въ землю.

— Ну, кажи, кажи! говорилъ Круча:—а полежать шче доведеться.

*

— Батюшки, кормильцы! вопилъ подьячій: помилуйте! Христа ради помилуйте! У меня женушка, дѣтушки дробныя! Пустите душу на покаяніе, отцы родные! Заставьте вѣкъ Бога молить!

— Полно балясы точить! говори, гдѣ деньги?

— Всё, всё скажу! говорилъ, весь трясаясь, подьячій:—всего въ столѣ казны было пятьсотъ двадцать семь рублёвъ, восемь алтынъ, двѣ деньги. А ключевъ у меня нѣту: всякъ день воеводѣ относилъ.

— А врѣшь! заревѣлъ Михайло.—Воеводу убили, такъ ты на него и свѣртываешь: знатно, что изъ могилы вынимать не стануть. И тамъ въ столѣ ничего, може, нѣтъ—самъ ты укралъ?

— Нѣтъ, кормилецъ, говорилъ подьячій:—не бралъ я; пересчитывалъ — было пятьсотъ двадцать семь рублёвъ, восемь алтынъ, двѣ деньги.

— А списокъ гдѣ?

— А де списокъ? сказалъ Круча:—чорти взяли списокъ зо всіми бумагами.

— Такъ веди жъ его, Осипъ, перебери съ нимъ казну. Отбить замокъ, коли нѣтъ ключа!—говорили казаки.

Осипъ ушелъ съ подьячимъ. Между тѣмъ опять въ толпѣ поднялся крикъ, и явилась толпа черныхъ людей въ синихъ рубахахъ, въ сѣрякахъ. Они тормошили нѣсколькихъ порядочно одѣтыхъ посадскихъ и кричали: «Давайте намъ судъ и правду!»

Атемарецъ въ качествѣ атамана подскочилъ къ толпѣ бѣдняковъ, что жаловались на богатыхъ. Оказа-

лось, что эти работники требовали, чтобъ всё животы своихъ хозяевъ тотчасъ же подуванить, за то что тѣ брали большіе барыши, а они, бѣдные люди, у нихъ работали. Атемарець не могъ понять, за что грабить людей, ни въ чемъ невинныхъ? Между тѣмъ толпа увеличилась. Показалось больно хорошо, если зажиточныхъ пограбить и между собой ихъ животы подѣлить. Атемарець, не взявши хорошенько въ толкъ, опредѣлилъ, что ужъ если дуванить, такъ не всѣхъ ли?

— Дѣло, дѣло! всѣхъ дуванить, всѣхъ! закричали въ толпѣ.

Новонареченный городской атаманъ сталъ рѣшительно въ тупикъ и побѣждалъ изъ круга совѣтоваться, какъ ему всѣхъ подуванить. Запорожець ухватился за бока отъ смѣха, приговаривая:

— Ото дурні зъ сина сі бісови москалі. Якже жъ вы будете дуванитися, одно другого подуванить, а те упать дуванитиметь те шчо его подуванило... то такъ и кінця не буде!

Онъ побѣждалъ къ толпѣ сталъ уговаривать и объяснять, что никакъ нельзя такъ подуванитися. Они согласились съ запорожцемъ, потомъ снова приняли за прежнюю пѣсню. Притомъ же не всѣ понимали рѣчи запорожца. Тогда запорожець кликнулъ Михайла. Увѣщанія послѣдняго также были неудачны. Всѣ шумѣли, кричали, бранились, наконецъ начали одинъ другаго бить по сусаламъ. Михайло, видя, что ничто не помогаетъ, высыпалъ на нихъ

обильный запас крѣпкихъ выраженій, какія только могутъ придти удалой русской головѣ.

— Казаки! плетей! закричалъ онъ наконецъ.—Я ихъ, такихъ-сякихъ, научу уму-разуму! Я ихъ передуваню! Валяйте ихъ, братцы!

Казаки бросились на толпу. Посадскіе пустились бѣжать въ разсыпную.

— Ахъ вы пустолобые! кричали казаки:—мужичье эдакое! Молчать, да дѣлать чтѣ вамъ прикажутъ!

Такимъ образомъ посадскіе снова вошли въ свою колею: имъ показалось, что есть еще воеводы и служилые, которые могутъ по прежнему каждаго изъ нихъ растянуть и отдуть батогами. Чувство порядка, немислимаго безъ признаковъ воеводскаго управленія, мгновенно водворилось: всѣ остановились по приказу казаковъ, воротились и стояли смирно; только многіе утирали по лицу текущую кровь, которая пролилась или отъ кулаковъ товарищей, или отъ казацкихъ плетей.

— Какъ смѣете не слушаться вашего начальства? кричалъ Михайло.—Я васъ съ костями истолку, въ пыль размечу, собачьихъ дѣтей! Вотъ только кто у меня ротъ розинь, сейчасъ велю изрубить! Угоденъ вамъ атаманъ или нѣтъ? говорите!

— Какъ твоя милость прикажешь. Кого намъ поставишь, тотъ намъ и будетъ, и слушаться станемъ.

— Такъ отъ шчѣ, сказалъ Круча:—Ярыгинъ не годится. Треба другаго избрати. Отъ нехай Осипъ Нехорошенко прииде, порадимось, кого имъ наста-

вить. Треба одібрати тихъ шчо въ походъ підути, а надъ другими шчо останутьця, отамана наставить.

— Кого твоя милость прикажешь! говорили посадские.

— Мы, сказалъ Михайло:—оставимъ надъ ними человекъ пятьдесятъ казаковъ, что бы ихъ въ рукахъ держать!

Осипъ въ это время возвращался изъ приказной избы. Не спрашивая о казнѣ, запорожець велѣлъ ему отобрать охотниковъ, которые пойдутъ съ нимъ въ походъ, и Осипъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ къ толиѣ. Онъ выбиралъ не охотниковъ, а тѣхъ, которыхъ самъ хотѣлъ. Всякій, на кого онъ указывалъ, кланялся и повиновался. Такимъ образомъ онъ отобралъ до двухъ сотъ человекъ.

— Да у насъ нѣтъ лошадей, сказали нѣкоторые:—воевода лошадей побралъ.

— Я не хочу знать этого! говорилъ Осипъ.—У кого лошади есть, тѣ давайте тѣмъ, у кого ихъ нѣтъ, а не будутъ давать, такъ вы, ребята, и силой возьмете. Чтобъ были лошади!

И тѣ, которые освободились изъ-подъ кулаковъ голыдьбы, съ радостью отдавали своихъ лошадей, довольные и тѣмъ, что самихъ на бѣломъ свѣтѣ оставляютъ.

— А на счетъ дувану, сказалъ Осипъ:—вотъ какой приговоръ: кто бѣжалъ изъ города и у кого что осталось, у тѣхъ все подуванить; а кто намъ поко-

рился, того не трогать, а кто тронетъ, велю повѣсить. Слыхали ль вы это?

— Слыхали, батюшка!

Между тѣмъ подьячій денежнаго стола дожидался съ деньгами. Оказалось денегъ столько, сколько онъ показаль прежде. Тѣмъ не менѣе возникъ вопросъ: что дѣлать съ подьячимъ? Удалые кричали, что не можетъ быть, чтобъ онъ сказалъ правду; невозможно чтобъ человѣкъ, у котораго на рукахъ деньги, утерпѣлъ и не попользовался ими. Рѣшили пытатъ подьячаго. Когда потребовали палача, оказалось, что его убили за то, что по приказу воеводы повѣсиль казацкаго пособника. Къ утѣшенію толпы, выскочилъ какой-то бородачъ, съ лицомъ испорченнымъ оспой, грязный и оборванный. Онъ объяснилъ, что былъ дворовымъ человѣкомъ у какого-то князя на Москвѣ и производилъ расправу надъ его многочисленной дворней по государскому приказанію, но одинъ разъ на масляницѣ отправился онъ на промысель съ товарищами, изъ-за угла запустилъ въ прохожаго кистенѣмъ и прошибъ ему голову, — на бѣду другой прохожій шоль съ тѣмъ, кого онъ убилъ; этотъ успѣлъ убѣжать и закричалъ такъ, что прискочили стрѣльцы; товарищей его поймали, а онъ самъ ушоль изъ Москвы, шатался гдѣ день, гдѣ ночь, и попался въ разбоѣ въ саранскомъ уѣздѣ; вотъ уже три года сидѣлъ въ тюрьмѣ, а теперь его выпустили.

Всѣ обступили его съ любопытствомъ, и палачъ,

потирая руки, готовился съ хвастовствомъ показать добрымъ людямъ свое художество въ истязаніяхъ бѣднаго подьячаго. Но едва только онъ за него взялся, какъ Осипъ подскочилъ къ нему и закричалъ:

— Не надо! я не велю!

— А кругъ вести! сказалъ лукаво Михайло.

— Коли меня кругъ выбралъ атаманомъ, такъ я не велю. Пошолъ вонъ! сказалъ онъ палачу.

— Э, больно ты прытокъ! сказалъ Михайло.

— А ты знай свой Атемаръ, а въ мой Саранскъ не мѣшайся, пока я не далъ тебѣ права! Михайло Харитоновъ любъ вамъ, или нѣтъ? громко закричалъ онъ къ толпѣ:—хотите его городовымъ атаманомъ?

— Кого милость твоя поставишь! говорила толпа.

— А въ Атемарі кто жъ буде? спросилъ Круча:

— Онъ и Атемаромъ будетъ править: кого поставитъ онъ въ Атемарѣ, тотъ тамъ и будетъ. Михайло Харитоновъ! оставайся тутъ, а я пойду съ охотниками по своимъ дѣламъ. Ты Круча, пойдѣшь со мной?

— Се бъ то якъ ти зъ батькомъ розправлятьца станешъ! Ні, товаришчу, прався собі самъ. Михайло въ Саранскі буде, а я одберу собі козаківъ, та дальшь піду!

IX.

Еще шесть недѣль не прошло. Капитонъ Михайловичъ только и думалъ о томъ, чтобъ поскорѣе жениться на Ненилѣ Филипповнѣ. Зловѣщіе слухи о приближеніи воровъ носились. Того и гляди, что воевода позовѣтъ въ Саранскъ на службу; уже стрѣльцы бѣгали по помѣщичьимъ усадьбамъ, призывали на царскую службу. Его почему-то еще не трогали.

«Вѣрно», — думалъ онъ — «воевода Оську за меня поставилъ. Авось меня минуютъ; я вѣдь старъ... А чѣмъ, однако, чортъ не играетъ! Чтò, какъ Оська?... онъ золь на меня... Нѣтъ, не можетъ быть! онъ Бога побоится. Столько лѣтъ служилъ вѣрою-правдою царю... Нѣтъ, не сдѣлаетъ... не сдѣлаетъ! Никогда!»

Совѣсть въ немъ заговаривала. Подъ часъ ему становилось ужасно тяжело. Онъ призывалъ ключника или жену его. Онъ хотѣлъ какъ-нибудь прогнать отъ себя тайный голосъ, который шепталъ ему много непріятнаго, мрачнаго.

«Не первый ты, и не послѣдній», — утѣшалъ его ключникъ: — что жъ, если и попуталъ лукавый! — отмолишь Бога! Мы всѣ за тебя будемъ милосердаго Бога молить. Кто Богу не грѣшень! Богъ милостивъ. Хуже было бы мучиться да сохнуть по своей милон. Вѣдь поглядѣлъ бы на себя: словно ковыль трава на горячей степи отъ солнца изсохъ; словно

воскъ противъ огня истаялъ! И она, бѣдняжка, ночь-день покоя не знала, какъ голубочка воркавола; все по тебѣ, бояринъ, все по тебѣ! Безъ тебя ей свѣтъ не милъ, солнце не красно; ѣда на умъ не идетъ, жить не хочется! А какъ поберетесь, то-то заживете! И намъ, холопамъ, любо да мило будетъ смотрѣть на васъ!»

Вотъ встаётъ Капитонъ съ утренней зарёй пасмурный, болѣзненный. Ночью ему мало спалось: ночь была тревожная. Были псы на дворѣ, за рѣкою въ селѣ откликались другіе псы такимъ же воемъ; на церкви кричалъ сычъ. Капитонъ вышелъ на воздухъ. Было осеннее утро, ясное и холодное. Онъ оглянулся вокругъ себя. Надъ нимъ раздалось трижды карканье ворона: черная птица сидѣла на трубѣ его хоромъ, три раза прокричала, и улетѣла.

Капитонъ Михайловичъ вошелъ въ домъ. Вздумалось ему надѣть зеленый кафтанъ съ золотыми нашивками. Въ этомъ кафтанѣ онъ былъ тогда, когда неосторожно хватилъ свою супругу; онъ не надѣвалъ его съ тѣхъ поръ и нарочно запряталъ въ скриню. Теперь, чтобъ разогнать и превозмочь душевную тревогу, онъ задумалъ сдѣлать именно то, что наводило на него эту тревогу. Онъ открываетъ скриню—изъ скрини выскочила мышь...

«Кота! машинально закричалъ хозяинъ».

Мышь исчезла въ подпольную дыру прежде чѣмъ могли услышать голосъ хозяина и подать кота. Капи-

тонъ Михайловичъ сталъ перебирать платье. Вотъ его праздничный кафтанъ рудожелтый камчатный съ серебряными пуговками, подбитъ тафтою зелёной; а вотъ штаны синіе лунскаго сукна; а вотъ и онъ... кафтанъ зелёный настрафильный, подбитый дорогами; онъ вынулъ его и видитъ —мышь проѣла на нёмъ двѣ дыры: одна дыра на правомъ рукавѣ, другая на груди, какъ-разъ противъ сердца... Капитона Михайловича самого что-то за сердце схватило!

Какъ это проклятая мышь сюда пролѣзла!—сказаль онъ самъ себѣ судорожно перебирая далѣе платье.

Вотъ онъ увидѣлъ въ скринѣ дыру: мышь прогрызла дерево и влѣзла; что же! тутъ нѣтъ ничего дивнаго. Да какъ же это она другого платья не тронула, только одинъ этотъ кафтанъ прогрызла?

Онъ пристально осмотрѣлъ всё остальное платье, — нѣтъ порчи: всё цѣло! Одному этому кафтану только досталось. Стало быть, за этимъ только и дерево въ скринѣ прогрызла, за этимъ и въ скриню влѣзла!

Капитонъ Михайловичъ задумался. Въ это время какой-то глухой шумъ пронесся позади его... онъ быстро обернулся, въ глазахъ у него позеленѣло, ему было страшно: ему казалось, будто онъ вскользь увидѣлъ кого-то, не смѣлъ онъ назвать—кого... Въ самомъ же дѣлѣ ничей образъ не стоялъ у него передъ глазами, но въ глубинѣ души у него что-то отразилось, и ему показалось, что онъ долженъ это увидѣть, хоть и не увидѣлъ на самомъ дѣлѣ. Капитонъ поспѣшно закрылъ скриню, не уложивши въ

порядокъ платя, и забылъ запереть её. Онъ вышелъ изъ дома, прошолся по двору, пошолъ на задній дворъ, въ садъ, въ пчельникъ... Тамъ жилъ у него старикъ: то въ пчельникѣ, то въ мельницѣ доживалъ онъ вѣкъ свой за лёгкой работой по лѣтамъ.

— Чтò, дѣдушка?—спросилъ хозяинъ.

— Не добре, бояринъ!—сказалъ старикъ, шевеля беззубыми челюстями.—Попа бы намъ позвать—воду освятить, ладаномъ покурить... кахъ, кахъ, кахъ!... нечистаго прогнать... святъ, святъ, святъ! Охъ, всё Господь за грѣхи наказуетъ... да Онъ же и милуетъ грѣшныхъ. Ночью будто что-то стонетъ да шумитъ, и вотъ всё въ этомъ углу; раза два выходилъ изъ избы, подойду—ничего нѣтъ; а улягусь—опять такъ и слышу: что-то вотъ стонетъ да тужитъ. Да вотъ птичница Акулина говорила: курица пѣтухомъ пропѣла! Ухъ, бояринъ, это плоха примѣта! Да вонъ смотри, смотри, бояринъ: вишь какъ галки да вороны вьются, инда кто ихъ гоняетъ, всё кругомъ, кругомъ... Видишь, бояринъ!

У Капитона Михайловича сердце сжималось, ему стало холодно. Онъ сказалъ:

— Ну, что жъ, дѣдушка! Коли примѣта и не къ добру, чтò же можетъ быть, это Господь посылаетъ для нашего вразумленія, чтобы мы въ чувство пришли и покаялись въ грѣхахъ своихъ.

— Эхъ, бояринъ!—сказалъ дѣдушка—съ той поры, какъ наша добрая боярыня Наталья Андреевна

*

преставилась, у насъ всё неладно! Я человекъ старый, бояринъ; конечно, наше дѣло холопье...

— Цыцъ! — закричалъ Капитонъ Михайловичъ, не любившій если кто нибудь вспоминалъ при немъ о покойницѣ. — Коли тебя не зовутъ, такъ самъ не суйся! Ступай себѣ, ходи за своимъ дѣломъ!

— Я пойду... пойду! — сказалъ старикъ, удаляясь и мотая потупленную головою. — Не гнѣвись, бояринъ, не гнѣвись: я вѣдь старый человекъ, а вѣдь сказано: старый — что малый, что ему на умъ взбрѣдетъ, то и несѣтъ.

Побродивши по усадьбѣ, Капитонъ Михайловичъ взошелъ опять на крыльцо своихъ хоромъ и сталъ смотрѣть задумчиво вдаль. Глаза его увидѣли вдали скачущаго всадника: онъ бѣжалъ во всю прыть по Саранской дорогѣ прямо къ двору его. Вотъ всадникъ встрѣтилъ кого-то, сказалъ ему что-то, и опять побѣжалъ. Вотъ онъ подѣзжаетъ, вотъ онъ на дворѣ, и прямо летитъ къ крыльцу. Капитонъ Михайловичъ предчувствуетъ, что услышитъ что-то не доброе. Гонецъ проворно соскочилъ съ лошади и прежде всего попросилъ оставить эту лошадь у себя, а ему дать другую: онъ её оставить у помѣщика, который дастъ ему на обмѣнъ третью, а эту пришлѣтъ къ Капитону Михайловичу; лошадь же, на которой гонецъ пробѣжалъ, слѣдуетъ привести въ Саранскъ. Потомъ гонецъ отдалъ Капитону Михайловичу воеводскій указъ и проговорилъ.

Велитъ воевода сейчасъ собираться съ людьми въ

городъ во всемъ нарядѣ: воры въ Атемарѣ, и не сегодня-завтра подступятъ подъ Саранскъ. А сынъ твой Осипъ бѣжалъ и присталъ къ ворами.

— Господи Боже!—воскликнулъ Капитонъ Михайловичъ, и схватился за голову.

Гонецъ, сдѣлавъ своё дѣло, отошолъ, выпилъ чарку водки, которую поднесла ему женщина, снялъ съ своей лошади сѣдло, переложилъ его на лошадь, которую ему подвели, сѣлъ, сказалъ: «спрощайте», и быстро поскакалъ изъ воротъ.

— Слышишь? — сказалъ Капитонъ Михайловичъ ключнику, вошедши въ горницу:—Оська ушолъ къ ворами! Насъ зовутъ въ осаду въ Саранскъ. А свадьба?

— Позвать попа да повѣнчаться скорѣе—сказалъ ключникъ:—да потомъ усадить Неонилу Филипповну да и бѣжать. Я васъ провожу.

— Куда бѣжать! Слышишь, въ осаду зовутъ! Это значитъ отъ царской службы хорониться. За это кнутъёмъ отшлёпають да помѣстье отымутъ.

— Э, бояринъ, кнутыя безъ сыску не бываютъ. Воры не будутъ долго стоять подъ Саранскомъ. Коли не возьмутъ они его въ два вечера, такъ значитъ Саранскъ отсидится; а мы тутъ и приѣдемъ, будто опоздали, умолимъ да умаслимъ воеводу. А не отсидится, такъ тогда и намъ паче всѣхъ бѣда будетъ: Осипъ будетъ главный заводчикъ, онъ поведётъ воровъ сюда отца-то не посмѣетъ тронуть, а Неонила Филипповна пропала. Пёсъ-Первушка всё узналъ и рассказалъ.

— Правда твоя; надобно спасать Невилу. Да какъ же вѣнчаться, когда шести недѣль нѣтъ?

— А что же дѣлать, коли ждать нельзя! Нужда законъ измѣняетъ. Поговори съ попомъ, что онъ скажетъ.

Недолго пришлось Капитону Михайловичу уговаривать попа. Честный отецъ не перечилъ: нѣтъ помѣхи ни въ родствѣ, ни въ кумовствѣ, а на шесть недѣль правила не написано. Почему не повѣнчать, коли за то дадутъ хорошую плату!

— Боже благослови!—сказалъ попъ.

И еще далъ такой благой совѣтъ Капитону Михайловичу: объѣзди ты четырехъ помѣщиковъ и зови ихъ на свадьбу, и у дѣтей боярскихъ, сосѣдей побывай и ихъ позови, и всѣмъ скажи, что «вотъ моль, хоть оно и необычно, да что же дѣлать! въ осаду зовутъ, а оставить бѣдную вдову одну—опасно; такъ я, моль, хотѣлъ всё равно жениться на ней, ужъ такъ порѣшилъ поранѣ повѣнчаться, и попъ де на такой случай разрѣшилъ.

Капитону Михайловичу осѣдлали лошадь, и онъ поѣхалъ звать сосѣдей на свадьбу, вмѣстѣ съ ключникомъ. Прежде всего заѣхали ко вдовѣ-невѣстѣ. Вдова была чрезвычайно рада, когда ей объявили, что свадьба послѣ завтра, въ воскресенье; а когда она спросила: отчего такъ скоро, не ждутъ шести недѣль — Капитонъ Михайловичъ началъ было вывѣртываться и выдумывать. Но Неонила Филипповна сказала:

— Мой милый, говори правду. Моё сердце что-

то чувствует. Говорятъ, воры подь Саранскъ подступаютъ? Правда ли этому?

— Да, свѣтикъ мой,—отвѣчалъ Капитонъ Михайловичъ:—насъ зовутъ въ осаду. Да не бось, послѣ свадьбы подумаемъ, идти ли въ осаду или уѣхать куда подалѣе; когда идти въ осаду, такъ лучше мы вмѣстѣ будемъ тамъ. А то какъ ты одна здѣсь останешься! Коли я самъ буду въ осадѣ, какъ бы воры сюда не пришли и надъ тобою дурна какого не учинили.

— А твой Оська... гдѣ онъ, что онъ? — спросила Неонила Филипповна, она уже что-то почувствовала и подозрѣвала.

Капитонъ Михайловичъ поблѣднѣлъ.

— Оська—сказалъ онъ, собравшись съ духомъ?— Оська не мой сынъ,—собачій онъ сынъ! Будь онъ отъ мѣня проклятъ! У меня нѣту сына! не поминай объ немъ никогда!

Капитонъ Михайловичъ уѣхалъ скликать гостей, а у Неонилы Филипповны начались свадебныя приготовления.

Капитонъ Михайловичъ пріѣхалъ въ домъ сосѣда. Самъ хозяинъ былъ на службѣ; въ домѣ оставалась жена съ двумя сыновьями-недорослями и бабка. По тогдашнимъ нравамъ, бабка была главное лицо въ домѣ. Капитонъ Михайловичъ, какъ лицо просящее чести, слѣзъ съ коня у воротъ и ввѣлъ его за узцы до крыльца. Бабка вышла къ гостю. Это была высокая, худая, сторбленная старуха, въ

огромной кикѣ, перевязанной бѣлымъ платкомъ, котораго шитые золотомъ концы, подвязанные подъ подбородокъ, развѣвались у ней на груди. Она подпиралась клюкой, болѣе для важности чѣмъ изъ необходимости. Капитонъ Михайловичъ поклонился ей до земли, и когда началъ просить быть посаженою матерью, она заартачилась.

— Ахъ вы грѣховодники! — сказала она. — Только что похоронилъ своё первое подружье; шести недѣль нѣтъ, какъ у тебя жена умерла, а у ней мужъ; чѣмъ бы душу строить да слезами поминать, а онъ ужъ за мірскія сласти! Да и до веселостей ли теперь, когда гнѣвъ Божій наступаетъ на насъ грѣшныхъ за наши беззаконія! Лихой, окаянный супостатъ Стенька Разинъ высылаетъ на насъ свои тѣмныя силы. Самъ человекъ и учёный и смышленный — вѣдь это что? Страшный судъ близко — вотъ что?

— Матушка моя, Прасковья Тихоновна! — сказалъ Капитонъ Михайловичъ: — не худое дѣло мы затѣяли, законъ святой, Богомъ установленный, принимаемъ. Что по воли Божіей моей супружницѣ смерть прилучилась, я душу ея буду строить пока вѣку моего; а въ домѣ, сама знаешь, матушка, нельзя безъ хозяйки: все пойдѣтъ врознь. Да и ей, вдовѣ, одной оставаться не пригоже.

— Охъ, охъ, охъ! оно правда, родимый, правда! Вотъ я и сама теперь подъ старость, чѣмъ бы Богу молиться да душу спасать, въ мірской суетѣ ут-

паю. А отъ чего, — хозяйки нѣтъ. Невѣстуха у меня больно неразумлива; говоришь ей, говоришь, инда горло пересохнетъ, вся изъ силъ выбьюсь, — не дѣлаешь по моему, какъ я ей велю. Слово грубое какъ-нибудь скажешь, сей часъ надуетъ губы, забываетъ, что я ей такое. Тото, родимый, времена вишь такія теперь стали, что молодья хотять разумнѣе старыхъ быть. Ну, пускай, дѣло хорошее хозяйку въ домъ взять, да зачѣмъ же такъ скоро?

— Затѣмъ,— сказала Капитонъ Михайловичъ: — затѣмъ такъ и скоро, что Божіе на насъ попущеніе. Зовутъ меня на защиту благочестиваго жительствова противу воровской смуты. Ъхать нужно, такъ я хочу скорѣе законъ принять, чтобъ было кому въ дому оставаться; а то всё дымомъ пойдѣтъ безъ жены. Сынишка впалъ въ непослушаніе, и невѣдомо гдѣ теперь. А какъ я женюсь да самъ на царскую службу пойду, такъ жена въ домѣ большая будетъ.

Старуха убѣдилась этими доводами, и согласилась быть посаженой матерью.

Оттуда поѣхалъ Капитонъ Михайловичъ къ другому сосѣду—просить его посаженнымъ отцомъ. Хозяинъ, получивъ указъ воеводы, снаряжался итти въ осаду: въ домѣ и на дворѣ была бѣготня, несли сухари, приготовляли вьючные мѣшки. Капитонъ Михайловичъ, какъ вошелъ въ домъ, тотчасъ сказалъ:

— Бью челомъ и земно кланяюсь! Вижу, что тутъ сборъ на службу царскую, и у меня тоже; только у васъ сынъ есть; Богъ далъ помощника и

намѣстника на старость, а у меня сынъ не въ меня пошолъ: не захотѣлъ отческой молитвы и благословенія, оставилъ меня одного, а самъ тягу далъ; на службу теперь самому приходится итти! Я попрошу васъ поѣдемъ вмѣстѣ. Только мнѣ не на кого дома бросить: одинъ я какъ персть; такъ я, помяся Богу да благословяся, задумалъ жениться. Чтò дѣлать! Шести недѣль нѣтъ, какъ умерла покойница, царство ей небесное, а вотъ приходится противъ обычая жениться. Просимъ покорно на свадьбу; попируемъ въ воскресенье, да сейчасъ и отправимся въ походъ.

Хозяинъ согласился безпрекословно быть у Капитона Михайловича посаженнымъ отцомъ.

Капитонъ Михайловичъ побывалъ еще въ двухъ помѣщичьихъ дворахъ, и тамъ согласились быть у него на свадьбѣ.

Жили за Нехорошевымъ въ деревняхъ дѣти боярскіе. Поѣхалъ къ нимъ Капитонъ Михайловичъ, и въѣхалъ онъ на дворъ къ одному (Капитонъ Михайловичъ былъ старше его статью, и потому прямо подѣхалъ къ крыльцу). Засталъ онъ тамъ другихъ сосѣдей—дѣтей боярскихъ. Они толковали, чтò имъ дѣлать: прослышали, что воры подходятъ къ Саранску: у нѣкоторыхъ были дѣти и братья въ осадѣ, теперь ихъ самихъ звали.

— Батюшка! — закричали они, увидя Капитона Михайловича.—Самъ Богъ тебя принесъ. Дай намъ совѣтъ.

— Вѣстимо, надобно ѣхать на царскую службу—сказалъ Капитонъ Михайловичъ:—а прежде поѣдете ко мнѣ на свадьбу. Въ воскресенье отпируемъ, а потомъ въ путь. Это дѣло будетъ.

Дѣти боярскіе съ большою радостью приняли эти предложенія.

Бдучи наваздъ, въ Нехорошевкѣ Капитонъ Михайловичъ во всеуслышаніе всѣмъ объявилъ, что у него свадьба въ воскресенье, и звалъ встрѣчнаго и поперечнаго обѣдать въ понедѣльникъ. Передъ вечеромъ воротился онъ въ усадьбу.

Разказавши ключнику и женѣ его своё путешествіе, Капитонъ Михайловичъ сказалъ:

— Ты будешь у меня дружкой, а ты—свахой.

— Да вѣдь мы, кормилецъ холопы, статочное ли дѣло говорить, чтобъ нашему рылу холопьюму такой чинъ занимать на дворянской свадьбѣ.

— Я вамъ дамъ сегодня же вольную, — сказалъ Капитонъ Михайловичъ.—Хоть вы и не хотѣли этого, да теперъ берите, а жить у меня будете неразлучно: мнѣ безъ васъ не жить. Капитонъ Михайловичъ сдѣлалъ этимъ совсѣмъ необычное для дворянина дѣло.

Х.

Еще до разсвѣта въ субботу бѣготня и суета показывали, что готовится важное въ домѣ. Взшло солнце; день былъ ясный, дворовыя бабы, бѣ-

гая по всѣмъ направлѣнiямъ, горланили свадебныя пѣсни. Въ поварнѣ готовили коровай. Ключница съ прислугой убирала сѣнникъ, гдѣ должна быть опочивальня для молодыхъ. Четыре холопа несли на носилкахъ сорокъ ржаныхъ сноповъ; ихъ положили на доски, сколоченныя вмѣстѣ и положенныя на толстыхъ столбахъ: эти доски служили кроватью; на снопы положили перины одна на другую, длинное изголовье и на него четыре подушки, по двѣ въ рядъ, обтянутыя алыми наволками съ золотою тесьмою и бахромою по окраинѣ; на простынѣ протянули два одѣяла, одно верху другого: одно голубое, другое камчатное красное, съ соболіною опушкою по окраинѣ. Надъ самой головой сваха поставила образъ въ позолоченномъ окладѣ. Подлѣ постели у изголовья поставили кадъ, насыпанную житнымъ зерномъ. Полъ устлали цыновками, а подлѣ самой кровати постлали ковѣръ. Столъ, стоявшій за кадью, укрыли персидскимъ ковромъ, поставили на нёмъ двѣ восковыхъ свѣчки и положили просфору.

Убравши сѣнникъ, сваха убрала столовую, гдѣ новобрачные должны были обѣдать послѣ вѣнца. Столы были разставлены подлѣ лавокъ, съ оставленіемъ проходовъ для сѣданія; напротивъ стоялъ поставецъ съ чарками, кубками и прочею посудою. Столы покрыты суконными скатертями синяго цвѣта съ золотою бахромою; лавки—полавочниками изъ толстой персидской камки зелѣнаго цвѣта съ золотою ото-

рочкою и кистями внизу. Въ почетномъ углу подъ образами приготовлено два мѣста для жениха и невѣсты, подложены толстыя подушки съ дорогильными наволоками, отчего сидѣвшіе на нихъ должны были казаться выше.

Капитонъ Михайловичъ цѣлый день провёлъ такъ же въ суетахъ. Но цѣлый этотъ день томило его что-то неизвѣстное, что-то странное, что-то такое, чего онъ опредѣлить не могъ. Къ вечеру это тревожное состояніе стало тяжелѣе; можетъ быть, въ нёмъ заговорила совѣсть; онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, и старался не думать объ этомъ. Онъ пригласилъ спать съ собою въ одномъ покоѣ ключника и велѣлъ сказывать себѣ сказку, и ключникъ началъ рассказывать, какъ богатырь доставалъ изъ за тридцать земель невѣсту-королевицу. Вдругъ раздался собачій вой да какой вой! и вслѣдъ за этимъ воемъ завыло и залаяло множество собакъ и закричали голоса: «держи, лови!» Капитонъ Михайловичъ вмѣстѣ съ ключникомъ выскочилъ изъ избы, повывскакивала и дворня.

— Что тамъ, что тамъ? — кричалъ съ крыльца встревоженный хозяинъ.

— Волкъ, волкъ пробѣжалъ черезъ дворъ! крикнулъ кто-то.

Не удалось ни поймать, ни убить волка. Во всёмъ селѣ кричали: «держи, лови!» Волкъ черезъ всё село пробѣжалъ; бросались на него собаки, бросались выскочившіе изъ избъ люди, схвативши съ просонья

что-попало, и не догнали волка. Прогулявшись по-
среди человеческого жилья, волкъ убѣжалъ въ лѣсъ.

— Ну, это не передъ добромъ!—сказалъ Капитонъ Михайловичъ,—не передъ добромъ!

Онъ вошелъ снова въ свою комнату, лёгъ на постель и читалъ молитву, а самъ дрожалъ. Нѣсколь-
ко времени было тихо; люди уснули, кое-гдѣ толь-
ко безмолвіе нарушалось ревомъ коровъ да лаемъ
собаки. Капитонъ Михайловичъ сталъ уже дремать.
Вдругъ раздается протяжный вой такъ близко, что
Капитону Михайловичу показалось какъ будто у не-
го подъ самымъ ухомъ.

— Что это? — вскрикнулъ Капитонъ Михайло-
вичъ,—гдѣ это пёсъ воетъ?

— Не похоже на пса!—сказалъ Герасимъ, и сталъ
рубить огонь.

Еще онъ не успѣлъ достать его, вой повторился,
и казалось какъ будто существо, испукавшее его,
сидѣло на огнѣ. Капитонъ Михайловичъ со страху
сталъ читать молитву: «да воскреснетъ Богъ». За-
жгли огонь. Ключникъ выбѣжалъ смотрѣть, что это
такое.

Въ саду возлѣ самага окна горницы, гдѣ спалъ
хозяинъ съ ключникомъ, вырыта была яма и въ ней
скорчившись лежала собака. Это былъ любимый пёсъ
Капитона Михайловича. Увидя подходящаго ключ-
ника, онъ вскочилъ, отбѣжалъ и вертѣлъ хво-
стомъ.

— Ахъ ты проклятый, чтобъ ты околѣлъ!—ска-

залъ ключникъ, и схвативъ дубину, хотѣлъ его ударить.

Собака отбѣжала и остановившись, протянула шею и опять жалобно завывла. Ключникъ погнался за нею, но собака убѣжала и исчезла между деревьями. Ключникъ воротился и рассказалъ Капитону Михайловичу.

— Яму вырыла?... яму вырыла!—говорилъ хозяинъ:—кому-то умирать? Мнѣ вѣрно, смерть... О... отъ кого же смерть?... Отъ сына! — прошепталъ онъ болѣзненно.

Утромъ, когда онъ всталъ, прибѣжалъ ключникъ и сказалъ, что изъ столовой, гдѣ устроено было мѣсто для свадебнаго пира, и изъ избъ ползутъ тараканы рядами, какъ будто войско идѣтъ на войну. Люди говорятъ, что это передъ пожаромъ. Потомъ, спустя нѣсколько времени, извѣстили Капитона Михайловича, что когда затопили печь на коровай, дымъ повалилъ изъ печи въ поваренную избу вмѣсто того чтобъ обычнымъ порядкомъ идти въ трубу.

— О, это просто бѣда!—говорили всѣ въ одинъ голосъ.—Это хозяина изъ дому выживають, значить—не жить тутъ хозяевамъ, вотъ это чтò! Либо пожаръ будетъ, либо хозяинъ умрѣтъ, или какое-нибудь лихо большое сложится, что теперь и узнать нельзя.

— Это всё къ пожару!—толковала старуха:—особенно что тараканы и мыши изъ дому идутъ; это безпремѣнно къ пожару!

Опасеніе у всѣхъ остановилось преимущественно

на пожаръ. Капитону Михайловичу при этой мысли даже стало легче: пожаръ для него хотя былъ бы бѣдствіемъ, но онъ ожидалъ такого удара, при которомъ пожаръ былъ бы благополучіемъ. «Отъ огня устеречись можно.» Ужь и это по крайней мѣрѣ утѣшило его. Онъ приказалъ припасти воды и поставить въ бочкахъ и кадкахъ по всему двору, приготовить вѣдра, приставить лѣстницы къ кровлямъ, чтобъ если загорится, можно было вскочить скоро и ломать кровлю.

— Смотрите у меня за огнёмъ!—кричалъ онъ:— отъ чьей оплошки бѣда будетъ, тому плохо станетъ.

Начали звонить къ обѣдни. Капитонъ Михайловичъ одѣлся въ свой лучшій кафтанъ, и пошелъ въ церковь. Туда пріѣхала и Неонила Филипповна, и стали они поодаль у разныхъ столбовъ, и стояли всю обѣдню, не смѣя взглянуть другъ на друга; а по окончаніи обѣдни, не подошли и не повидались между собою, и разъѣхались. Ключникъ проводилъ её домой, и переговорилъ съ тамошнею прислугою на счетъ свадьбы: она должна была начаться передъ вечернею. Возвращаясь отъ невѣсты, Герасимъ на дорогѣ встрѣтилъ сосѣдняго сына боярскаго, онъ скакалъ во всю прыть: ему путь лежалъ черезъ Нехорошевку, а онъ былъ уже давно на службѣ въ Саранскѣ. Ключникъ зналъ его лично, и встрѣтилъ, когда онъ вѣзжалъ въ село. Этотъ сынъ боярскій закричалъ:

— Собирайтесь всѣ, старые и молодые! выручайте... воры Саранскъ взяли!

Ключникъ обратился къ нему:

— Бога ради, не кричи такъ! Бога ради! вотъ тебѣ пять рублёвъ... поѣзжай въ свою деревню, куда хочешь; только тутъ не распускай вѣстей по Нехорошевкѣ. У насъ сегодня свадьба. Грѣхъ тебѣ будетъ испортить и остановить дѣло. Весь народъ всполошится, невѣста перепугается... Бога ради, поѣзжай отсюда и не кричи! Я самъ обдѣлаю безъ тебя. Свадьбу обвѣнчаемъ; тогда я самъ всѣмъ оповѣщу, и всѣ пойдёмъ на воровъ.

Къ счастью Герасима, не услышали люди крика сына боярскаго. Удовольствовавшись пятью рублями, онъ ускакалъ въ свою деревню черезъ Нехорошевку, не оповѣщая никому о томъ, что случилось въ Саранскѣ.

Неонила Филипповна стала убираться. Былъ и тогда ясный день. На деревьяхъ кое-гдѣ еще торчали красные и желтые листья; лёгкій холодъ проникалъ тѣло. По Нехорошевкѣ люди ходили и глазѣли, ожидая свадебной процессіи. По двору у Нехорошевцевъ стояли столы съ кусками хлѣба и братинами, изъ которыхъ провожающій молодыхъ людей долженъ будетъ испивать во здравіе новобрачныхъ. Въ понедѣльникъ будетъ настоящій обѣдъ, пиръ на весь міръ. Люди ожидали этой радости.

Вотъ часовъ около трёхъ, въ домѣ Неонилы Филипповны уже всё готово. Сама «молодая княгиня»

**

сидитъ за столомъ на алой подушкѣ; на ней голу- бой съ серебряными цвѣтами лѣтникъ, застѣгнутый мелкими и частыми мѣдными посеребрѣнными пугов- ками, къ рукавамъ пристѣгнуты широкія вошвы изъ чѣрнаго бархата, украшенныя вышитыми золотомъ листьями; воротникъ лѣтника, изъ черной бархатной тесьмы, усѣянной мелкимъ жемчугомъ, съ позоло- ченою бляхою по серединѣ, обвивалъ ея бѣлую шею; поверхъ лѣтника накинута камчатная красная шубка съ бобровымъ воротникомъ; на головѣ кика съ вы- сокимъ челомъ бѣлаго атласа, разшитая золотомъ, окаймлена мелкимъ жемчугомъ, спускалась назадъ черною бархатною шапочкой; въ ушахъ большія золотыя подвѣски въ видѣ паникадила съ мелкою бирюзою, сверхъ кики прозрачная фата—признакъ невѣсты. По правую руку у нея сидитъ сваха, же- на сосѣдняго сына боярскаго, повязанная поверхъ волосника бѣлымъ убрусомъ, сама въ зелѣномъ лѣ- тникѣ и въ красной парчевой душегрѣйкѣ, подби- той и окаймленной кунницами. По лѣвую сторону сидятъ боярыни. Отъ главной стѣны, у которой си- дѣла подъ окномъ невѣста, стояли скамьи; на пра- вой сторонѣ сидѣли посаженные отецъ и мать. На столѣ была постлана узкая бѣлая скатерть, а на ней еще меньшая такая же бѣлая; на этой скатерти по- ложена была перепеча, бѣлый сыръ, крѣпко отдав- ленный и выжатый творогъ, стояла серебряная со- лонка и перешница. У праваго угла стоялъ невѣс- тинъ дружокъ, длинноногій дворянскій недоросль, пле-

мянникъ старухи Проклы Тихоновны, изъ за природной глупости не ходившій на службу; онъ держалъ въ рукахъ мису, на которой разложены были гусочки мѣховъ, матерій, убрусы, деньги и посыпаны хмѣль и рожь. Налѣво противъ него стоялъ мальчикъ со свѣчкою, увитою золотыми тесьмами и разноцвѣтными ленточками.

Вотъ въѣзжаетъ на дворъ Неонилы Филипповны поѣздъ жениха. На повозкѣ сидя, двое холоповъ держали огромный коровай, а двое возлѣ нихъ сидѣли одинъ со свѣчкою, украшенною лентами, другой съ фонаремъ. За этой повозкой ѣхали свадебные гости верхомъ, женщины въ колымагахъ— одна за другою гуськомъ; подлѣ нихъ женихъ верхомъ. Конь подъ нимъ былъ покрытъ двумя чепраками одинъ сверхъ другого, такъ что вышитые золотыми листьями края нижняго чепрака съ бахрамою выглядывали изъ-подъ верхняго, на которомъ по черному полю вытканы были серебряные львы, драконы и грифы; на этомъ чепракѣ лежало небольшое сѣдло съ подушкою изъ персидскаго затканнаго золотыми листьями сафьяна; лука сѣдла была позолочена; на мордѣ коня надѣто было множество уздечекъ, цѣпочекъ и маленькихъ бубенчиковъ, такъ что при каждомъ шагѣ коня морда его издавала смѣшанные звуки. Женихъ сидѣлъ въ куньей шубѣ съ собольимъ отложнымъ воротникомъ, покрытой бѣлой объярью, а изъ-за воротника выглядывалъ разшитый золотомъ и унизанный жемчугами высокий

стояцій воротникъ, пристѣгнутый къ кафтану, то что называлось ожерелье; на головѣ у него былъ высокій остроконечный колпакъ, суконный черный, съ прорѣзомъ на передней сторонѣ, куда вставлено было два доскута вышитыхъ золотомъ поперѣкъ положенныхъ полосъ съ продольнымъ, раздѣляющимъ ихъ на двѣ половины доскутомъ краснаго цвѣта, украшеннымъ жемчужинами. Золото, жемчугъ и камни, которые были въ такомъ изобиліи въ нарядѣ Капитона Михайловича, какъ и вообще въ нарядахъ тогдашнихъ дворянъ, не были высокаго достоинства, но довольно было что они блестяли. Капитона Михайловича сопровождалъ дружокъ—ключникъ Герасимъ, одѣтый въ кафтанъ, принадлежавшій Капитону Михайловичу и подаренный ему только передъ поѣздомъ.

Когда поѣздъ пріѣхалъ, свѣчники и коровайники, сошедши съ повозокъ, первые вошли въ домъ и остановились у дверей. На встрѣчу жениху вышли посаженные отецъ и мать съ образомъ и хлѣбомъ. Капитонъ Михайловичъ приложился къ образу и хлѣбу. Невѣста привстала; дружокъ повелъ Капитона Михайловича сажать подлѣ невѣсты. Еслибъ невѣста была дѣвица, то слѣдовало бы подлѣ нея сидѣть какому-нибудь другому лицу, и это лицо должно было приподняться, и на его мѣсто слѣдовало посадить жениха; но она была вдова. Того, кто недавно могъ загородить къ ней дорогу Капитону Михайловичу, уже не существовало. Когда Капитонъ

Михайловичъ сѣлъ подлѣ нея на одну съ ней подушку, тяжелыя воспоминанія тѣснились ему въ грудь, и спиралось у него дыханіе.

Когда они сидѣли вмѣстѣ, дружокъ рѣзаль перепечу и сыръ, положилъ куски ихъ на мису, гдѣ были разныя вещи, и отдалъ другому, который подавалъ подружію. Подружія держалъ мису, а дружокъ бралъ изъ нея куски перепечи и сыра и раздавалъ всѣмъ присутствовавшимъ, а потомъ началъ раздавать убрusy, лежавшіе на мисѣ,—сначала жениху, потомъ его дружкѣ, а далѣе всѣмъ его поѣзжанамъ. Послѣ того дружокъ отдавалъ мису свахѣ, и та брала горстями мелочь, начиная отъ мѣховыхъ кусочковъ до листьевъ хмѣля, и бросала всѣмъ присутствующимъ на свадьбѣ, и тѣ подхватывали что поспѣвали схватить. Во всё это время холопы разносили кушанья, но никто ничего не бралъ; обнесши всѣхъ, понесли другое, и къ другому никто не прикоснулся; потомъ появилось третье, но ему суждено только появиться и исчезнуть, ибо какъ только оно появилось, тотчасъ дружокъ обратился къ посаженнымъ и провозгласилъ: «благославите молодыхъ къ вѣнцу везти.» Посаженыя встали. Женихъ и невѣста также встали; ихъ для важности подводили подъ руки. Они поклонились до земли, посаженныя благословили ихъ образомъ и хлѣбомъ, а они поцѣловали образъ и хлѣбъ. Дружокъ жениковъ вышелъ первый, за нимъ послѣдовалъ женихъ, а потомъ всѣ его поѣзжане. Передъ крыльцомъ стоялъ конь, на которомъ онъ пріѣхалъ, но

на конѣ, по обычаю, сидѣль уже другой; какъ только Капитонъ Михайловичъ явился, этотъ другой слѣзъ съ коня и пособилъ жениху сѣсть на своего коня. Шествіе двинулось.

Когда жениховъ поѣздъ уже вѣзжалъ изъ двора, тогда начался поѣздъ невѣсты. Вынесли впередъ ея свѣчу, потомъ вышли боярыни, а за ними и невѣста; сваха вела её подъ руку. Къ крыльцу подѣхала колымага; въ ней, какъ и на жениховомъ конѣ, сидѣло другое лицо, долженствовашее уступить мѣсто невѣстѣ, какъ только она явится. Неонилу Филипповну ввели въ колымагу, гдѣ противъ главнаго мѣста, на которомъ она сидѣла, было ниже другое,—тамъ сѣла сваха и съ нею одна изъ сидячихъ боярынь. Кони, украшенные бляхами, цѣпочками, бубенчиками, кусочками мѣховъ и разныхъ матерій, двинулись, издавая звуки. Когда невѣста выѣхала, за нею вслѣдъ потянулись другія колымаги, гдѣ сидѣли гости, а мужчины ѣхали верхомъ.

Женихъ поспѣшилъ пріѣхать въ церковь прежде. У паперти онъ слѣзъ съ коня, и коня этого тотчасъ повели всторону; вслѣдъ за тѣмъ подѣхала колымага невѣсты, и когда невѣста вышла, колымагу отвели туда, гдѣ стоялъ конь Капитона Михайловича, и наблюдали, чтобъ никто не прошелъ случайно между конемъ жениха и колымагою невѣсты, считая это дурнымъ знакомъ. Женихъ дождался невѣсты на паперти; они вмѣстѣ вошли въ церковь и стали у наоя.

Совершилось вѣнчаніе. Священникъ, по обычаю, велѣлъ поцѣловаться новобрачнымъ, и послѣ этого поцѣлуя, новобрачная наклонилась къ ногамъ жениха, а тотъ прикрылъ её полою платья. Это символически означало первенство, которое, по праву, предоставлено церковью мужу надъ женою. Дали пить новобрачнымъ вино изъ деревянной чаши; мужъ и жена отпили три раза, передавая одинъ другому по очереди; въ заключеніе Капитонъ Михайловичъ опорожнилъ всю чашу и ударилъ её съ силою объ землю, а Неонила Филипповна первая поспѣшила накрыть её ногою; Капитонъ Михайловичъ вслѣдъ за нею раздавилъ эту чашку каблуками своего сапога и произнёсъ: «чтобъ такъ потоптались тѣ, которые станутъ между нами учинять ссору!» Это повторили окружающіе, и всѣмъ бросилось въ глаза, что первая дотронулась ногою до брошенной чаши жена: это было предзнаменованіе, что жена будетъ имѣть первенство надъ мужемъ.

При выходѣ изъ церкви, сваха осыпала новобрачныхъ хмѣлемъ, сѣменами льна, конопли, ржи и мелкими серебряными деньгами. Близъ паперти Капитонъ Михайловичъ сѣлъ на своего коня, а Неонила Филипповна въ свою колымагу. Оба поѣзда отправились въ домъ Капитона Михайловича. Уже стемнѣло. Толпа народа бѣжала вслѣдъ за ѣхавшими и кричала; женщины пѣли свадебныя пѣсни и били въ мѣдную посуду и желѣзныя доски, а мужчины играли на волынкахъ и свистѣлкахъ.

У дверей столовой избы ожидали посаженные Капитона Михайловича. Новобрачные поклонились до земли и получили отъ нихъ благословеніе. Ихъ посадили вмѣстѣ. Гости усѣлись за столами. Большое мѣдное паникадило съ семью восковыми свѣчами, заправленными въ два высокихъ подсвѣчника, державшихся на длинныхъ выходившихъ горизонтально изъ центра ручкахъ, разливали свѣтъ, а на столѣ горѣли такія же свѣчи въ «струнныхъ» (проволочныхъ) подсвѣчникахъ, бывшихъ въ большемъ употребленіи въ тѣ времена.

Только что молодые усѣлись, ключникъ, онъ же и дружка, соединяя теперь въ себѣ кстати обѣ должности, сталъ распорядиться о подачѣ кушаньевъ съ чрезвычайною быстротою. Не успѣли обнести гостей однимъ кушаньемъ, не успѣли гости взять что-нибудь, какъ является другое. Женщины въ сѣняхъ поютъ между тѣмъ свадебныя пѣсни. За другимъ кушаньемъ немедленно является третье, и въ то же самое время ключникъ подходитъ къ столу, за нимъ слуга несётъ жареную курицу... Дружка взявъ её, обернулъ скатертью, повернулся къ посаженнымъ и закричалъ громко: «благословите молодыхъ опочивать вести!» Тѣ произнесли: благослови Богъ!

Новобрачные встали, поклонились посаженнымъ и пошли къ дверямъ. Сваха забѣжала впередъ, накинула на себя вывороченный вверхъ шерстью тулупъ и стала съ мисою, гдѣ наложено было всякой всячины: зерна, хмѣлю, денегъ, кусочковъ ма-

терій; ей слѣдовало осыпать молодыхъ у дверей сѣнника, и она поспѣшила туда. Вперёдъ никто не пошелъ туда за молодыми кромѣ дружка. Гости, оставшіеся въ столовой, принялись ѣсть, пить и балагурить. Холопы разставили изъ поставца братины, ковши, корцы, кубки, чарки и щедро наливали разныя сорта мѣдовъ, которыми тогда щеголяли зажиточные хозяева: тутъ были меды, ставленные на малинѣ, чѣрной смородинѣ, вишняхъ, барбарисѣ, чрезвычайно вкусныя и чрезвычайно пьяныя и тяжелыя, потому что кромѣ мѣду и ягодъ, туда клали большое количество хмѣлю. Были и заморскія вина, но не въ большомъ количествѣ. Гости поднимали чаши и кричали: многія лѣта! другія отпускали разныя доказательства своего остроумія и находчивости. На дворѣ толпу приходящихъ изъ простаго деревенскаго народа угощали хлѣбнымъ виномъ и хлѣбомъ, и говорили, чтобъ всѣ, кто хочетъ, приходили завтра: «будетъ де отъ молодыхъ пиръ на весь мѣръ».

Прошло послѣ того часа два. Гости были сильно пьяны. Потерялась уже чопорность въ обращеніи между пѣлами. Женщины стали плясать и выдѣлывать разныя двусмысленныя тѣлодвиженія, а мужчины около нихъ притопывали да глазами подмигивали, а иные осмѣлившись, хватали ихъ уже за станъ и за груди. При общей суматохѣ, посуда лежала на полу, и холопы подбирали её, чтобъ случайно пьяные не испортили чего-нибудь. Двери были настѣжъ отворены, и когда нѣкоторые

изъ гостей, отягченные нѣсколькими кубками крѣпкихъ мѣдовъ, лежали на лавкахъ, другіе вышли на дворъ и тамъ на просторѣ и холодномъ воздухѣ раздольнѣе пѣли, кричали и плясали, а инныя пары, казалось будто отъ хмѣлю, уходили отъ людей подалѣе: Никто ни обращалъ тогда на нихъ вниманія: на свадьбѣ позволялось то, чего никакъ не позволялось въ другое время; тутъ можно было избѣгнуть наблюденій, да и прощалось, если узнавали: «на то веселый часъ, говорили,» далеко ли до бѣса! чтò дѣлать!» Объ хозяевахъ какъ будто забыли: всѣ были увѣрены, что имъ теперь очень-очень пріятно и покойно.

Въ самый разгаръ свадебной оргіи, вбѣгаетъ въ дворъ запыхавшись верхомъ сынъ боярскій, прибѣжавшій сюда изъ Саранска, и кричитъ:

— Эй вы, бражники, пьяницы! Чтò съ-дуру свадьбу справляете? окатите скорѣе водою пьянымъ головою, да беритесь за сабли и ружья. На васъ идутъ воры изъ Саранска!

Какой-то пьяный гость, отставной сынъ боярской, только что ораторствовавшій передъ неслушавшею его толпою о своихъ подвигахъ противъ татаръ, обратился къ нему:

— Ты вѣрно самъ воръ, сюда пришолъ. Ну такъ мы тебя свяжемъ да посмотримъ, чтò ты такое; коли ничего... добрый человекъ—пить заставимъ, а худой, ну, тогда не прогнѣвайся... въ Саранскъ къ воеводѣ отвеземъ!

— Да какое тутъ Саранскъ и воеводы! опомнитесь! Знаете, что воеводы уже на свѣтѣ нѣтъ; Саранскъ воры взяли, а здѣшняго господина сынъ Оська у нихъ заводчикомъ атаманомъ, ведётъ сюда воровъ, батюшку своего хочеть карать: проклятый осерчалъ, что батюшка женится; а вы на свадьбу сюда затесались! Бѣгите скорѣе! Я былъ въ Саранскѣ самъ, какъ городъ взяли; меня увели воры неволею, а я отъ нихъ съ дороги убѣжалъ да вамъ прибѣжалъ сказать. Пойдите за вѣру правую, за службу царскую; а я поѣду въ сосѣдній городъ давать знать, чтобъ на воровъ высылку послали; ихъ человекъ всего полтора ста будетъ; поднимите всю деревню, такъ можно постоять, пока ратные подвернутся.

Въ толпѣ гостей раздались несвязные крики. Одинъ изъ нихъ завопилъ:

— Гдѣ отецъ? полно ему прохлаждаться съ молодую женою! Будите его, пусть выходитъ, пусть намъ совѣтъ даётъ! Бѣгите въ сѣнникъ скорѣе, поднимайте его!

— Да поднимать некого! откликнулся холопъ:— нѣтъ ни мужа, ни жены!

— Какъ такъ, гдѣ жъ они? закричала толпа.

— Наше дѣло холопье, подневольное,—сказалъ холопъ: что велятъ, то мы и дѣлаемъ. Приказъ намъ отъ ключника стоять на заднемъ дворѣ и никого туда не пускать,—мы и стояли. Миронъ конюхъ запрѣгъ пару лошадей въ колымагу, а туда

*

ключникъ заранѣе положилъ что поцѣннѣ; и подѣхала колымага на задній дворъ; сѣлъ бояринъ съ боярынею въ колымагу; и ключникъ съ своей женой сѣли; да и поѣхала колымага; а намъ какъ не приказано говорить, тамъ мы и не говорили доселева,—боялись: люди мы подневольные, не знали къ чему оно дѣется.

— Ахъ онъ пёсъ! закричали гости. — Пронюхаль, видно, бѣду себѣ да и улепетнулъ, а насъ тутъ оставилъ своему псу на поруганіе! Не случись добраго человѣка, такъ бы насъ тутъ и накрыли воры, и хмѣльныхъ до смерти побили!

— Видно, такъ! сказалъ холопъ. — Намъ-то не вдогадку было, зачѣмъ это они уѣхали.

Несмотря на то, что холопъ этотъ повторялъ нѣсколько разъ, что ихъ дѣло холопье подневольное,—онъ всё-таки получилъ зуботычину.

— Что же дѣлать? кричали гости:—стоять здѣсь и давать отпоръ, чтоль?

— Насъ мало, ничего не сдѣлаемъ!

— А бабъ нашихъ куда дѣнемъ?

— Надобно бѣжать, да людей поднимать по сосѣдству.

Много было совѣтовъ, криговъ, доходило до брани. Наконецъ всѣ кинулись—кто до своего верхового коня, кто до колымаги, усадили женщинъ, пьяные возницы наѣзжали другъ на друга,—смятеніе было неописанное. Верховые высочили изъ двора и понеслись въ страхъ во всѣ стороны, поѣхали

колымаги не домой, а въ поле и въ лѣсъ. Двое мужчинъ и двое женщинъ лежали на лавкахъ въ столовой пьяные, и спали; ихъ будили, но они не поняли ничего, а каждому было не до нихъ; даже одной женщины мужъ, не растолкавши своей жены, закричалъ, чтобъ её вынесли и облили водою, а самъ, не дожидаясь этой операціи, бѣжалъ безъ оглядки на верховомъ конѣ изъ двора. Дворня и бывшіе тутъ крестьяне Нехорошева стали въ кружокъ на дворѣ.

— Что жъ намъ дѣлать? говорили они.

— Вѣстимо, что! сказали другіе. — Наше дѣло подневольное: коли насъ оставилъ бояринъ, такъ что же намъ за него стоять! Приѣдетъ свой молодой бояринъ Осипъ Капитонычъ. Что у нихъ съ отцомъ то не наше дѣло разбирать, а намъ онъ свой былъ! Поклонимся ему хлѣбомъ-солью, скажемъ: ради служить; не вели, бояринъ казнить; помилуй и пожалѣй!

— Дѣло, такъ! закричало множество голосовъ и мужескихъ и женскихъ.—Противъ него пойдѣмъ—пропадѣмъ всѣ, а покоримся—цѣлы останемся: онъ самъ не дастъ насъ ворама въ обиду.

И вотъ послышался конскій топотъ, ближе, ближе, раздались крики: «нечай, нечай! воля! воля!»

XI.

Толпа человекъ во сто прискакала верхами ко двору Нехорошева. Дворня съ крестьянами выстрои-

лась передъ воротами и держала фонари. Мѣсяцъ тогда зашолъ; стало темно. Осипъ ѣхалъ впереди толпы своей, подѣхалъ къ воротамъ и закричалъ:

— Здравствуйте! Вышли биться со мною, или кориться мнѣ хотите?

— Нѣтъ, родимый кормилецъ! сказала дворня, и кланялась въ землю.—Коримся! твоя воля надъ нами: не губи напрасно своихъ холопей!

— Какіе тутъ холопи! закричалъ Осипъ. — На то мы идѣмъ, чтобъ на Руси холопству болѣе не бывать! ни холопей, ни бояръ не будетъ: всѣ вольные казаки! Добрымъ людямъ добро, всѣмъ обиженнымъ—правда и льгота, а лихимъ—кара! Подавайте сюда батюшку на расправу!

— Уѣхалъ, кормилецъ, нѣтъ его!

— Уѣхалъ? какъ вы его спровадили! прослыхали, что я буду, и спасли его! Такъ то вы коритесь! Куда уѣхалъ, говорите? Бѣгите за нимъ, доставьте мнѣ его сюда! а не тѣ—онъ обнажилъ саблю—я съ васъ головы снимаю, если вы не скажете гдѣ онъ!

— Не знаемъ, родимый, святъ Богъ—не знаемъ! кричали дворовые.—Какъ обвинчались, ответили его въ сѣнникъ, а ключникъ тайно вывелъ изъ сѣнника, посадилъ въ колымагу съ молодой боярыней и увѣзъ, а куда—не знаемъ. Вотъ они стояли на заднемъ дворѣ, стерегли какъ уѣзжали.

Но тѣ, которые стерегли задній дворъ, хотя бы и хотѣли открыть правду, да не могли, только объ-

яснили, что колымага уѣхала по той дорогѣ, которая идётъ въ лѣсъ, а куда повернула—они того не знаютъ... чають—сѣхала на большую Арзамаскую дорогу, оттолева версты съ три; а можетъ быть къ Низу, въ Пензу поѣхали...»

— Къ низу они не поѣдутъ! сказалъ Осипъ. — Пенза уже у нашихъ... Они навѣрное повернули къ верху, а не къ низу; но тутъ много помѣщиковъ, у кого-нибудь спрячутся, пожалуй.... Надобно ихъ перетрясти всѣхъ: одинъ конецъ... А можетъ быть они поѣдутъ прямо по Арзамаской дорогѣ. Теперь бы за нимъ пуститься, такъ еще догнали бы.

— Э, каковъ молодець! сказалъ кто-то изъ воровскихъ козаковъ:—больно прытокъ! Чтò мы, холопи тебѣ дались, чтò ли? Надъ заповѣднымъ твоимъ дѣломъ будемъ работать, бѣгать какъ угорѣлые? Лошади у насъ потомились, чай надо покормить; да и самимъ, отдохнуть у тебя въ гостяхъ; а ты, вотъ, хозяинъ: ты угости-ка насъ почестно!

— Чтò, атаманъ! сказалъ кто-то:—ты ужь своего добра жалѣешь на братью.

— Братцы!—сказалъ Осипъ:—не жалѣю я этого добра: всё въ дуванъ отдаю, и усадьбу проклятую засжемъ, пусть ея и слѣду не останется за ту неправду, чтò въ ней дѣлалась. Я больше не дворянинъ, я просто—вольный казакъ, какъ и всѣ вы, братцы!

— Молодець! сказали другіе. — Вишь, здѣсь свадьба была... вотъ и мы пріѣхали попить.

Да гдѣ же гости? Чтò, это они отъ насъ всѣ вѣлѣсь ушли видно?

— Всѣ разбѣжались, сказалъ кто-то изъ дворни:—сынъ боярской, чтò былъ съ вами, крискакалъ сюда и разсказалъ.

— Это Злоба! сказалъ кто-то:—это онъ, собачий сынъ! кабы поймать, кипяткомъ облить!

— А попъ, чтò вѣнчалъ, гдѣ онъ? спросилъ Осипъ.—Сыщите хотя его да подайте мнѣ на расправу! Не бось, батька еще не успѣлъ ему заплатить за вѣнчанье, такъ я заплачу. Ну, братцы вольные казаки, потѣшайте свои души, пейте, гуляйте, прохладжайтесь: для васъ отецъ припасъ яствы и питья медвяного. Нежданпые весѣлые поѣзжане. Пейте, гуляйте, а потомъ поскачемъ карать неправедныхъ всѣхъ; и кого попадѣмъ, чтò по неправдѣ творилъ, пощады никому не бывать! кто неправду творилъ,—кровь ли неповинную лилъ, вѣкъ ли чужой заѣдалъ, людей подначальныхъ мучилъ, — всѣхъ на расправу! — А вы, вы заячьи души! сказалъ Осипъ, обратившись къ холопамъ:—стоило бы васъ!... вы пустили злодѣянiю совершиться! А! зачѣмъ, когда отецъ убилъ матушку, зачѣмъ тогда вы всѣ не побѣжали съ этого проклятаго двора? зачѣмъ не ударили въ колоколь, весь мiръ зачѣмъ не созвали, зачѣмъ мiромъ челобитной не подали? зачѣмъ служили злодѣю? Не памятаете вы, чтò для васъ матушка была, какъ васъ кормила, поила, жаловала? На осину бы васъ вздѣрнуть всѣхъ, уды гнилые!

Да я васъ прощаю! Теперь вы всё вольные; пойдёмъ вмѣстѣ съ нами другимъ волю доставать! Ударьте въ колоколь, сзывайте крестьянъ... Кто хочетъ, бери коня, сѣдай, вьючь, за нами поѣзжай!

Дворня бросилась опроретью, и хватала оружіе изъ кладовой Капитона Михайловича. Осипъ сошолъ съ коня, приказаль его покормить, и пошолъ пѣшкомъ къ церкви. Тамъ молодець уже звонилъ въ одинъ край въ колоколь. Другіе бѣгали по селу и зазывали Нехорошевецевъ. Осипъ пришолъ къ могилѣ матери. Чувство мести смѣнялось чувствомъ тихой грусти.

— Матушка родная! говорилъ онъ: — не довелось мнѣ тебя увидѣть... не довелось благословиться отъ тебя, и нѣтъ на мнѣ твоего благословенія! Съ небесъ ты смотришь на меня, и проклинаешь. Не проклинай меня, родная! Злой отецъ отнялъ тебя у меня, злой отецъ погубилъ мою душу... Нѣтъ мнѣ возврата и не будетъ; и не хочу я его. Правды нѣтъ на свѣтѣ: кривда царствуетъ; не хочу слушать кривдѣ, буду правду кривдой бить. Знаю: не долго мнѣ на свѣтѣ жить: не наживѣтся тотъ, кто противъ царя идѣтъ. Да зачѣмъ же съ нами его слуги неправедно чинять!... Матушка, матушка! не проклинай меня, не проклинай меня! Я за твою обиду пошолъ, не стерпѣлъ твоего лиха! Матушка, слышишь ли ты?... Сыра земля надавила тебѣ бѣлыя груди! Придѣтъ время, — встанешь ты, встану и я: тогда Богъ разсудить...

Онъ утёръ слезы, отошолъ отъ могилы. Видить—
ведуть къ нему попа.

— Атаманъ, сказали ему: — вотъ онъ, попище-
то, чтò тебѣ нужно! это онъ самый!

— Ну-ка, батька, доплатить тебѣ надобно! Рас-
плачусь я съ тобой честью, отче!

Священникъ повалился въ ноги и умолялъ о по-
щади, поминалъ малыхъ дѣтушекъ. Осипъ отвѣ-
чалъ ему:

— Коли тебѣ своихъ дѣтей жаль, надобно было
чужихъ жалѣть! Вы, попы, на то поставлены, чтобъ
насъ, простыхъ людей, на умъ наставлять, миръ и
согласіе содержать, а неправду обличать; знаючи,
что батюшка обижаетъ матушку, жену свою бого-
данную бѣтъ, ругается надъ нею, ты зналъ, и не
заступился за матушку... Потомъ, когда батюшка
извѣлъ матушку, ты покрылъ его злодѣйство: чѣмъ
бы самому заявить про это, искъ начать, ты повѣн-
чалъ отца, и на свадьбѣ у него гулялъ; а свадьба
была съ тою, чтò сама извела своего мужа. Развѣ
такъ тебѣ святые отцы повелѣли творить по свя-
щенству! Достоить ли тебѣ быть попомъ? Правды,
видишь, нѣтъ на Руси! Кого обидятъ, тотъ управы
не сыщеть, а обидчикъ вездѣ подмогу найдѣтъ. Не-
повиннаго попирають, злодѣя возносятъ! нѣтъ прав-
ды въ законѣ. Мы теперь самовольно и безъ зако-
на будемъ правду чинить. Вотъ за твои дѣла тебѣ—
смерть. Братцы, вздѣрните его на колоколь!

Козакъ схватилъ попа, закинули верѣвку на коло-

кольну. Попъ кричалъ пронзительнымъ голосомъ, — его удавили. Осипъ, не дожидаясь его смерти, пошолъ снова въ усадьбу. По всему двору и около двора лошади ѣли овёсъ и сѣно; вездѣ пили и кричали воры. Осипъ вошолъ въ столовую. На полу лежали двѣ женщины въ безобразномъ положеніи: кики съ нихъ были сбиты, лѣтники на нихъ были разодраны; полуобнаженные, полумертвые отъ страха и стыда; одна лѣтъ подь сорокъ, жена сосѣдняго сына боярскаго была въ совершенномъ безпамятствѣ. Надъ ней стоялъ пьяный молодець и держалъ камышину, начинённую порохомъ... Осипъ догадался, что затѣваетъ молодець, выхватилъ у него изъ рукъ камышину и закричалъ:

— Не дѣлать этой пакости! Я не велю!

— А отчего бы это такъ!—спросилъ нагло молодець.

— Грѣхъ мучить людей и наругаться. Коли кто виненъ, петлю ему на шею, или камень да въ воду—одинъ конецъ! А мучить не слѣдуетъ! Баба эта ничѣмъ невиновата.

— Батюшки, отцы родные! зарѣжьте меня, однимъ разомъ покончите!—проговорила жалобно другая, лежавшая на полу же, молодая невѣстка той старухи, что была посаженой матерью у Капитона Михайловича. Мужъ ея отправился подь пьяну руку съ женою сына боярскаго, а свекровь ея всполошилась и убѣжала въ чужой колымагѣ... Бѣдная осталась тутъ. То была женщина лѣтъ тридцати,

не дурна собой, вся въ крови и въ синякахъ, волосы были вырваны, зубы вышиблены. Она была связана.

— Пустите ихъ обѣихъ, сказалъ Осипъ: — развяжите ихъ. Коли намъ быть съ такою жесточью, то за нами не пойдётъ народъ; а намъ нужно, чтобъ люди правду нашу видѣли и къ намъ приставали, мы виноватыхъ, злодѣевъ, грабителей, утѣснителей народныхъ казимъ, а невинныхъ не тронемъ.

Удальцы стали было сопротивляться, но Осипъ поглянулъ на нихъ грозно, ударилъ рукою по саблѣ и сказалъ:

— Коли словъ добромъ не слушаете, такъ я васъ вотъ этимъ на разумъ наставлю! Дайте имъ прикрыться! У покойницы матушки много было платьевъ.

Но ему объявили, что всё уже подуванили.

— Нечего дѣлать! сказалъ Осипъ:—приходится имъ, бѣднымъ, итти чуть не нагишомъ по холоду. Запрягите имъ телѣгу, слышите?!

Женщинъ развязали. Онѣ не могли ходить: надобно было ихъ нести. Та которая была постарше, пришла въ чувство и взглянула направо... тамъ лежали подъ столомъ двое мужчинъ.

— А это кто? спросилъ Осипъ.

Онъ поднёсъ свѣчу къ лежащимъ,—они были мертвы: у нихъ были размозжены головы... Женщина постарше узнала своего мужа, и закричала. Её вынесли и положили вмѣстѣ съ другою на телѣгу, и повезли со двора.

Осипъ вышелъ изъ столовой и на противоположной сторонѣ двора услышалъ крики, ругательства и женскіе вопли.

— Что это? сказалъ онъ, и подошелъ. Тамъ была толпа народа: воры принялись за дворовыхъ бабъ, а мужья и отцы не давали ихъ на поруганіе. Тутъ Осипъ махнулъ саблею и закричалъ:

— Оставьте!;

— Да что, оставить... оставить... Не даёшь намъ погулять—повеселиться!—говорили козаки. — Что, эти дураки бабъ не даютъ намъ... Цѣлы будутъ бабы: назадъ отдадимъ!

— Эти люди теперь наши! сказалъ Осипъ. — Они въ козачество поступили, они намъ братья. Ино дѣло съ недругами: можно погулять и поглумиться надъ ними; а вѣдь это свои... Что жъ если надъ вашими жонами начнутъ чинить поруганіе? каково будетъ вамъ?

— У насъ бабъ не было, и не будетъ, закричалъ какой-то пьяница.—Вотъ еще, съ бабами возиться! Да еслибъ у меня была баба, я бы ей голову срѣзалъ!

— Да развѣ мы, сказалъ Осипъ—на то идёмъ, чтобъ людей зря обижать? А знаешь ли ты, какъ батюшка Степанъ Тимоѣевичъ наказывалъ въ Астрахани козаковъ за безчинства, что творили надъ жонами посадскими, когда ихъ мужья уже пристали къ козачеству! Отважся кто тронуть бабу—сейчасъ изрублю!

— Ой ли? сказалъ гордо подбоченясь молодецъ.

— Батюшка родимой! кричали бабы безъ вики, съ растрепанными волосами—обезчестили, опростоволосили! Я мужняя жена, вышла замужъ — никто моихъ волосъ не видалъ, а они мои волосы открыли!

— Кто? Кто её опростоволосилъ? спросилъ Осипъ.

— А хоть бы я? сказалъ тотъ же удалецъ. — Чтò же ты мнѣ сдѣлаешь? А ты дворянскій сынъ— вотъ чтò! Ты думаешь, боюсь я тебя!

— Не дворянскій сынъ! кричалъ Осипъ:—я отъ своего дворянскаго отечества передъ вами отрѣкся. Я у васъ по выбору атаманъ, чтобъ рядъ держать. Такъ вотъ ты когда ряду не знаешь, безчинствуешь, то я тебя казню за это! Братцы, соберитесь въ кругъ, судить будемъ; либо съ меня атаманство снимите, либо дѣлайте такъ, какъ я велю, бойтесь меня, и пока я надъ вами атаманъ, буду казнить всякую неправду. За то, что ты опростоволосилъ бабу—жену не недругову, не соностатову, а такого же козака, какъ ты самъ—за это ты довѣлся смерти.

Съ этимъ словомъ онъ перекрестилъ саблею козака, и раздѣлилъ его на четыре части... Козаки отшатнулись въ страхъ, и сознавши, что Осипъ былъ правъ, не смѣли сказать ни слова. Отошедши отъ нихъ и помолчавши немного, Осипъ сказалъ:

— Теперь, братцы, садитесь на лошадей, ѣдемъ въ погоню.

— Атаманъ, сказалъ одинъ козака, съ дикимъ

ввглядомъ,—твой рядъ, твоя правда; только нашъ рядъ и наша правда въ томъ, что хотимъ—съ тобою ходимъ и коримся тебѣ во всёмъ, а не захотимъ—отойдёмъ отъ тебя. Вотъ теперь мы вышли изъ Саранска до Нехорошева, а у насъ не было ряду идти далѣе лѣсу; стало быть теперь кто хочетъ, пойдётъ съ тобою, а кто не хочетъ—воротится въ Саранскъ. Я не хочу ходить съ тобою; можетъ быть, и другіе найдутся что не захотятъ. Ты больно грозенъ: мы вернёмся къ Харитонову.

— Вы дѣлаете не по правдѣ, сказалъ Осипъ.— Когда вы атаманомъ меня выбрали, то должны ходить за мною, куда я поведу васъ; а не хотите,— прежде меня съ атаманства сбросьте. Вотъ что!

— Нѣтъ, атаманъ, не такъ! Коли ты вернёшься въ Саранскъ, мы тебѣ коримся; а ты въ Саранскъ не ворочаешься, а мы изъ Саранска идти съ тобою не хотимъ.

Подумавши, Осипъ сказалъ:

— Идите, мнѣ насильно васъ не удержать. А кто со мной хочетъ, тотъ пойдётъ. А вы, новые козаки, со мной пойдёте, что ли?

— Съ тобой, Осипъ Капитончъ, съ тобой!— отвѣчала толпа.

Нашлось до сорока человѣкъ, которые воротились къ Саранску; другіе согласились идти за Осипомъ.

— Теперь, сказалъ онъ:—собирайте свои животы и оставляйте бабамъ своимъ, а дворъ зазжётся. Пусть всё гибнетъ—такъ я хочу; такъ по правдѣ!

И вотъ весь отрядъ всполошился: воры отвязываютъ лошадей и сѣдлаютъ. Мужчины изъ дворни собираютъ пожитки... Мужчины изъ дворни прощаются съ бабами и дѣтьми. Наконецъ все готово. Осипъ ѣдетъ, за нимъ весь отрядъ на коняхъ. И вдругъ огонь сталъ пробираться сквозь крыши на всѣхъ строеніяхъ усадьбы; её зажгли разомъ во многихъ мѣстахъ; чаны съ водою, приготовленные накануне Капитономъ Михайловичемъ, были перевёрнуты; оставшіяся бабы бѣгали какъ угорѣлыя и голосили. Вышелъ дѣдушка, что сидѣлъ на пчельникѣ, и указывая на пожаръ, говорилъ:

— Вотъ оно, божье-то наказанье! Вотъ къ чему онѣ были—тѣ примѣты: и собаки выли, и тараканы и мыши ползли изъ дому, и волкъ пробѣжалъ черезъ дворъ, и дымъ выходилъ изъ печи назадъ! Всё это къ бѣдѣ. Такъ я и думалъ! Пропали пчелки мои; а я столько лѣтъ ходилъ за ними! И садикъ мой пропалъ, а я столько лѣтъ его холилъ... И моей бѣдной головушкѣ теперь негдѣ пріютиться будетъ!

Осипъ, удаляясь, нѣсколько разъ оглядывался съ грустью на пылающую родовую усадьбу, пока она не скрылась за холмомъ. Тогда еще нѣсколько времени зарево на небосклонѣ извѣщало о ея гибели.

ХП.

Они бѣжали очень быстро. Осипу было тяжело. Онъ видѣлъ, что пропустилъ время: отецъ можетъ быть, теперь Богъ знаетъ какъ далѣко, и эдакъ пожалуй, не удастся его поймать, и тогда зачѣмъ же онъ, Осипъ, къ ворами присталь? Какъ ни старался онъ себя успокоить внутренно софизмами, что это не воры, что ихъ дѣло правое, что они защитники правды, каратели неправды; но какой-то сердечный голосъ говорилъ ему иное, напоминалъ о бѣломъ царѣ, о долгѣ службы, о святой церкви.... Ужасающая мысль приходила ему въ голову: Разинъ будетъ проклять со всѣми своими единомышленниками, и онъ, Осипъ, будетъ проклять! вѣчно проклять, и не будетъ ему прощенія отъ Бога, никто на землѣ не умолитъ небснаго суди за него: ужасно! ужасно! И когда голосъ совѣсти доводилъ его до этихъ мыслей, онъ дѣлалъ надъ собою усиліе, и вдругъ въ душѣ у него всё возмущалось какъ на водѣ отъ бури: не было ничего тамъ видно! опять онъ обращался къ прежнему чувству мщенія, и начиналъ онъ опять размышлять, куда бы это могъ укрыться отецъ его, по какой дорогѣ направились онъ путь свой. Онъ остановился было на мысли, что Капитонъ Михайловичъ убѣжалъ прямо въ Арзамасъ по дорогѣ; тамъ собираютъ дѣтей боярскихъ.

**

До свѣта проскакали вёрсть тридцать. Восходить солнце. День былъ снова ясный, какъ и вчера. Осипъ осмотрѣлъ свой отрядъ, далъ отдохнуть съ часикъ, покормить лошадей овсомъ, который былъ у каждаго ѣздока въ запасномъ мѣшкѣ, потомъ выстроилъ отрядъ въ четверугольникъ, а гдѣ были рвы и овраги, тамъ приказывалъ развёртываться, ѣхать гуськомъ, а потомъ опять становиться въ четверугольникъ: этотъ родъ строя былъ выгоденъ тѣмъ, что съ какой стороны ни нападутъ, всегда встрѣтятъ отпоръ.

Тогда въ этомъ краѣ было большое смятеніе; разсыльщики Стеньки Разина бѣгали вездѣ по селамъ и деревнямъ, предупреждали крестьянъ, что вотъ появятся шайки, и побуждали приставать къ нимъ. Индѣ легковѣрные не дожидались шайки, сами составляли свою и нападали на казавшихся имъ обидчиками. Подобный случай произошёл тогда верстахъ въ сорока отъ Нехорошевки. Одинъ Стеньки Разина сынокъ, — какъ онъ называлъ себя — зашёл въ село и на сходѣ сталъ читать «прелестное письмо отъ батюшки»: тамъ обѣщалась «воля и ровность.» Народъ раздѣлился на двѣ половины: одна что была постарше и постепеннѣе, хотѣла поймать прелестника; но тутъ нашлось десятка полтора гулягъ горячей крови, — имъ полюбилась рѣчь его; они составили шайку, начали колотить робкихъ, — тѣхъ было гораздо больше, но такъ какъ они были робкіе, то и пустились бѣжать, — а удалые бросились

на помѣщичій дворъ; помѣщика самого дома не было—на службу вышелъ; оставалась жена съ двумя дочерьми: одной лѣтъ пятнадцать, другой лѣтъ девять. Негодяи заперли ихъ въ домѣ, и зажгли домъ, а сами убѣжали съ прелестникомъ, въ надеждѣ пристать къ какой-нибудь большой шайкѣ. Они наткнулись на Осипа, и пристали въ его шайку. Первый вопросъ его былъ объ отцѣ, но они ничего не могли сказать.

Проѣхали еще вёрстъ десять. Тутъ къ Осипу привели мужика, поймали его всторонѣ отъ дороги: двое мужиковъ везло по дорогѣ дрова; увидя издали ратныхъ, покинули они возъ и въ страхѣ бросились всторону; за ними пустились удалые и поймавъ одного, привели къ атаману. Онъ сказалъ, что утромъ здѣсь проѣхала колымага, въ ней сидѣлъ мужчина лѣтъ за сорокъ и женщина лѣтъ двадцати-пяти, а съ ними еще мужчина и женщина: должно быть ихъ люди государскіе, а правилъ парюу рыжій возница; а сзади за нимъ ѣхали двое верхами, и поворотили всѣ влѣво, чаятъ—куда нибудь къ помѣщику: дорога идѣтъ внизъ подъ гору и доведѣтъ до села Бруханова: тамъ усадьба помѣщика Свинорылова, — туда чай они поѣхали. Бывшіе съ Осипомъ прилежно распросили о примѣтахъ тѣхъ, что ѣхали верхами, и вывели изъ отвѣтовъ заключеніе, что это должно быть двое ихъ братьевъ изъ двора: они вѣрно улили вперёдъ, какъ только Осипъ пріѣхалъ въ Нехорошево, и дали знать Капитону Михайловичу, чтобъ спѣшить.

Осипъ взялъ мужика въ провозатые, по указанію его повернули налѣво. Они спустились внизъ въ долину. Между тѣмъ только что они закрылись за гору, какъ по той же дорогѣ изъ Арзамаса ѣхалъ отрядъ, посланный «на высылку» княземъ Долгорукимъ «для провѣдыванья воровъ». Встрѣтивъ на дорогѣ мужика съ дровами, товарища того что повѣлъ Осипа, царскіе ратные люди стали его спрашивать. Тотъ и сказалъ имъ, что поѣхала воровская шайка; взяли его товарища крестьянина неволею; и чаеть онъ, что поѣхали на Свинорылова. При этомъ мужикъ сказалъ, что можно ѣхать прямо и перерѣзать имъ дорогу, потому что дорога идѣтъ внизъ, а потомъ объѣзжаетъ оврагъ и выходитъ на гору; а прямо ѣдучи, можно минуя оврагъ проѣхать на гору скорѣе чѣмъ они поспѣютъ.

Тѣ такъ и сдѣлали. Оставили возы свои на дорогѣ и поскакали во всю прыть по полю. Въ то время, когда Осиповъ отрядъ съѣхавши внизъ, поворотилъ вправо и сталъ объѣзжать оврагъ, чтобъ потомъ взобраться на гору, передъ нимъ въ концѣ оврага при поворотѣ дороги изъ долины на гору, стояла уже высылка и дожидалась ихъ. Нацѣлившись на нихъ ружья, ратные люди кричали: «сдавайтесь, воры, измѣнники!» Было у нихъ и двѣ пушечки на колесахъ. Предводитель отряда велѣлъ выдвинуть пушечки, направить ихъ на воровской отрядъ. Осипу негдѣ было развернуть своего отряда: съ правой стороны была та гора, откуда онъ съѣхалъ, слѣва

оврагъ. Сообразивши своё положеніе, оцъ закричалъ, чтобъ всё поворотили назадъ и взѣхали на гору. Но только что сдѣланъ былъ поворотъ, какъ часть царскаго отряда поскакала на гору отрѣзывать имъ дорогу. Въѣхавши на гору, ратные люди падали сверху внизъ по ворамъ,—тогда какъ другіе поражали ихъ пулями сзади—нѣсколько человѣкъ воровъ легло. Когда они добѣжали до того мѣста, гдѣ прежде слѣзали съ горы, царскіе люди зашедшіе имъ путь черезъ гору, ударили на нихъ съ саблями, ружьями, пистолетами, пиками... Воры тѣснимые и сзади и спереди—бросились стремглавъ въ оврагъ, нѣкоторые переломали себѣ руки и ноги, другіе удачнѣе спустились и бѣжали въ лѣсъ, бывшій на другой сторонѣ оврага. «Гдѣ атаманъ?» кричали ратные. Въ *памяти*, данной предводителямъ, было писано, чтобъ атамановъ приводить живѣмъ на казнь, а чернь бить и разгонять. Толпа воровъ, желая подслужиться и сбавить со своей шеи ожидавшее её наказаніе, схватилась за Осипа и отдавала его. Въ порывѣ отчаянія, Осипъ досталъ саблю и хотѣлъ заколотся, но у него вырвали оружіе и тотчасъ же связали ему руки, а другіе, слѣзши съ лошадей, привязали его ноги къ стремянамъ. Между тѣмъ другіе ратные люди преслѣдовали шайку, кололи и рубили людей и лошадей,—не давали никому пощады; напрасно просили милосердія именемъ Христовымъ дворовые люди Нехорошевыхъ, увѣряя, что ихъ взяли неволею,—всѣхъ истребляли,

перебили человекъ восемьдесятъ, тридцать взяли въ полонъ; а тѣхъ, которые выдали Осипа, отпустили для примѣра. Предводители отряда, Васильгородскій дворянинъ Бурташевъ да сынъ боярской Козодоевъ, привязали лошадей плѣнниковъ уздами за подхвостники другихъ и такимъ образомъ повели ихъ съ собою къ выѣзду на большую дорогу. Весь отрядъ съ Бурташевымъ отправился на дальнѣйшіе поиски, а Козодоевъ съ тридцатью человекъами ратныхъ повёлъ въ Арзамасъ тридцать плѣнниковъ.

Козодоевъ былъ человекъ суроваго нрава и обращался съ плѣнными грубо. Онъ даже не спрашивалъ Осипа и его товарищей: кто они, какъ ихъ зовутъ: всё это было дѣло розыска, а его дѣло доставить ихъ бережно до мѣста суда и казни—въ Арзамасъ. Вѣзъ онъ ихъ два дни, отдыхая мало для покорма лошадей, и только ради крайней нужды позволялъ отвязывать узниковъ по одиночкѣ, а потомъ опять скручивали имъ назадъ руки и привязывали ноги къ стременамъ. Кормили плѣнниковъ изъ рукъ. Такъ доѣхали они до Арзамаса.

Когда сталъ отрядъ подъѣзжать къ городу, то представилось глазамъ множество висѣлицъ, сдѣланныхъ глаголями, а иногда къ одному столбу придѣлывали по два и по три глаголя, но никогда не было по четыре, во избѣжаніе сходства съ крестомъ. На этихъ глаголяхъ висѣли тѣла повѣшенныхъ, по человекъу, а иногда и по два на глаголѣ. Между висѣлицами и тамъ и сямъ торчали колья, а на ихъ

заострённыхъ верхнихъ концахъ сидѣли казнѣнные преступники. Нѣкоторые уже обгнили и испускали зловонный запахъ; и невозможно было, не затыкая носа, ѣхать по той дорогѣ, а у кого нервы были чувствительны съ тѣми дѣлалась даже тошнота.

Здѣсь Козодаевъ впервые, оборотясь къ Осипу, сказалъ:

— Ну, воровской атаманъ! хороша ли у насъ роща? Полюбуйся: придется тебѣ и въ ней отдыхать!

Осипъ не отвѣчалъ, даже не сдѣлалъ движенія, что услышалъ сказанное. Со времени его взятія въ плѣнъ, онъ сообразно своему сосредоточенному характеру, сохранялъ тупое спокойствіе отчаянія.

ХІІІ.

Плѣнниковъ привезли къ воеводскому двору. Тотчасъ выбѣжали стрѣльцы и помогали провозатымъ отвязывать ихъ и водить въ тюрьму. На дворѣ было три тюрьмы; то были землянки съ небольшимъ возвышеніемъ надъ уровнемъ, съ деревянными крышами, насыпанными на аршинъ землѣю; на окраинѣ крышъ были сдѣланы небольшія отверстія для свѣта. Въ каждой тюрьмѣ была такая низенькая дверь, что нужно было входить нагибаясь, а толстяку надобно проходить бокомъ. Пять или шесть ступеней вело внутри внизъ въ просторное подземелье, гдѣ на голой сырой землѣ валялись преступники. Не

оказываемо было никакого состраданія къ ихъ судьбѣ, никто не заботился о ихъ участи: не было у нихъ ни постели, ни свѣжаго бѣлья; кто въ чемъ попался, въ томъ и сидѣлъ, пока суждено ему было сидѣть. У однихъ только на ногахъ, а у другихъ еще и на рукахъ были кандалы; а у иныхъ, самыхъ тяжелыхъ преступниковъ были на плечахъ «стулы». Они никогда не умывались; не водили ихъ въ баню, не давали пить, когда захотѣлось; не выводили для естественныхъ нуждъ, и въ случаѣ болѣзни не только не лѣчили, но не оказывали никакого облегченія участи.

Когда нашего Осипа со старыми товарищами вкнудили въ одну изъ такихъ тюремъ, онъ увидѣлъ себя въ незнакомомъ обществѣ: было тамъ человекъ около двадцати; всё это были товарищи Осипа по безчинствамъ; на нѣкоторыхъ были видны слѣды недавнихъ пытокъ. Одинъ плечистый, дюжій парень въ разорванной грязной рубахѣ, покрытой кровавыми пятнами, съ обстриженною головою, въ цѣпяхъ на ногахъ, обратился къ Осипу съ распросами. Осипъ молчалъ. Парень разсердился, и послѣ нѣсколькихъ одинаковыхъ вопросовъ, на которые не получилъ отвѣта, закричалъ: «что молчишь?» прибавилъ крѣпкій эпитетъ, схватилъ Осипа за шею и началъ трести. Но Осипъ, обладавшій большою силою, освободилъ своё горло отъ невѣжливыхъ рукъ товарища и взаимно схватилъ его за горло и встряхнулъ такъ, что тотъ посинѣлъ, и когда Осипъ оставилъ его,

началъ охать, потомъ сдѣлалось ему дурно. Его сторону приняли товарищи: одинъ подошолъ къ Осипу и хотѣлъ ударить его кулакомъ. Но дюжій Осипъ предупредилъ противника и ударилъ его колѣномъ въ животъ, такъ что тотъ повалился на земь. Послѣ этого на Осипа съ яростью кинулось пятеро, и въ то же время нѣсколько другихъ стали оспаривать у этихъ пятерыхъ справедливость ихъ нападенія и готовились защищать Осипа. Они представляли своимъ противникамъ, что «товарищу ихъ, вступившему вновѣ, надобно было дать время опомниться; а то сейчасъ къ нему пристали: у него сердце еще не спало» говорили они. — Да онъ же и не знаетъ, кто съ нимъ говорилъ.

— Да, подхватили другіе: — ты не знаешь кто это, кого ты схватилъ за горло. Это Керенскій атаманъ.

— А я Саранскій атаманъ! сказалъ Осипъ.—Саранскъ почестнѣе вашего Керенска. Мнѣ говорить сегодня не вмочь, и говорить нечего. Мы уже переговорили всё, и договорились всё разомъ до одного.

— Ну, помиримся, Саранскій атаманъ! сказалъ Керенскій, пришедши наконецъ въ себя: — силенъ ты, братъ, больно: какъ сдавилъ, ажно чуть я духъ не испустилъ. Чтò сидѣть молча! Ты мнѣ про себя расскажи, а я про себя расскажу,—вотъ оно и веселѣе будетъ! А то чтò сидѣть!

— Чтò будешь рассказывать! подхватилъ одинъ

изъ товарищей.—Во рту пересохло, выпить не даютъ...

— Не безпокойся! — сказалъ другой, у котораго вся кожа на ногахъ была покрыта волдырями отъ огненной цытки. — Еще позовутъ и поднесутъ... выпьешь горячую какъ я.

Осипъ всё молчалъ. Но одинъ изъ посаженныхъ съ нимъ его шайки молодецъ рассказывалъ новымъ знакомцамъ всё и про Саранскъ и про Нехорошевку. Когда услышали Керенскіе, что Саранскій атаманъ не какой-нибудь бѣглый холопъ, а дворянскій сынокъ, то пропитались къ нему уваженіемъ. Дво-яне были большою рѣдкостью въ шайкахъ Стеньки Разина. Дворянинъ, передавшійся въ шайку, да еще атаманъ, это небывалая рѣдкость.

— Прости меня! сказалъ Керенскій атаманъ: — что я съ тобою такъ грубно былъ... Что ты, дворянинъ и дворянскій сынокъ, оставилъ свою дворянскую честь и за насъ пошолъ, то тебѣ слава. Зачѣмъ же ты молчишь! Али быть можетъ каяться сталъ, что присталъ къ намъ?

— Нѣтъ, сказалъ Осипъ:—не каюсь я, а досада берётъ меня, что ничего не успѣли мы сдѣлать.

— А, мы сказалъ Керенскій:—не много время-ка гуляли, да за то ужъ какъ погуляли! Много красныхъ дѣвогъ бѣлолицыхъ молодухекъ-лебедушекъ за бѣлы груди потрепали, надъ сынками дворянскими поругались, а что мѣду-вина пролили...

— Да! прервалъ Осипъ:—а теперь будемъ го-

речью загусывать! Такова наша, братцы, судьба на сёмъ свѣтѣ: отколупаешь мѣду ножомъ, что только на мизинецъ набрать, а потомъ хрѣномъ заѣдаешь: и въ мѣшокъ его не уберёшь—такъ много.

На другой день часовъ въ семь утра Осипа и товарищей его стрѣльцы вывели изъ тюрьмы и повели къ допросу. Привели ихъ въ воеводскую избу. За столомъ сидѣлъ товарищъ Долгорукова старый воевода и дьякъ, сидѣло за другимъ двое подъачихъ: у дверей стояли стражи и палачъ въ красной рубахѣ.

Воевода окинулъ глазами Осипа и спросилъ кто онъ?

Осипъ твёрдымъ голосомъ назвалъ себя: дворянинъ Осипъ Капитоновъ Нехорошевъ.

— Дворянинъ? сказалъ воевода. — Дворянинъ! Стало быть, и на царской службѣ былъ! Постой,— Нехорошевъ. Нехорошевъ... Мнѣ что-то припоминается твоё прозвище, чай родня тебѣ какая. Вотъ близу лѣтъ шесть въ Переяславлѣ на Украинѣ одинъ Нехорошевъ... Я тогда служилъ въ Черкасской Малороссійской землѣ—Нехорошевъ посланъ на подъѣздъ въ Степь, бился съ татарами и привёлъ полону татарскаго, а за то послѣ его и жаловалъ государь...

— Это я самый, сказалъ Осипъ:—тогда я служилъ царю-государю.

— А теперь сталъ чорту служить! Ахъ, ахъ! Статочное ли дѣло, дворянинъ, царскій служилый

человѣкъ, а въ холопье дѣло вошолъ и воровскимъ атаманомъ сталъ! Погубилъ тебя лукавый. Эхъ, эхъ! Снимайте съ него допросъ. Смотри же, не врать у меня, а то пытатъ буду больно.

Дьякъ взялъ перо и сталъ спрашивать. Осипъ показывалъ:

— Зовутъ меня Осипъ Капитоновъ сынъ Нехорошевъ, а родомъ я изъ Саранскаго уѣзда; а служилъ я близу десяти годовъ въ Малой Россіи въ полкѣхъ, а въ прошломъ году воротился домой, и какъ вошолъ въ родительскій домъ и увидѣлъ—лежить родная мать моя Наталія Нехорошева Капитонова отца моего жена, на столѣ, и узналъ я, что умерла она отъ ушиба, а ушибъ еѣ отецъ мой Капитонъ, потому: не мила ему стала, что онъ, отецъ мой, сталъ жить блудно съ сосѣднею женою дворянскою Жарскаго Неонилкою. И положили они извести свое подругіе—онъ, Капитонъ, свою жену, а она Неонилка—своего мужа; и я то узнавъ, что смерть моей матери Настасьѣ приключилась отъ моего отца, поѣхалъ въ городъ Саранскъ и билъ челомъ воеводѣ въ томъ убивственномъ дѣлѣ, а воевода моего челобитья не принялъ, для того, что по Уложенію принимать челобитья отъ дѣтей на отцовъ не велѣно; и меня воевода при отцѣ моемъ наказалъ батогами больно; и я, Осипъ, въ сердцахъ убѣжалъ изъ Саранска и прибѣжалъ въ Атеноръ; и тамъ бѣли воры, и я съ тѣми ворами подъ Саранскъ подходилъ и при взятъи Саранска и въ

дуванѣ былъ; а въ Саранскѣ воры меня выбрали атаманомъ; и я, Осипъ, взявши воровъ челоуѣкъ болѣе ста, и поѣхалъ на село Нехорошевку на своего отца; а мой отецъ въ тѣ поры справлялъ свадьбу со вдовою дворянскою женою Неонилкою, что съ нею прежде блудно жилъ; и я своего отца въ дому его въ Нехорошевѣ не нашолъ и погнался за нимъ, хотячи его достать и убить; и на дорогѣ встрѣтился я, Осипъ, съ царскою ратью, и меня, Осипа, съ ворами царскіе люди разбили и взяли въ полонъ и привели въ Арзамасъ—и то моя, Осипова, вина.

По снятіи допроса, Осипа увели въ тюрьму. Часа черезъ три опять вывели его изъ тюрьмы въ избу. Воевода сказалъ:

— Князь Долгорукій говоритъ, что рѣчамъ твоимъ вѣрить немочно: всё это ты выдумалъ отъ себя на отца и на свою мачиху по злобѣ. Говори правду, а не то въ пыточную.

— Я всю правду сказалъ, отвѣчалъ Осипъ.

— Нѣтъ врѣшь! сказалъ воевода. — Ведите его въ пыточную: онъ тамъ правду скажетъ.

Его повели въ пыточную башню. Это была одна изъ деревянныхъ башенъ, которыми была усѣяна деревянная съ присыпомъ стѣна города Арзамаса. Въ башнѣ этой было два яруса. Осипа повели въ верхній. Тамъ была огромная печь для содержанія огня ради пытки огнёмъ, лежали разные инструменты, и стояли два столба съ перекладиною, а

подъ ними лежали круглыя гири разныхъ сортовъ. За Осипомъ пошли палачъ, двое сторожей и сынъ боярскій, который приставленъ у пытки быть. Съ Осипа сняли цѣпи, сторожи обнажили ему спину, потомъ привязали ему къ рукамъ верёвки, а одинъ изъ нихъ взялъ его за эти верёвки на себя на спину, такъ, что животъ Осипа плотно прилолся къ спинѣ сторожа, а палачъ началъ отсчитывать ему удары кнута по спинѣ. Сынъ боярскій за каждымъ ударомъ говорилъ: сказывай правду.

— Я всю правду сказалъ! кричалъ Осипъ.

Дали ему такимъ образомъ ударовъ двадцать, отъ которыхъ кожа на спинѣ потрескалась и лилась подкожная кровь въ изобилии. Потомъ его увели въ тюрьму. Керенскій атаманъ сказалъ ему: что, братъ, позавтракалъ? Послѣ обѣда его снова повели въ пыточную. Тамъ подвели его къ двумъ столбамъ съ перекладиною. Палачъ, обвязавъ ему руки верёвкою, поднялъ его вверхъ и привязалъ на перекладинѣ, а къ ногамъ его привязали гири. Осипъ кричалъ отъ боли. Палачъ взялъ кусокъ раскалённаго желѣза и сталъ водить вдоль израненной кнutomъ спины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нажимая желѣзо съ особеннымъ прилежаніемъ. Сынъ боярской продолжалъ безпрестанно повторять: говори правду. Осипъ среди криковъ, исторгаемыхъ страшнымъ страданіемъ, долго твердилъ одно слово: я всю правду сказалъ, наконецъ, не вытерпѣвши мученій, закричалъ: отрекаюсь.

Его одѣли въ окровавленную сорочку и повели

снова въ воеводскую избу. Дьякъ со словъ его записаль, что всё, что ни говорилъ онъ на отца и на мачиху свою, наговорилъ онъ ложно; а присталь онъ къ воровству своею дуростью, норовя своей бездѣльной корысти. Спрашивали его о товарищахъ. Осипъ что зналъ, то и сказалъ. Не довѣря ему, повели его снова въ пыточную башню, и посадили на горячіе уголья. Осипъ кричалъ, но не могъ ничего новаго сказать. Его отвели въ тюрьму.

— Что, братъ, сказалъ Керенскій атаманъ:—поужиналъ?

Осипъ лежалъ недвижно и не говорилъ ничего. Ему принесли сторожа ломоть черстваго хлѣба; онъ отвернулся.

На другой день привели его снова въ воеводскую избу и уже не одного: съ нимъ ввели его прежнихъ товарищей и Керенскаго атамана съ семью товарищами. Сначала прочитали приговоръ Керенскому атаману съ товарищами: ихъ всѣхъ присудили повѣсить. Потомъ прочитали Осипу слѣдующее:

— Осипъ Нехорошевъ! За твое воровство и измѣну, что ты, пришедъ съ царской службы домой къ отцу, своею дуростью и бездѣльничествомъ присталь къ ворахъ и учинился у нихъ атаманомъ, и учаль съ ними воровать и подь Саранскъ съ ними ходилъ и при взятъи Саранска былъ, и многія убивства и напрасное кровопролитіе учинилъ, и съ ворами на отца своего дворъ находилъ, хотячи отца

своего убить до смерти—довелся ты смертной казни: посадить на колъ.

— Хочешь исповѣдываться?

— Хочу, твердо сказалъ Осипъ.

Его отвели въ особую избу. Тамъ стоялъ священникъ и исповѣдывалъ Керенскихъ. Осипъ ждалъ. Потомъ священникъ обратился къ Осипу и спросилъ его: вѣруешь ли въ Бога, живоначальную, единосущную и нераздѣльную Троицу?

— Вѣрую, отвѣчалъ Осипъ.

Потомъ священникъ смотря въ Требникъ, сталъ ему задавать вопросы о разныхъ грѣхахъ. На многіе изъ вопросовъ Осипъ отвѣчалъ: нѣтъ; на другіе отвѣчалъ: грѣшенъ. И когда дошло дѣло до почтенія къ родителямъ, Осипъ хотѣлъ было открыть свою душу, но священникъ продолжалъ далѣе, сказавъ: «не добрѣ! впередъ такъ не дѣлай!» Наконецъ, переспросивъ о всѣхъ грѣхахъ по Требнику, священникъ прочиталъ молитву, разрѣшилъ его отъ грѣховъ по власти, данной ему отъ Апостоловъ, а въ заключеніе причастилъ его святыхъ таинъ. Осипа повели на казнь. Уже впереди вели Керенскихъ. Ихъ остановили у одного пустого глаголя, а Осипа повели далѣе, и черезъ нѣсколько минутъ остановились. Осипъ увидѣлъ, что Керенскаго атамана уже вздѣрнули. Онъ продолжалъ свой путь послѣ того еще минутъ пять, наконецъ его остановили. Двое палачей подхватили его, посадили на заостренный колъ, а сами удалились. Медленно колъ про-

бываль ему кишки по мѣрѣ того, какъ тѣло его отъ тяжести опускалось, руки у него были завязаны назадъ... Въ невыразимыхъ мученіяхъ, Осипъ оставался одинъ среди гнѣющихъ труповъ, торчащихъ и висящихъ. Онъ мучился такъ почти сутки; вонь вылевалъ ему глазъ еще живому; наконецъ Осипъ лишился чувствъ. Онъ всё-таки былъ счастливѣе многихъ казненныхъ такимъ образомъ; инымъ приходилось мучиться долѣе, смотря потому, какое направленіе въ тѣлѣ приметъ вбитый колъ, а это зависѣло и отъ его фигуры и отъ случайнаго положенія преступника на колѣ.

XIV.

Прошла зима, памятная и страшная для Юговосточнаго края Московскаго государства. Много сѣлъ и городовъ обратилось въ пустыни, много народа крестьянскаго погубило отъ меча, отъ огня, отъ мороза, на висѣлицахъ, на кольяхъ... Но всё успокоилось. Власть законная восторжествовала, мятежъ былъ погранъ. Съ весною зазеленѣли вновь нивы, стали обстраиваться деревни; собственная нужда заставила забывать замученныхъ отцовъ и братьевъ. Въ іюнѣ, самый зачинщикъ смуты, Стенька Разинъ испилъ достойную чашу наказанія на Красной площади, противъ церкви Казанской Богородицы. Русь успокоилась. Осенью и Капитонъ Михайловичъ со

*

своею молодою супругой возвратился въ Нехорошево, выпросилъ у правительства милость: «сто рублей на обстройку, потому-что разорень отъ воровъ», и принялся за возобновленія усадьбы, сожженной Осипомъ. Наскоро отстроили двѣ хозяйскихъ избы и людскую избу, обнесли усадьбу деревянною оградю. Стали приходять кой-какіе изъ дворни и изъ крестьянъ, говоря, что пошли на воровство по неволѣ; другіе не пришли, потому-что были побиты, а третьи не пришли потому, что пристали къ другимъ господамъ. За то явились и новые записаться въ кабалу. Опять усадьба начала напоминать прежній видъ, хотя уже прежняго богатства и довольства нельзя было воротить: то, что было прежде, собиралось многими поколѣніями. Капитонъ Михайловичъ благодушествовалъ со своею молодою супругой. Ключникъ и ключница, уже свободные, остались у нихъ вѣрными слугами и друзьями. Капитонъ Михайловичъ справилъ новоселье. Были приглашены сосѣдніе дворяне, то же воротившіеся въ свои усадьбы; былъ тутъ и священникъ, но уже новый. На пиру, когда поднимали разныя чаши, священникъ съ чашею возгласилъ вѣчную память и упокоеніе погибшимъ и пострадавшимъ во время смуты за святую непорочную вѣру и за здравіе его царскаго величества, великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца. Тогда кто-то, упившись, замѣтилъ, что

жалъ Осипа, котораго нельзя уже помянуть въ числѣ вѣрныхъ слугъ царскихъ. Мгновенно лицо Капитона Михайловича приняло суровое выраженіе, и онъ сказалъ:

— Да погибнетъ память его отъ земли живущихъ! Имя его никогда не вспомнется въ дому семъ! А кто его добромъ или худомъ мнѣ припомнить, того прошу не жаловать за порогъ нашъ.

— Аминь!—сказалъ священникъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго разсказа была представить, въ повѣствовательной формѣ, черты нравовъ, понятій, обычаевъ и домашняго быта въ XVII вѣкѣ. Для этого избраны историческая эпоха и частное событіе такого рода, гдѣ бы удобно было связать поболѣе разныхъ явленій старинной жизни. Сюжетъ разсказа заимствованъ изъ преданія, слышаннаго авторомъ въ Восточной Россіи. Существуетъ воспоминаніе, что одинъ изъ предковъ одной дворянской фамиліи убилъ жену, а сынъ его началъ мстить за мать, вступилъ въ шайку разбойниковъ, сталъ у нихъ атаманомъ, напалъ на отцовскую усадьбу и сжегъ её, а потомъ самъ былъ схваченъ и казненъ. Здѣсь это событіе отнесено ко временамъ бунта Стеньки Разина. Восемь главъ этой повѣсти были помѣщены въ Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній Калачова.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

This book is due on the date indicated below, or at the expiration of a definite period after the date of borrowing, as provided by the library rules or by special arrangement with the Librarian in charge.

DATE BORROWED	DATE DUE	DATE BORROWED	DATE DUE
C28 (1149) 100M			

891.7K84

W

